

ЕКАТЕРИНА ОЛЕНЕВА

ВЕНОК ИЗ РОЗ

Annotation

Беспринципный, безнравственный принц Лейнор Айдаган не привык задумываться о том, что ломает людские судьбы. Он берёт то, что захочет, по праву сильного, и уж точно не видит угрозы в юной, прекрасной девушке, которую избрал на роль очередной игрушки. Но судьба-затейница всё переворачивает с ног на голову, палач влюбляется в свою жертву, а жертва... жертва не спешит прощать палача. Говорят, от любви до ненависти только шаг. А сколько шагов нужно сделать обратно?

- [Глава 1. Известие](#)
- [Глава 2. Обручение](#)
- [Глава 3. Верховая прогулка](#)
- [Глава 4. В лесу](#)
- [Глава 5. Перед турниром](#)
- [Глава 6. Турнир](#)
- [Глава 7. Королевский ужин](#)
- [Глава 8. На корабле](#)
- [Глава 9. Противостояние](#)
- [Глава 10. Укрощение](#)
- [Глава 11. Невольница](#)
- [Глава 12. Шторм](#)
- [Глава 13. Остров](#)
- [Глава 14. Искусство выживать](#)
- [Глава 15. Перед дальней дорогой](#)
- [Глава 16. Река](#)
- [Глава 17. Каменистая пустыня](#)
- [Глава 18. Извержение](#)
- [Глава 19. Во дворце принца](#)
- [Глава 20. Королевское решение](#)
- [Глава 21. Встреча](#)
- [Глава 22. Свадьба](#)
- [Глава 23. Встреча в храме](#)
- [Глава 24. Тьма и свет](#)

Глава 1. Известие

Все обитатели Замка Семи Лесов собрались в Главном зале на вечернюю трапезу.

Здесьняя обстановка была простой, без изысков, но свидетельствовала о стабильности и достатке хозяев, а стабильность и достаток, как известно, неизменные спутники процветания в жизни.

Столы в зале стояли в форме «Г», условно разделяясь на «верхние», господские – и «нижние», предназначенные для всех остальных домочадцев замка.

Стены возле «верхней» части закрывали драпировки с пёстрым рисунком, с изображением прекрасных дев, храбрых рыцарей и свирепых огнедышащих драконов. Под ножками кресел лежали толстые ковры, предохраняя чувствительные женские ножки от прохлады, особенно в зимнюю пору. На «нижней» стороне стола вместо кресел и резных стульев стояли массивные, просто выструганные лавки; по стенам висели принадлежности охоты и боевого вооружения; пол покрывали соломенные циновки.

Милорд и миледи Вестерлинг возглавляли трапезу.

С первого же взгляда на сэра Вильяма становилось понятно, что перед вами человек решительный, упрямый, жёсткий, если не жестокий, привыкший, чтобы с его волей считались, но никто не жаловался на крутой характер милорда, поскольку таковы были общие нравы. Ведь всем известно, что кроткие лорды долго не живут.

Леди Диана Вестерлинг, слыла когда-то первой красавицей в округе и сохранила внешнюю привлекательность и стройность фигуры до сей поры, несмотря на двадцать лет беспокойного супружества. Она подарила жизнь семерым детям, четверым из которых сумела сохранить её по сей день – старшим их дочерям в апреле минуло шестнадцать.

Почётные места по правую от отца руку занимал четырнадцатилетний наследник Вестерлингов, Рикард, и его младший брат, Нортон, которому в ноябре должно будет исполниться десять. Дочери, прелестные двойняшки, Анабель и Роуз, расположились по левую сторону от родителей.

В воздухе витал тонкий аромат женских духов, вин и кушаний.

Все с вождением поглядывали в сторону уже выставленных слугами угощений. Здесь была приготовленные различными способами свинина, кушанье из домашней птицы, оленины, рыбы. Большие караваи хлеба, печенья, варенье и мёд.

Только все собрались приняться за еду, как дворецкий поднял жезл и произнёс:

– Прошу прощения – гонец к его Светлости!

– Что? – нахмурился милорд Вильям. – Что такое? – спросил он, возвращая кусок форели обратно себе на тарелку. – Что за гонец? Откуда?

Голоса, жужжащие над столом, как пчелиный улей, стихли.

– Из столицы, сэр.

– Из столицы? – удивился граф Вестерлинг. – От кого?

– От короля, Ваша Светлость.

– От Его Величества? – на широком лице хозяина замка отразилось беспокойство.

– Прикажете гонцу подождать?

– Подождать королевскому посланнику?! – громом громыхнул низкий голос хозяина замка. – Немедленно впустить!

Роуз и Анабель переглянулись, гадая, прикажет ли им отец немедленно удалиться вместе с другими, или разрешит остаться и узнать новость?

– Приведите его сюда, – приказал сэр Вильям.

Гонцом оказался человек средних лет. Ровным шагом войдя в зал, он, остановившись на середине зала, поклонился.

– Рад приветствовать вас под крышей этого дома, – учтиво кивнул сэр Вильям. – Мне сказали, что вы прибыли с известием из столицы.

– Только что, Ваша светлость.

– Всё ли хорошо? Здоров ли король? Как поживает Её Величество? Всё ли благополучно?

– Все вполне здоровы.

– Хорошо, – с удовлетворённым видом откинулся на спинку стула сэр Вильям. – Так что за известие вы привезли нам? Надеюсь, они добрые?

Достав из-за внутренней подкладки камзола письмо, мужчина, опустившись на колени, протянул его графу Вестерлингу. Дворецкий,

услужливо перехватив свёрток, передал его своему господину.

– Вы сами знаете содержание письма? – спросил сэр Вильям, ломая печать.

По мере того, как глаза его скользили по строчкам, лицо его разглаживалось.

Закончив читать, он улыбнулся.

– Отличное известие! Их Величество устраивает турнир во владениях нашего грандлорда, сэра Эшара. Мы приглашены на это знаменательное событие.

Радостный ропот подхватил это сообщение.

– Ничего не может быть приятнее, – с улыбкой поддержала эту новость леди Диана.

– Сэр Данглар, – обратился сэр Вильям к своему сенешалю. – Распорядитесь, чтобы гостя как следует отблагодарили за прекрасную новость.

– Как прикажете, – поклонился слуга господину.

Новость привела в волнение всех. Весь вечер только и разговоров было, что о грядущем событии. Юноши мечтали о ратных подвигах, девушки – о любви.

Анабель, схватив сестру за руку, увлекла её за собой по лестнице, стремясь скрыться в их общей комнате, чтобы наговориться всласть:

– Королевский турнир – подумать только? Какая радость! Мы увидим августейших особ: короля, королеву, кронпринца и весь королевский двор во всём его великолепии!

– Скажи уж лучше – какой ужас...

– Ужас?.. Почему – ужас? Я тебя не понимаю, с какой стати я должна говорить подобную глупость?

– Сама подумай? До начала турнира остаётся всего ничего, меньше месяца, – заявила Роуз. – Времени на то, чтобы прилично одеться, практически нет, а ведь нужно приготовить платья для пира, для турнира, костюмы для верховой езды. К тому же, мы тут отстали от моды, как Дикие Люди из Крайней Степи. Будем похожи на портреты времён наших бабушек.

– Не переживай, управимся как-нибудь, – махнула рукой Анабель. – Мы будем хороши в любом наряде.

– Не думаю, что самообман в нашем случае чем-то поможет.

Спрятаться в свои комнаты девушки не успели. У двери их поджидала их строгая дуэнья. Окинув своих подопечных хмурым взглядом, она остановила его на Роуз:

– Отец хочет вас видеть. Он велел отвести вас к нему в библиотеку.

Роуз, нахмурившись в свой черёд, попыталась припомнить список своих провинностей, который всегда имелся в наличии, пытаюсь сообразить, за что её могут отругать или даже наказать.

– Вы пожаловались отцу на моё рукоделие, миссис Пул?

Дородная дама в ответ пренебрежительно фыркнула:

– Вот делать мне больше нечего, как соваться пред светлые очи нашего господина по такому поводу. Хотя рукоделие ваше и правда хуже некуда, но об этом я докладываю миледи, а не милорду.

Роуз выдохнула с невольным облегчением:

– Так чем я могла прогневить батюшку, что он желает видеть меня в такой час?

– Не знаю, голубка моя.

– Стоит пойти и всё выяснить, – резонно заметила Анабель.

Миновав коридор с множеством дверей, ведущих в разные стороны, Роуз свернули в тот, что вёл к лестнице, сложенной из толстых дубовых брёвен. Постучав в дверь и получив разрешение войти, она вошла в ту часть библиотеки, которую отец, сколько она себя помнила, всегда использовал как кабинет.

– Вы хотели видеть меня, милорд?

– Войдите, дочь моя.

Комната была ярко освещена восьмью восковыми факелами, стоявшими в серебряных напольных подсвечниках, даже дальние углы не утопали, по обыкновению, в полумраке.

Вильямс глядел в сторону дочери с явным удовольствием.

– Присядь, – кивнул он на высокий, как трон, стул, на котором лежала мягкая подушечка. – У меня для тебя хорошая новость.

Роуз сложила руки на коленях, переплетая пальцы рук.

– Известие о предстоящем турнире всех порадовало.

– Речь не о турнире. Герцог Бэйр, хозяин Тёмного Логова, просит твоей руки для своего первенца и наследника, – сообщил сэр Вильямс, сияя от радости.

– Моей руки? – удивилась Роуз, чувствуя неприятный, нарастающих холод в груди. – Но как же так?.. Почему? Я же его совсем не знаю. Мы даже не разу не виделись...

Она сама понимала, что лопочет полную чушь. Браки заключаются между домами, ради усиления влияния клана или новых военных союзов. Но при этом, конечно, нормальные родители учитывают интересы своих детей и все в итоге остаются довольны.

– Бэйры?.. – она едва удерживалась от того, чтобы совершенно по-детски не топнуть ножкой. – Разве такое возможно?

Роуз знала, что скорее рано, чем поздно её выдадут замуж, как и других девушек. Но она рассчитывала, что её избранником станет кто-то из Эшаров, их грандлордов. Нет, речь не шла о главе дома, на такое её вполне здравые амбиции не замахивались, но кто-то из младшей ветви дома мог быть вполне ей под стать.

– Признаться, я никогда не помышлял о столь выгодном союзе для нас, – с улыбкой проговорил отец. – По своему происхождению они не уступают Эшарам. Да что там? Имениты, как короли. Некогда, говорят, они и были королями.

– Только теперь они не короли, – с досадой проворчала Роуз.

– Нет, но их родословная древнее, чем у Файров. Их род столь древний, что теряется во тьме веков. Сколько стоит Инглен-Мен, столько существуют на свете и Бэйры и их Тёмное Логово. Род Бэйров один из самых богатых и могущественных в стране.

– Всё так, – тихо проговорила Роуз, – но разве такая удача не кажется вам странной? Мы не столь богаты и имениты, чтобы Бэйры желали породниться с нами. Так почему же эти люди, у которых всё есть для того, чтобы взять себе самую богатую и именитую наследницу, останавливают выбор на вашей дочери, сэр?

– Почему, почему... Потому! В последние годы я являюсь правой рукой нашего грандлорда сира Эшара. Ты молода и красива. Женщины рода Вестерлингов отличаются привлекательностью, отличным здоровьем и плодовитостью.

Граф Вильямс запнулся, как если бы воображение его иссякло.

– Почему бы Бэйрам и не взять тебя в жёны? – закончил он. – Ты не бесприданница и не дочь ленного рыцаря.

– Но всё же лордам Бэйрам не чета.

– Перестаньте, маленькая упряmica. Вы всегда отличались разумностью, , в отличие от вашей более легкомысленной сестры, – со вздохом сказал граф Вильямс.

Роуз осенило догадкой:

– Хотите сказать, что Бэйры даже не уточнили имени той из ваших дочерей, которую желают заполучить в свой дом? – рассмеялась она.

Отец выглядел раздосадованным и смущённым:

– И что в этом такого? Какая разница?

– Вообще-то для меня и Анабель разница есть.

– Мы с вашей матерью решили, что вы на роль жены для молодого лорда подойдёте лучше. Вы серьёзней и прагматичнее вашей сестры. А многие находят, что и красивей.

А ещё Анабель она с детских лет была влюблена в Самуэля Эшара, и, хотя тот не то, что никогда не отвечал на чувства молодой девушки, но едва ли замечал само её существование, Анабель упрямо верила в то, что настанет день и час – её день и час! – когда мечты волшебным образом воплотятся в реальность. Известие о возможной свадьбе с молодым Бэйром будет для неё тяжёлым ударом.

Сердце самой Роуз хотя бы оставалось свободным...

– Когда речь идёт о благоприятном для семьи союзе, не следует упрячиться. Эта свадьба укрепит положение нашей семьи, а также обеспечит ваше будущее благополучие.

– Вы когда-нибудь видели его? Он... – поколебавшись, Роуз всё же спросила. – Он молодой?

– Молодой? Что за праздный вопрос? – недовольно свёл густые брови над переносицей Сэр Вильямс. – Конечно, он молод. Всего на несколько лет старше вас. Несмотря на юные годы, о нём уже идёт добрая слава. Он хороший наездник и боец. Уверен, небо пошлёт вам много детей. У вас будет всё, чего может желать душа: свой собственный замок, экипажи, туалеты...

Сэр Вильямс снова смолк. Видимо, воображение его отказывалось рисовать дальнейшие картины благополучия его дочери.

Заинтригованная словами отца, Роуз молчала. В конце концов, правда в том, что замужество – удел большинства женщин. И именно так выходят замуж все благородные дамы: за тех, кого им выбрали родители. Её могли бы выдать за кого-то из тех, кто старше её лет на

двадцать. Отец же уверяет, что её будущий жених молод, богат и знатен. Так отчего она чувствует себя такой потрясённой? Такой возмущённой и несчастной?

– Пусть будет по-вашему, отец, – проговорила она беззвучным голосом. – я выйду замуж за лорда Бэйра.

– Иного ответа я услышать и не ожидал.

Пока она возвращалась в спальню, глаза нещадно щипало.

– Эй, сестрица, – услышала она голос Нортон, своего любимого брата. – Сестрица, мы можем поговорить?

– Ты что здесь делаешь? Тут сплошные сквозняки, простудишься, – попеняла она ему.

Большой, свирепый волкодав, неизменный спутник Нортон, его верный друг, товарищ и охранник, заворчал на Роуз стоило ей сделать шаг в сторону брата.

Нортон грозно окликнул своего пса:

– Сидеть, Алый, нельзя! Извини, сестрица, он сегодня нервничает.

– Ничего, – с улыбкой заверила она его. – Он меня не пугает. Я никогда не боялась собак. Так что ты здесь делаешь? Почему не идёшь к себе и не ложишься?

– Я поджидал тебя. Хотел поговорить.

Роуз присела рядом с братом на подоконник:

– Поговорить – о чём? О предстоящем турнире?

Лицо у братишки скорбно вытянулось.

– Ты разве не рад ему?

– Чему радоваться? Отец сказал мне, что после турнира я поеду в услужение к Эшарам, а там, если повезёт, мне достанется место королевского виночерпия.

– Но это же отлично! Многие могут лишь мечтать о таких волшебных перспективах.

– Чему тут радоваться? – горячо возразил мальчик. – Таскать вино в кубках всем этих раздушенным, придворным господам! – скривился Нортон. – Я бы предпочёл стать воспитанником кого-то из наших соседей, а потом получить место оруженосца, – понурил он голову.

Роуз сочувственно вздохнула, подумав о том, что, несмотря на то, что все новости кажутся прекрасными, на самом деле за ними таится что-то угрожающее, тёмное. Она бы предпочла оставить всё, как есть, без изменений.

В отличие от Анабель, Роуз никогда не мечтала о приключениях. Сердце её было отдано Семилесью.

– Что поделать, мы не всегда волны выбирать свой путь. Таковы наши обычаи, – со вздохом сказала она, погрузнев. – Ты ведь хочешь стать рыцарем, Нортон? Возможно, в королевском дворце ты быстрее добьёшься своей цели.

– Да, таковы традиции, – хлюпнул носом Нортон. – Но я не хочу оставлять тебя, Анабель, маму. Не хочу расставаться с Рикардом. Не хочу уезжать из дома. А ты? Ты разве не боишься?..

– Почему я должна бояться?

Чёрные глаза братишки ярко блестели в полумраке:

– Я слышал о том, что тебя хотят отдать Бэйрам.

– Слышал, да? У кого-то слишком длинные уши, – пожурела его Роуз.

– Замужество – это вовсе не весело, – недовольно буркнул Нортон.

– Правильно. Это же не королевский пир с танцами, в нём и не должно быть весело, – шутливо щёлкнула она его по носу.

– А что, если муж станет тебя обижать? Я не смогу за тебя заступиться. Я ведь ещё слишком мал. Да и буду далеко.

– Ну, если муж станет меня обижать, я напишу отцу, Рикану и тебе. Ты подрастёшь, научишься лучше держать оружие и расправишься с моим обидчиком, я в это верю.

– И ты не станешь меня отговаривать?

– От справедливого отмщения за мои обиды? Нет, не стану. Если обиды будут. Почему ты думаешь, что мой муж будет непременно меня обижать?

Нортон, насупившись, наклонил голову и пожал плечами.

– Ты знаешь, как называют наследника Бэйров?

– Как? – откликнулась Роуз.

– Бешеным. Бешеным Волком.

– Почему – волком? Ведь на геральдических знамёнах Бейров изображён медведь?

– Потому что его зовут Вольфом, а это означает волк.

Роуз нахмурилась. Она мало что знала о мире за пределами зубчатых стен, но кое-какие слухи добирались даже сюда.

Вольф Бейр? Бешенный волк. Кажется, была какая-то скандальная история. И даже не одна. И в обеих замешены женщины.

Может быть потому лорд-отец и решился искать невесту своему сыну в краях подальше от родного, что в ближайших замках невесты не найти? Хотя, с учётом именитости и богатства Бэйров, большинство его знаменосцев вручили бы невинность своих дочерей без долгих слов, в надежде хоть как-то породниться с Медвежьим Домом.

Впрочем, по слухам, Бешенный Волк сам берёт, что захочет.

После холодных переходов замка было так приятно войти в спальню.

– Где тебя носило? – набросилась на неё Анабель. – Я уже собиралась послать за тобой кого-то из девушек. Боялась, что с тобой что-то случилось.

– В родном доме?

– Ну, знаешь, всякое бывает. Лучше не ходить после заката в одиночестве, чтобы не подвергать свою честь опасности.

– Я встретила Нортон и его пса. Уверяю, моя честь была в полной безопасности. Но спасибо, что беспокоишься.

Горничные подошли к Роуз, чтобы помочь ей освободиться от платья и расчесать волосы.

– Так для чего тебя звал отец? – Анабель оказалась не в силах сдерживать своё любопытство дольше.

– Он сообщил мне, что я выхожу замуж за Вольфа Бэйра. Благодарю вас, девушки. Можете быть свободны, – поблагодарила она их за услуги.

Дождавшись, пока она останутся одни, Роуз забралась по небольшой приставной лесенке на высокую кровать под балдахин, которую делила с сестрой.

Анабель смотрела на неё расширенными от любопытства и волнения глазами:

– Вольф Бэйр?.. Да ты шутишь?!

– Если бы.

– Но это же... даже не знаю, – развела руками Анабель. – Его имя, несмотря на молодость, печально известно.

– И что о нём говорят?

– Да много всякого. Я тут, как и ты, оторвана от жизни, но слышала о нём, как доброе, так и худое. По слухам, он отчаянно храбр,

но погряз в привычных для наших дней, пороках.

– Это каких? – уточнила Роуз.

– Дерзок, горд, зол и сластолюбив. Не боится не бога на небе, не человека на земле, жестокосерден и твёрд, как камень.

– Я помню какую-то скандальную историю, случившуюся несколько лет назад. Кажется, с любовницей Фрея Вуда?..

– Да, точно. Наследника Брэйв застукали с официальной любовницей Фрея. Был назначен поединок, и несмотря на то, что Фрэй слыл прославленным опытным воином, Вольф убил его. Причём так жестоко, что после этого его и прозвали Бешеным. Правда, сделал он это после того, как узнал, что Фрэй затравил неверную любовницу собаками насмерть.

– Что? Боже! – искренне ужаснулась Роуз, как всякая высокородная леди не одобряющая адюльтеров, но всё же в глубине души считающая, что смерть – слишком высокая расплата.

А ещё – такая жуткая смерть.

– Но тут юного Брэйя можно понять.

– Король счёл в итоге так же. Его строго пожурили, но даже не наказали толком.

– Считаю это справедливым.

Анабель пожала плечами, и сёстры поудобней устроились на подушках, намереваясь отойти ко сну.

– А вообще, твой будущий муж очень любвеобилен. После любовницы Фрэя он увлёкся Кармиллой Лансар, говорят, даже хотел жениться на ней в обход воли отца, грозящегося отречься от сына и лишить его наследства.

– Кармилла Лансар? Постой, не так ли самая эта Кармилла?..

– Да, она самая. И опять дело кончилось поединком. Когда она узнала, что молодой Медвежонок слово сдержать не сможет или не хочет, наняла наёмников и наш герой-любовник угодил в ловушку. Сражение было неравным, но он всё-таки выжил. Ему приписывают и роман с принцессой Кэтао, – понизив голос, проговорила Анабель, словно кто-то помимо теней мог их подслушать.

А, впрочем, если и мог – какая разница? Что это изменит?

Слушая сестру, Роуз смогла ответить себе на вопрос: почему? Почему высокородного лорда решили женить на дочери вассального графа, одного из знаменосцев. Скорее всего, Бэйрам нужно замять

очередной скандал. Вестерлингам желанен союз с могущественным родом.

А она, её чувства и переживания никому не нужны. Кроме неё самой.

Значит, нужно подумать, как позаботиться о себе любимой наилучшим образом.

Глава 2. Обручение

Роуз галопом вынеслась на холм и, натянув поводья, заставила лошадь остановиться. Проводники, отвечающие за её безопасность, держались чуть позади, не выпуская её из вида, но и не докучая своим присутствием.

Роуз всегда любила это место. Отсюда можно было видеть окрестности как на ладони: округлые холмы, поросшие лесами; старый арочный мост, ведущий к высоким белёным стенам; обширные внутренние дворы, окружённые галереями. Клонящееся к горизонту солнце ярко и чётко, даже агрессивно, заливало все предметы алым, зловещим светом.

Где-то в роще запел соловей. Видеть его Роуз не могла, поскольку сладкоголосая птица сливалась с серыми ветвями, превращаясь в невидимку, но видеть иногда не важно – достаточно слышать.

С тех пор, как весть о её скором обручении с Бешеным Волком дошла до замка Семи Лесов, поползли шепотки, сплетни, пересуды. Роуз заливалась краской стыда и негодования, слыша, что даже крестьяне распинаются о непостоянстве её будущего супруга, меняющего сердечные склонности или, если уж называть вещи своими именами, предмет своего удовольствия, как иные модники меняют перчатки – то есть, непозволительно часто.

Соловья часто называют певцом любви, но если это так, то любовь – это очень грустная песня.

Все эти дни мать лила Роуз в уши: «Лорд Тёмного Логова... достойный человек... храбрый воин...имеет большое влияние...будет прекрасным мужем... ты не можешь выбирать – женщинам не дано выбора».

Слова, как похоронный колокол, звучали у Роуз в голове, заставляя то гневаться, то печалиться, то любопытствовать – каков он, её будущий муж?

А тем временем, все вокруг трудились, чтобы придать замку блестящий вид, достойный приёма благородных гостей, прибытия которых ожидалось со дня на день, ближе к концу недели.

– Госпожа, – напомнил о себе один из стражников, – скоро стемнеет. Не хотите ли вернуться? Тем более, кажется, приближается гроза?

Он был прав. С севера задувал сильный ветер, а в их краях дождь мог то собираться целым день, то полить как из ведра почти сразу – предсказать капризы непогоды заранее невозможно.

Роуз повернула назад и скоро копыта её коня застучали по внутреннему двору замка, вымощенному плоскими, чисто выметенным, плитами. Как раз вовремя, потому что по небу, от запада к востоку, прошёл острый росчерк молнии, высвечивая фигуру её матери, леди Дианы, торопливо спускающуюся по широкой деревянной лестнице.

– Где вас носит, дитя моё? – недовольно проговорила леди Диана, приближаясь.

Она брезгливо приподнимала юбки, чтобы не замарать их в конском навозе.

– Почему вы выехали из замка, никого о том не предупредив?

– Я выехала подышать свежим воздухом. К тому же взяла с собой охрану. Не о чем беспокоиться.

Тут прогрехотал гром, перекрывая голос Роуз.

Девушка поспешила спешиться.

– Идёмте! Идёмте скорее! – торопливо говорила мать. – Вам нужно немедленно переодеться.

– Да что за спешка, матушка? К чему?..

– К тому, что ваш жених уже приехал и ожидает вашего появления в Главном Зале!

Блеск молнии и грохот грома слились в одно, заставляя кровь холодеть в венах.

– Уже здесь?.. – повторила Роуз похолодевшими губами. – Но – как же так? Они ведь должны были приехать в конце недели?

– Ну, а приехали вначале. Что прикажите делать? За воротами их оставить? – с едкой усмешкой оборвала Роуз мать.

– Не слишком-то они пунктуальны. Это, в конце концов, невежливо.

– Хватит нести чушь! – решительно прервала её мать. – Не вам судить, дитя. Гости сейчас собираются ужинать и будет лучше, если вы

не заставите их ждать своего появления, ведь они устали и голодны с дороги.

– Но я не...

Не дожидаясь окончания фразы, леди Диана схватила дочь за руку и властно потянула за собой.

Служанки к появлению Роуз успели натаскать горячей воды в лохань, приготовили платье, драгоценности, головной убор – все только и ждали её появления и сразу же принялись готовить Роуз к первой встрече с женихом.

В дверь постучали. Это был мальчик-паж, которому не дали пройти дальше порога.

– Милорд спрашивает, скоро ли? Почему леди Роуз мешкает? – раздался из-за двери его звонкий голосок.

– Сейчас придёт, – строго отвечала леди Диана.

Происходящее казалось странным, если не дурным, сном.

Роуз поняла, что нервничает. И все женщины вокруг неё нервничают тоже. Это показалось несправедливым! Её кутают в одежды, расчёсывают волосы, прихорашивают, умасливают, сахарят, словно она гусь, готовый к десерту.

– Матушка, я не видела ни экипажей, ни сопровождающего эскорта, так как же лорд Бэйр..

– Молодой Бэйр прибыл верхом, в сопровождении своих оруженосцев, – отрезала мать. – Он молодой, сильный мужчина. Устраивать вокруг себя караван ему ни к чему.

Что тут возразишь?

– Именно поэтому мы и ошиблись, посчитав, что он приедет позже. Налегке передвигаться всегда быстрее.

– Миледи, взгляните на себя, – с улыбкой проговорила Луиза, поднося к Роуз зеркало, чтобы девушка могла оценить результаты стараний своих служанок. – Вы прекрасны! Ни у кого в округе нет таких ясных глаз, пушистых ресниц, такой ослепительно-белой кожи! Молодой лорд влюбится в вас сразу же, как только увидит, – с улыбкой, от которой на её щеках заиграли обаятельные ямочки, закончила она.

Роуз не слишком торопилась верить лстивым речам, прекрасно зная им цену, но отражение в зеркале заставило её убедиться в истинности утверждения.

Она и правда была сегодня хороша, как никогда. Густые тёмные волосы, блестящие и густые, завили в изящные локоны и позволили им свободно спуститься на спину и плечи. Поверх тонкого платья винного цвета, подчёркивающего яркую, выразительную красоту, свойственную брюнеткам, накинули другое, более плотное, сделанное из тонкой шерсти. Длинное и просторное, верхнее платье ниспадало до самой земли, а его очень широкие, отороченные дорогим мехом, рукава доходили лишь до локтей.

– Идёмте, нельзя больше медлить, – сказала леди Диана.

Выпрямив спину и тщательно удерживая на лице заученное выражение горделивого спокойствия, скрывающего подлинные чувства Роуз, как порой тонкая вуаль прикрывает лицо, девушка последовала за своей матерью, держась рядом с сестрой.

**

– Место леди Диане, леди Роуз и леди Аннабель! – провозгласил дворецкий.

Все, присутствующие за столом, встали, отдавая дань вежливости и получив безмолвный поклон в ответ на эту любезность.

Женщины проследовали на свои места.

Лишь опустившись в кресло, Роуз позволила себе взглянуть на группу молодых людей.

Состоящие в свите лорда Бэйра рыцари Роуз совсем не понравились. Разодетые в пух и прах, неестественно прямые в своих великолепных камзолах, они казались высокомерными, заносчивыми, надменными и... какими-то манерными. На их пальцах было столько перстней, сколько не каждая модница решится на себя нацепить; волосы завиты в локоны, как у женщин; и даже обувь была не из обычной кожи, как у простых смертных, а из тончайшего сафьяна лучшей выделки.

На костюме Молодого Волка из Медвежьего Логова замысловатых украшений, к счастью, не было. Новомодным камзолам, которые только-только начали входить в моду в столице, он предпочёл более привычную в здешних краях тунику. То ли намеренно, то ли совпадение, туника эта по цвету совпадала с платьем Роуз. Поверх неё был накинута белоснежная плащ, подчёркивающий гладкую смуглую кожу и густые, чёрные как смоль, кудри, обрамляющие волевое лицо с твёрдым подбородком, орлиным носом и жёстким взглядом.

Молодой лорд Бэйр был хорош собой, не признать это было невозможно, но красивое лицо его было слишком надменно даже для того, кто привык к неограниченной власти. К надменности примешивалась изрядная доля дерзости. Если сама Роуз рассматривала жениха осторожно, украдкой, стараясь не выказывать своего интереса, то он разглядывал девушку открыто, буквально впиваясь в неё взглядом.

В устремлённых на неё черных глазах Роуз видела зажигающиеся искры – словно огоньки на углях. Этот пристальный, горящий взгляд был ей неприятен. Казалось, молодой человек раздевает её одним этим взглядом, с усмешкой оценивая каждую черточку её лица, каждый изгиб тела.

Роуз испытала острое желание опустить вуаль на лицо, но сдержалась.

– Позвольте выразить восхищение красотой вашей дочери, – с улыбкой сказал Вольф, обращаясь к её отцу. – При дворе я повидал много хорошеньких лиц, но, клянусь жизнью, моя наречённая не уступит даже самым прославленным красавицам.

– Боюсь, дружище, тебе лучше поторопиться с обручением, – воскликнул блондин с щеголеватого вида бородкой и тонкими усиками над ещё более узкими губами. – А ещё лучше сыграть свадьбу до того, как королевский двор съедется на турнир, иначе, – клянусь Матерью Всех Богов! – у тебя могут возникнуть проблемы. Всем известно, что по части молодых красоток наш принц ходок не хуже тебя!

Роуз увидела, как улыбка сошла с лица отца.

– Милорды! – нахмурился граф Вестерлинг. – Мы здесь далеки от легких столичных нравов. Некоторые шутки могут заставить взяться за оружие.

– В обход законов гостеприимства? – начал, было, блондин, но прикусил язык, под сердитым взглядом молодого Бэйра.

– Прошу прощения за своего приятеля, – проговорил последний низким, рыкающим, голосом. – Должно быть, вино успело ударить ему в голову, и он не отдаёт отчёт сказанному? Ведь рискнувший бросить косой взгляд на то, что мне принадлежит, передо мной и ответит.

– Я не имел в виду ничего плохого, – поспешил оправдаться его товарищ, видимо, отлично зная, чем чреват подобный гнев, – клянусь

честью. И если я чем-то обидел прекрасную леди Роуз, искренне приношу извинения.

– Надеюсь, вы простите моему другу его глупости? – Вольф впервые обратился к Роуз напрямую.

В тот же момент все мысли улетучились из её головы, а язык прилип к гортани. Она чувствовала на себе его взгляд так, словно это был тяжёлый камень.

Найдя в себе силы преодолеть смущение, Роуз лишь коротко кивнула в знак согласия и поспешила отвести взгляд, чем явно разочаровала будущего жениха.

– Молодость легкомысленна, – подвёл итог сэр Вильям. – Что же касается турнира – не уверен, что рад принять предложения короля, однако поступить иначе не вижу возможности. Мои сыновья слишком молоды, чтобы принимать участие в легкомысленных забавах. А что касается дочерей? Тут я был бы рад, если бы они не покидали стен родового замка. Нынешние времена слишком беспокойны.

Кривая улыбка исказила высокомерное лицо молодого Бэйра:

– Времена всегда беспокойные, сэр. К тому же, уверяю вас, что под моей охраной и покровительством вы будете в полной безопасности.

– Не будьте столь самоуверенны, молодой человек. Никто не может предвидеть превратности пути.

– Но опасность может подстергать нас с таким же успехом и дома, так стоит ли отказывать себе в радостях жизни, лишаясь невинных удовольствий? Что скажете, леди Роуз? – вновь обратился жених к ней.

Кажется, кому-то не терпелось услышать её голос? Молодой лорд Бэйр настойчиво добивался ответа от молчаливой невесты.

– Турниры – кровавое развлечение, – сдержанно произнесла Роуз, тщательно подбирая слова. – Не каждому они приходятся по вкусу.

– Вы не любите турниры? – удивился её жених.

– Не могу сказать с полной уверенностью, ведь я никогда раньше их не посещала. Возможно, я и найду для себя приятные стороны на общем празднике, но, откровенно говоря, сомневаюсь, что сами ристалищные бои доставят мне удовольствие.

– Конечно, не доставят, – поддержала её мать. – На турнирах всегда льётся кровь и умирают люди.

– Но это делается для прекрасных дам, – возразил Вольф, по-прежнему не сводя горящих глаз с Роуз.

– Сражаются мужчины всегда для мужчин, – возразила Роуз кротким голосом. – Дамам ближе к сердцу танцы, а не войны.

Вольф радостно засмеялся над её репликой, показывая в улыбке белые, ровные, крепкие зубы. Его друзья дружно его подхватили, следом за гостями веселье поддержали и хозяева.

Роуз с изумлением наблюдала за столь бурной реакцией на своё простое замечание.

– Ну, раз разговор зашёл об удовольствиях и танцах? – Вольф поднялся из-за стола, оглядываясь по сторонам. – Почему я не вижу в зале музыкантов?

– Вы их и не увидите, – ворчливо отозвался граф Вестерлинг. – В наших краях можно, разве, волынку сыскать?

– Отлично! Пусть будут волынки! Не время привередничать, – он протянул руку оторопевшей невесте. – Прошу вас, миледи, подарите мне танец?

Получив одобрение отца, Роуз с тихим вздохом вложила тонкие пальцы в крепкую, твёрдую, сухую ладонь.

Щёки музыкантов раздувались что есть силы и скрипучие, протяжно-вязкие звуки волынок ритмично наполнили собой зал.

Молодой Волк отвесил поклон, Роуз присела в изящном реверансе. Их руки переплелись, словно два цветка, устремлённых к солнцу, и молодые люди закружились в танце, то меняясь местами, то отвешивая друг другу поклоны, то кружась – в зависимости от рисунка танца.

– Вы не слишком разговорчивы, – снова отметил Вольф. – А жаль. У вас приятный голос и мне нравится его слушать.

Роуз пожала плечами и, не произнося ни слова, лишь улыбнулась, словно дразня молодого человека.

– Вы опоздали сегодня к ужину. Я расспрашивал о вас.

– Неужели?..

– О, вот вы и заговорили, наконец. Да, именно так я и поступил. Моя маленькая, но надёжная шпионская сеть донесла, что иногда, по вечерам, вы любите кататься верхом.

– Милорд находит это предосудительным?

Их взгляды скрестились, как и руки по ходу танца.

– Не в коем случае. Просто из услышанного я сделал вывод, что вам нравится верховая езда. И закаты, разумеется. Но на закате ездить верхом с девицей предосудительно. Люди злы, и бог весть готовы о чём судачить. Но что, если мы прокатимся на восходе?

– Возможно, мой ум не такой острый, как ваш, милорд? Признаюсь, я не вижу разницы между закатом и рассветом? – в тон ему, полушутливо, откликнулась Роуз.

– На самом деле разница огромна. Ведь за восходом следует день, а днём, как известно, по верованиям благочестивых кумушек, ничего предосудительного случиться не может. В то время как ночью... – он усмехнулся, и отвесил очередной поклон, положенный по рисунку танца. – О! Ночь – самое опасное время суток.

– Милорд смеётся надо мной?

– Милорд всего лишь пытается развлечь прекрасную миледи. И делает попытку пригласить её на прогулку, где молодые люди могли бы узнать друг друга лучше.

– Разве за чинной беседой в танце это сделать невозможно?

– На глазах у тысячи зрителей? – усмехнулся он, сверкая белоснежной улыбкой. – Миледи смеётся надо мной? Откровенно говоря, хотя это наверняка и не заметно, но я смущаюсь и робею в толпе народа. И вы, мне кажется, тоже? Не проще ли будет пообщаться среди красот природы?

– Вы смущаетесь и робеете? – прищурилась Роуз и недоверчиво фыркнула. – Мне кажется, вы на себя наговариваете. Скромность и робость, мне представляется, не входит в число ваших добродетелей.

– А какие же, по-вашему, мнению, входят?

– Сложно сказать, после обмена двумя-тремя фразами. Но мне представляется, вы из тех, кто всегда знает, что сказать. Остроумны, находчивы и дерзки.

– Звучало бы почти как комплимент, если бы не строгий тон девы-храмовницы.

– Вы не далеки от истины. Отец забрал нас от сестёр-храмовниц несколько месяцев назад, так что ничего удивительного, если запах ладана не выветрился из наших мыслей и одежд.

– Вы не одобряете остроумия и дерзости?

– Если являюсь предметом их приложения, то нет. Ни в коем случае. Если же их оттачивают на ком-то другом, к стыду моему, я

проявляю те же слабости, что и другие.

– У вас есть слабости?

– Есть.

– И недостатки?

– Конечно, – улыбнулась она в ответ на его улыбку, опираясь на его руку и обходя его по кругу, изящно придерживая пальцами подол платья.

– Вам обещали в жёны невесту без недостатков?

– Конечно.

– И это послужило причиной тому, что наследник грандлорда согласился жениться на дочери рыцаря-ленника, которым, по сути, несмотря на графский титул, является мой отец?

Их глаза снова встретились. Улыбка сошла с лица Вольфа.

– И кто теперь дерзком, леди Вестерлинг?

– Едва ли это дерзость. Скорее любопытство.

– А если я скажу, что ваше очарование сполна компенсирует отсутствие знатности?

– Я скажу, что вы льстивы, если не лживы, милорд. Моё очарование вам было неведомо.

– Это правда. Я был готов к тому, что мне подсунут какую-нибудь тощую кобылу. Ваша красота стала приятным открытием. И даже ваша дерзость мне нравится.

– Вы вновь говорите обо мне да.

– Да, конечно. Разве не так всё и задумывалось.

– Нет, милорд. Я хочу говорить о вас.

– Воистину, нет более приятной темы для разговора, – Роуз вздрогнула, когда, в очередной раз кланяясь и выписывая па ногами, молодой лорд Бэйр ухитрился, пусть мимолётно и украдкой, прикоснуться губами к её руке.

Пальцы словно огнём обожгло, к щекам прилила кровь и Роуз рассердилась. В первую очередь на себя за столь острую реакцию, а уже потом – на наглость жениха.

– Что вы себе позволяете?! – тихо зашипела она, попытавшись отнять руку, но Вольф, смеясь, сжал её руку в своей ладони.

– К сожалению – ничего из того, что хотел бы себе позволить. Неужели я такой счастливец? И моя будущая жена не только самая красивая девушка, но и целомудренна, как Духи Небес?

– Вам не совестно надо мной насмехаться? Уверяю вас, это плохой способ понравиться?

– Насмехаться? – словно встревожившись, проговорил Вольф, прижимаясь к ней в танце чуть ближе, чем требовалось, но всё же, не нарушая границ приличия.

Теперь жар его рук обжигал даже через ткань платья.

– Бог свидетель – я говорю с вами совершенно искренне. Когда я уезжал из дома, то хотел устроить скандал, хотел взбунтоваться против отцовской воли. Но одного вашего кроткого взора хватило, чтобы унять мой гнев...

– Мой кроткий взор? – голос Роуз дрогнул. Ей в равной степени хотелось сказать какую-нибудь колкость в ответ и разбирал смех. – Ваши искренние речи словно заготовлены заранее, – она подняла взгляд и увидела, как в его чёрных глазах пляшут смешливые чёртики. – Для кого-то другого. Или это просто универсальная речь для дамы.

– Это так заметно? – он закусил щёку изнутри, чтобы не рассмеяться. – Ладно, леди Вестерлинг. Вы меня раскусили и мне очень стыдно. Я раскаиваюсь. Но в той части, где я утверждал, что приятно удивлён тем, какой вы оказались – я не лгал. Ни словом не погрешил против истины.

– Я безумно польщена, милорд, – присела она в финальном реверансе, так как танец близился к завершению.

Она оперлась на предложенную её руку, позволяя, согласно этикету, отвести себя к столу.

– Вы так ничего не ответили на счёт моего предложения.

– Покататься верхом на заре?

– Именно. Обещаю, что как только мы останемся наедине, я отвечу на любые ваши вопросы?

Его обжигающе-горячий взгляд словно обжигал Роуз лицо.

– На любые?

– Даже самые неудобные. Обещаю.

Роуз колебалась.

Подобное поведение вряд ли можно счесть разумным. Репутация Вольфа обязывала держать дистанцию. То, что он был назван официальным женихом дело особенно не меняло. Случались в истории

случаи, что девицы теряли невинность до свадьбы, а помолвка расстраивалась, и позор ложился на весь род.

– Вы можете доверять мне, – склонившись к самому её уху, шепнул Вольф. – Ваша честь со мной в полной безопасности, клянусь.

Роуз смирив его задумчивым взглядом.

– Ваши друзья поедут с вами. А я возьму подруг из нашей с сестрой свиты.

– Как пожелаете, – вежливо кивнул он, но Роуз заметила недовольный металлический блеск в его чёрных глазах.

– Завтра в десять велите седлать лошадей для верховой прогулки. Я буду готова.

Они подошли к графу Вестерлингу, поднявшемуся при их появлении. В руках его были два традиционных венка из белых и алых роз – «венки обручения».

– Сегодня, благородные господа, я благословляю мою дочь, леди Роуз, дочь династии Вестерлинг на помолвку с благородным лордом-рыцарем Вольфом из славного и старинного дома Бэйров.

Взяв венок из рук своей жены, леди Дианы, Вильям надел венок из алых роз на голову жениха со словами:

– Будь её поддержкой, как железное дерево для плетущейся гибкой лианы.

Вольф с улыбкой кивнул головой, подтверждая, что согласен со сказанным.

Отец повернулся к Роуз и посмотрел на неё с нежностью:

– Обвейся вокруг него, как плющ, покорись ему с нежностью лилии.

Роуз ответила согласным кивком.

Разломив кусок одной лепёшки, граф Вестерлинг одну половину отдал дочери, вторую – почётному гостю и жениху:

– Разделите плодородие пшеницы и виноградной лозы, как в будущем станете делить сладость и горе этой жизни. Да будет на вас благословение богов, как и мое – отеческое. Да будут к вам щедры небеса!

– Да будут к вам щедры небеса! – подхватили все присутствующие, осушая свои кубки.

– За здоровье! За здоровье молодых! – неслись со всех сторон здравницы.

Это было лишь частью больших празднеств – дань традиции предков. Настоящее обручение состоится тогда, когда пребудут родители жениха. Но это будет не раньше начала турнира.

– Я буду с нетерпением дожидаться утра, – шепнул её Вольф на прощание перед тем, как Роуз покинула пиршественный стол и в компании девушек и сестры удалилась в свои покои.

Глава 3. Верховая прогулка

– Как тебе приглянулся жених? – с заговорщицкой улыбкой спросила Анабель. – Хотя, к чему спрашивать. Я наблюдала за тобой весь вечер?

– Неужели не нашла более интересного предмета? – с усмешкой поинтересовалась Роуз. – Твоё внимание удерживала я? Или Вольф Бэйр?

– Вы оба. К слову, рядом прекрасно смотрите.

– Спасибо.

Роуз не могла с уверенностью сказать, что её раздражала в разговоре, но отчего-то не оставляло чувство, что сестра с ней неискренна, и пытается ненароком задеть обидным словом.

– К слову, почему отец решил сосватать молодого лорда тебе, а не мне? Мы ведь так похожи?

– Почему ты считаешь уместным задавать этот вопрос мне, а не отцу? Какого ответа от меня ждёшь? Я не знаю.

– На мой первый вопрос ты тоже не ответила.

– Какой вопрос? – нахмурилась Роуз, которая и правда успела потерять нить разговора. – Ах, да, нравится ли мне мой наречённый? Что сказать? Я слишком мало его знаю. Даже совсем не знаю.

– Но ведь достаточно для того, чтобы сказать – мил он тебе иль не мил? Люб иль не люб?

– Ну, он показался мне симпатичным. И мне было нескучно вести с ним беседу. Он не робкого десятка и, хоть и молод, кажется, умеет нравиться женщинам.

– Значит, он тебе понравился? – со смехом толкнула Анабель её в бок.

– Скажем так, он меня не разочаровал, – полушутя, полувсерьёз отпихнула от себя сестру Анабель и они обе упали на пуховые подушки.

– Похоже, и ты его – тоже, – зашептала Анабель в душной полутьме, царившей под балдахином кровати. – Он смотрел на тебя такими глазами!

– Какими?..

– Будто ты вкусное-вкусное блюдо, и ему не терпится тебя съесть; целиком, как есть, проглотить, от макушки до туфелек, со всеми твоими лентами и жемчужинками.

— Ну, ты и пустомеля, – смущённо захихикала Роуз, одновременно и смещённая, и польщённая словами сестры.

– Ты ему явно нравишься, – вздохнула Анабель, посерьёзнев, можно даже сказав, погрустнев. – Интересно, когда отец найдёт и мне жениха, будет ли он вполтину так хорош, как твой.

– Не завидуй мне, сестра, –с лёгкой обидой в голосе проговорила Роуз, садясь на постели и подтягивая к себе колени, чтобы обхватить их руками. – Никто не знает своего будущего наперёд. Я ещё даже не невеста, мало ли что может случиться. Да и вдруг молодой волк не так хорош, как кажется?

Анабель насмешливо прищурилась:

– Отчего-то мне кажется, что именно так и хорош. И даже ещё лучше!

– О! Продолжай в том же духе, и я смогу поверить, что юный Эшар может больше не опасаться твоих чар – ты нашла им более правильное применение, решив испробовать на моём будущем муже.

С шутливой досадой Анабель бросила в сестру подушку. И через секунду та вернулась к ней обратно. Схватив её за угол, Анабель ударила Роуз импровизированным оружием по плечу:

– Прекрати! Порвётся наволочка – рассыпятся перья, а я не хочу коротать ночь за уборкой.

– Тогда не провоцируй меня на бой! – полушутя-полувсерьёз свирепела Анабель. – Не произноси при мне этого имени.

– Какого имени? – наивно округлила глаза Роуз. – Сэр Эшар?.. Ох! – схватилась она за побитое плечо. – Полегче! У меня синяк останется.

– Ну, и пусть! Поделом тебе!

– Нет, правда, Анабель! – Роуз схватилась с другой стороной подушки, и они перетягивали её друг к другу как канат. – Давай оставим эти детские забавы! Я теперь почти взрослая дама, без пяти минут – невеста и завтра с утра жених станет ждать меня на свидание. Ты же не хочешь, чтобы я явилась к нему не выпавшаяся, с кругами под глазами и перьями в волосах?

– Он назначил тебе свидание? – оживилась Анабель.

Подушка сразу была забыта и отброшена в сторону и забыта.

– Расскажи!

– Что тут рассказывать. Оказывается, мы оба любители верховой езды.

– И ты собираешься поехать кататься с ним без свидетелей?

– Я что, похожа на безумную? Конечно, мы поедем целой компанией.

– Значит ли это, что и я тоже могу поехать?

– Конечно, можешь. Развлечёшься, флиртуя с каким-нибудь красавчиком из свиты моего жениха и перестанешь на меня дуться.

– План хорош! – согласилась Анабель и вернулась на подушки, чинно нырнув под одеяло. – Нужно спать. Ты права, синяки под глазами нам завтра и правда ни к чему.

Утро выдалось прохладным и солнечным – для намеченного мероприятия лучше и желать нельзя.

Роуз и Анабель захватили для своих любимец хлеб с солью. Было настоящим удовольствием кормить с ладони лошадку, чувствовать, как мягкие губы осторожно касаются кожи на мягкой ладони, смахивая хлебные крошки. Это не было обязательным моментом, но это было моментом приятных и для всадницы, и для рысака.

Роуз всегда предпочитала седлать свою Дымку самостоятельно, но на этот раз, когда она спустилась, лошадь уже стояла под седлом.

Дымка была чистых кровей, тонконогая, стремительная и быстрая, но при этом очень осторожная и послушная: идеальная лошадь для прекрасной всадницы. Раскраска у неё была неравномерной, морда, если не считать тени у чутких ноздрей, почти белая, круп отливал вороновым блеском, а бока – с переливами, из тех, что называют, «в яблоках».

Дымка вся была огонь и нетерпение, и её настроение легко передавалось и хозяйке. Не терпелось ощутить бурление крови во время быстрой скачки, свист ветра в ушах. А если натянуть поводья и замереть, то почувствуешь, как прямо через тебя течёт тишина, веками скапливающаяся под раскидистыми стволами древес Семилесья.

– Очаровательная лошадка для прекрасной всадницы.

Обернувшись, Роуз встретила взглядом с улыбающимся Вольфом.

– Доброе утро. Надеюсь, вы хороши спали?

– Как всегда превосходно.
– О, значит бессонница вам не ведома?
– Мы не знакомы.
– А мне ваш прекрасный образ не давал спать.
– Уверена, вы меня с кем-то путаете. Может, вам мешала спать докучливая надоедливая мошка, которую вам никак не удавалось поймать?

С этими словами, не дожидаясь, пока молодой человек предложит свои услуги и помощь, Роуз умело поставила ногу в стремя и легко и ловко взлетела в седло. Дымка затанцевала под ней, нервно перебирая ногами и девушка не стала сдерживать свою любимицу. Едва тронув послушную лошадь поводьями, она пустилась в галоп, ответив смехом на ругательства, понесшиеся ей в спину – жених, видимо, рассчитывая на долгий обмен любезностями и не рассчитал, что юная всадница оставит его позади в облаке пыли.

Оглянувшись, она увидела, как кавалькада всадников и всадниц несутся за ней, сопровождаемые смехом и гомоном собственных голосов.

Через несколько минут Вольф догнал её. Он скакал, припав к холке своего гнедого коня. Повернув голову, он сверкнул в её сторону чёрными глазами и хищной, белоснежной улыбкой.

Не желая сдаваться, Роуз ударила пятками по бокам лошади, заставляя её лететь ещё быстрее – показать всё, на что способна. Дважды просить не пришлось. Дымка словно не скакала, а стелилась над землёй. Ветер свистел в ушах. Копыта, бьющие по земле, словно вибрировали во всём теле, проходя от копчика к шее по стреле позвоночника.

Впереди, прямо на пути, перед ними, возникла грубо вытесанная глыба, покрытая шубой темно-зелёного мха. Изо всех сил сдавив бока Дымке, Роуз заставила лошадь взвиться в прыжок, приникая к её холке.

Время словно замедлилось на тот миг, в который они, оторвавшись от земли, несколько секунд парили в воздухе. А потом жёсткое приземление отозвалось во всём теле, едва не заставив Роуз вылететь из седла, но всё же она удержалась.

Вольф, словно птица, перелетел через препятствие следом за ней, но затем его конь, строптиво заржав, взвился, сделав свечку, гневно,

угрожающе суча по воздуху острыми копытами.

Всадник, не удержавшись в седле, скатился на землю, несколько раз перевернулся и остался недвижимым лежать на земле.

– Вольф! – не помня себя от страха и тревоги Роуз спешила и бегом, путаясь в юбках, бросила к пластом лежащему юноше. – Милорд! Вы ранены?! Что с вами?!

Но не успела она упасть на колени рядом с ним, как умирающий резво ожил. Она и моргнуть не успела, как оказалась на спине, под его мускулистым телом.

– Попалась, птичка! – нагло ухмылялся он, нависая сверху и выглядел весьма довольным.

– Так вы притворились?! – возмущённо вскрикнула Роуз, пытаясь вывернуться из его рук.

– А ты испугалась за меня, – продолжал расплываться он в довольной улыбке. – Признайся, что испугалась?

– Признаюсь, и при том – охотно! Кому приятно видеть, как у него на глазах кто-то вываливается из седла, рискуя размозжить себе череп! – гневно выкрикивала она.

– Игра стоила свеч! Ты была так мила, пока бежала ко мне. Ты и сейчас мила, хоть и похожа на разъярённую ночную фурию.

– Пустите меня, милорд! Это неприлично!

– Пущу, сей же час, как только ты меня поцелуешь!

– Не дождётесь!

– Это почему? – наигранно удивился он, мило склоняя голову к плечу. – Мы с вами помолвлены, если помните, и скоро я смогу не только просить, но и требовать ваших поцелуев.

– Скоро – это не сейчас.

– Поцелуй. Всего один поцелуй. Разве я многого прошу?

Она замерла, перестав вырываться и поглядела на него всё ещё рассержено, но уже без искренней злости.

– Вы должны извиниться, за что, что напугали меня вашим глупым розыгрышем!

– Я извиняюсь, – разыгрывая искреннее раскаяние, проговорил Вольф. – Я и не надеялся, что моя безопасность может так вас встревожить. А теперь ваша очередь, Роуз. Ну, же! Не упрямитесь! Нас скоро догонят, и мы так и не узнаем, каким сладким может быть наш поцелуй...

Она замерла, обмякнув в удерживающих её руках и сквозь ресницы посмотрела на молодого человека. Его ладони держали её руки, зажимая их над её головой в попытках удержать, когда Роуз вырывалась. В какой-то момент их пальцы переплелись.

Роуз не решалась поднять на Вольфа глаза. Вот только что могла с гневом и яростью смотреть ему в лицо, а в следующий момент это отчего-то сделалось таким сложным.

Ей было душно, и жарко, и томно.

Его руки отпустили её пальцы, но лишь затем, чтобы прижать плечи Роуз к земле. Его губы были совсем рядом...

Роуз потянулась к ним сама, как цветок непроизвольно тянется за солнцем, раскрывая тому на встречу все свои лепестки.

И в следующей момент он поцеловал её. Она никогда не целовалась ни с кем прежде, боясь, что глупые рыцари станут судачить о своей госпоже. Да и желания такого у неё не возникало – так, праздное любопытство, но это было недостаточной причиной...

Вольф целовался так, что у неё голова шла кругом. Это был бешеный, сумасшедший поцелуй, жаркий и страстный, ошеломляющий и покоряющий Роуз. Их губы разъединялись лишь затем, чтобы глотнуть воздуха и с новой силой и жадой соприкоснуться вновь.

Роуз была новичком в искусстве поцелуев, но Вольф вряд ли имел основания упрекнуть свою ученицу в отсутствии понятливости или прилежания. Чудесное опьянение обволакивало её. Она чувствовала себя счастливой. Зелёные травы сплетались рядом с ними, качались, как колыбель, убаюкивали сознание.

– Боже! Боже мой... – сорвалось с губ Роуз. – Я...

– Что – вы, миледи?..

– Я не думала, что это...

– Что это – что? – его горячие глаза пытались прочесть мысли девушки на её лице.

– Что поцелуй так опьяняет.

– Рискну предположить, что пьянит не любой поцелуй, – лукаво ухмыльнулся он.

А потом вдруг посерьёзnel:

– Мне кажется, что я влюбляюсь в вас, миледи.

– Какая невидаль, милорд! – фыркнула Роуз, отталкивая молодого человека от себя. – Сдаётся мне, вам влюбляться не впервой.

– Почему вы так говорите?

– Потому, – сказала Роуз, отправляя одежду, – что как не оторваны мы от столицы и Царьграда, сплетни порой и сюда доходят. Готова поспорить, мои поцелуи для вас далеко не первые.

– Готов поспорить, – дерзко парировал он, – что будь вы первой, кого я целую, мои поцелуи вряд ли бы вам понравились.

Стало грустно и обидно. Совсем не таких слов ожидала Роуз от Вольфа. Ей хотелось нежности, хотелось слов о любви, о том, что она единственная. А прозвучавшая прямолинейная правда вовсе не пришлась ей по вкусу.

Не говоря ни слова, она направилась к Дымке.

– Леди Роуз!..

Нет, его голос не заставит её обернуться. Не сейчас, когда чувства её слишком яркие и острые, и она может сгоряча наговорить то, о чём позже станет жалеть.

– Подождите. Ну, почему вы так холодны? Я вовсе не хотел вас обидеть!

– Почему я холодна?! – резко обернувшись к нему, прошипела змейкой, которой отдавили хвост, Роуз. – Вы влюблены в другую!

Она была готова расплакаться от злости и досады, больше даже на себя, чем на него. Она понимала, что ведёт себя, как ребёнок, но никак не могла себя заставить вести по-взрослому, спокойно, холодно и рассудочно, как полагается леди. Сначала она бесстыдно целовалась с ним, а теперь вот, закатывает сцену ревности...

– Если я был когда-то влюблён в другую, так ведь это потому, что я не знал вас!

– Вы правда думаете, что я приму ваши слова за чистую монету? Вы считаете меня настолько глупой и наивной? Это... это даже звучит несерьёзно.

– Несерьёзными были мои чувства к той, к другой девушке.

– Как легко вы спешите от неё отречься?

– Чтобы отречься, нужно сначала дать клятву или обещания. Но она всегда знала, что между мною и ней не может быть ничего, кроме...

– Кроме? – вопросительно вздёрнула бровь Роуз, строптиво поднимая подбородок.

– Неважно, – твёрдо прозвучало в ответ. – Главное, что это вам, а не ей будет принадлежать моё имя, моя честь и, я предчувствую это – моё сердце. Мы не просто обручены, мы нравятся друг другу. Вы хоть представляете, какое это счастье? О! Даже вашего упрямства не хватит на то, чтобы помешать мне любить вас.

Роуз не оставляло ощущение, что её либо разыгрывают, либо смеются над ней.

Как только Вольф сделал шаг вперёд, она поспешно, едва ли не испуганно отпрянула и почти бегом кинулась обратно к своей лошади – его конь успел отойти довольно далеко, так что здесь и девушки была очередная фора.

Дымка довольно заржала, когда Роуз поставила ногу в стремя, стрелой взлетела в седло и изо всех сил ударила бедное животное пятками по бокам, срываясь с места в карьер.

– Роуз! – возмущённо ударило её в спину.

Но она его не слушала, торопливо сбега.

Ей хотелось побыть одной, чтобы успокоиться, ну, и немного уязвить, сбить с него спесь. Вольф вёл себя слишком самоуверенно, как сытый кот с серой мышкой, уверенный, что его добыча от него не ускользнёт.

Роуз такое поведение не пришлось по сердцу. Ей хотелось осадить его, как понесшего скакуна.

Нет, он – что?.. Правда думает, что она поддастся на такую простую, грубую лесть и растает, как льдинка на горячем солнце. Хотя... он, кажется, не так уж и далёк от истины?

Небо, с утра чистое и ясное, начало потихоньку затягивать облаками, Тропа, уводящая в лес, была слишком узкой, волей-неволей, пришлось натянуть поводья, скакать уже не получалось. Лошадь шла шагом.

Стоило въехать в лес, как всё вокруг словно окутало сумраком. Роуз, посмеиваясь про себя, подумала, что погода словно следует за её настроением: солнечное с утра погрузилось в пасмурное состояние.

В задумчивости она продолжала углубляться в лес.

Свинцово-серые тучи всё собирались и собирались, становясь гуще и темнее, с каждой минутой всё меньше света пробивалось

сквозь завесу облаков. Роуз знала, что сейчас не может быть позднее полдня, но по ощущениям выходило, что едва ли не вечер.

Явно приближающаяся буря не испугала Роуз. Она была слишком погружена в себя, ничего не замечая вокруг. Она-то надеялась, что Вольф последует за ней, но судя по царящей тишине, никого вокруг не было. Даже кузнечиков и цикад.

Тишина...

Лошадь стала нервно передёргивать ушами и до Роуз дошло, что она впервые, с тех пор, сколько себя помнила, осталась совершенно одна. Рядом не девушек, ни стражников. А вокруг так тревожно.

Семилесье опасное место для одинокого путника. Здесь находят себе пристанище и укрытие охотники; здесь живёт дикое и страшное зверьё, от которого даже самой лихой лошади не всегда удаётся уйти. А она совершенно безоружна.

Роуз натянула поводья, с испугом глядя на кусты разросшегося вдоль, почти умирающей тропики, папоротника. Ей мерещился зелёный отблеск, что часто таится в глазах хищников, в каждой тёмной расщелине, в каждой тени.

Дымка тоже нервничала и холодящий трепет проник в сердце девушки. Она чувствовала опасность и поспешила, развернув лошадь, повернуть назад. Какое-то время она верила, что едет обратно, но потом с замиранием сердца поняла, что не узнаёт местности.

В первый момент это показалось невероятным. Она не могла заблудиться! Но потом пришло понимание, что подобный вариант развития событий вполне возможен. Ведь обычно она просто следовала за своими проводниками, полностью доверяя им выбор дороги.

Роуз почувствовала себя беспомощной и глупой, и ничего отвратительней этого она в своей жизни до того момента не переживала.

Словно самого по себе то, что она заблудилась в лесу было мало, под копыта Дымке стремительно сорвалась змея. Были ли змея ядовитой, разобрать не удалось, но лошадь вздыбилась на задние ноги, делая свечку и Роуз, не ожидавшая такого от минуты назад спокойной и послушной лошадки не удержалась в седле и сорвалась на землю. Сильно она не ушиблась, но плохо было то, что испуганная Дымка унеслась в чащу леса.

Раздосадованная Роуз выругалась далеко не изящным образом. Если бы отец был рядом, наверное, всыпал бы ей за подобные выражения – он такого и от конюхов не терпел, а тут – дочь.

Но сейчас было не до выражений. Вернее, до выражений Роуз никому не было никакого дела. Последний друге – её Дымка, и та ускакала, оставив её одну.

Сердце испуганно ухало. Заблудиться и заплутать в лесу может быть смертельно опасно. Хотя, она ведь не могла далеко удалиться. Даже если этот Вольф (трус, подлец и мерзавец, потому что из-за него она оказалась в таком положении) не станет её искать, а девушки решат, что она вернулась в замок, довольно быстро обнаружится, что это не так, из замка вышлют следопыта. Её разыщут до темноты. Непременно. Бояться точно нечего.

Роуз старалась подбодрить саму себя.

В первый момент она ещё надеялась, что испуганная Дымка далеко не убежит и пошла по следу, оставленному в живой растительной стене лошадьё. Она переживала за свою любимицу едва ли не больше, чем за саму себя. В лесу водились волки, вдруг бедняжка наткнётся на стаю? Конечно, и сама Роуз могла натолкнуться на них с не меньшей долей вероятности, но она в любой момент могла забраться на дерево, а вот у лошади, лишившейся разума со страха, шансов спастись много меньше.

И снова досада на Вольфа поднялась со дна души горячим пузырьём. Вот если бы он не стал её целовать, она бы не потеряла бдительности и не оказалась бы сейчас... там, где оказалась.

Впрочем, только глупец винит другого в своих ошибках. Умный понимает – чтобы не происходило в его жизни, именно он несёт за это ответственность.

Она, наконец, выбралась из буреломника на твёрдую тропу. Она была отлично утоптанной, кое-где засыпанной еловыми иглами. Тропу с двух сторон обступали деревья, с ровно обломанными ветками приблизительно на уровне лица Роуз. Создавалось впечатление, что их подпилили.

Тропа была похожа на двухколейку, словно в лесу кто-то пытался проложить тракт, чтобы ездить в повозках. Роуз подумала, что не тайком ли их враги пытаются разбить тропу, прикрываясь могучими ветвями вековых деревьев.

Девушке вдруг стало интересно и любопытно. В её голове ожили старинные сказки, что рассказывала в детстве кормилица – о тайных тропах ведьм и странного народа, что живёт в холмах. Рискнувшим войти в эти тайные жилища неведомого народца открывались великие тайны бытия.

Охваченная любопытством, она двинулась вперёд по тропе, надеясь, что скорой выйдет к человеческому жилищу. В колее, ровной и гладкой, хорошо прикатанной, то и дело попадалась лунки, не слишком глубокие, может, чуть глубже дюйма.

Тропа уверена шла через густой кедровый стланик.

Стоит попасть неприятностям и начинает казаться, что им уже не будет конца. Мало того, что она заплутала в лесу, потеряла лошадь так ещё и дождь пошёл.

Сначала ещё была надежда, что обойдётся лёгким, рассеивающим дождичком, от которого легко укрыться в под кроной любого дерева, но – нет. Сначала поднялся ветер, да такой, что ветки летели и Роуз не оставалось ничего другого, как искать себе укрытие.

Деревья мощными корнями приподнимали землю так, что под ними образовывалось нечто, напоминающее уютную пещеру. Когда хлынул ливень, Роуз юркнула в это укрытие за неимением лучшего. Пахло мхом и грибами. Над землёй, точно призрак, поднимался туман. Не лёгкой кисейй, ни шлейфом или шарфом, а густой, стоячей, как вода, волной.

Роуз подобрала под себя ноги, обнимая колени руками. Дождь уже успел намочить ей волосы, платье тоже стало влажным, несмотря на то, что импровизированная пещера служила укрытием в известной степени.

В какой-то момент ей показалось, что к запаху прелых листьев примешивается ещё один – тяжёлый, смрадный, удушливо-сладковатый. Повинуясь не вполне осознанному побуждению, Роуз осторожно поднялась и сделала шаг в ту сторону, откуда, как казалось, несло падалью.

Ноги её словно приросли к земле.

Менее, чем в десятке шагов от неё, плавало в месиве из грязи и крови мужское тело. Стоп у него не было. Не сразу до Роуз дошло, что рука, лежавшая в сторону, откусана, всё тело словно острыми ножами изрезано. В первый момент она посчитала, что тело лежит лицом вниз,

а затылок разбит в месиво, но потом поняла – лицо у человека откушено, превращено в кровавую кашу.

Роуз бросилась в кусты. Рвало её нещадно. Никогда прежде она не видела, чтобы смерть приходила к кому-либо в таком жестоком, ужасном обличье.

Оттерев лицо влажной от дождя рукой Роуз в первый момент даже словно бы и не испугалась.

Огромная зверюга стояла прямо перед ней – рыжая шерсть торчком, маленькие, сверкающие глазки над ощеренной клыкастой пастью, алой от крови.

Несколько коротких секунд девушка и медведь смотрели друг другу в глаза. Роуз, как замороженная, не могла отвести взгляда. Сердце колотилось короткими болезненными толчками. Она понимала, что это – верная смерть.

Вот тебе и вход в Волшебные Холмы. Только одним путём смертные могут в них проникнуть. А вот и проводника послали ей боги. Всё встало на свои места – медвежья тропа, медвежья берлога.

Зверь зашёлся жутким, с коротким перерывом, рёвом.

Отступать было некуда – за спиной Роуз был медвежий дом.

«Помоги, господи!», – пронеслось в её голове.

Она понимала, что смерти не избежать. Лютой, кровавой и мучительной. При мысли, что она тоже останется лежать в грязи без лица стало мерзко. Но до этого, как не жутко думать (а не думать-то не получается) ещё придётся дожить. Не муж станет ласкать её нежное тело – медведь заломает.

Говорят, иногда зверь лесной пугается и слушается человеческого голоса, но Роуз от страха его потеряла. Да и сомнительно, что, раз убив и отведав человечины, зверь побрезгует новой добычей.

Поднявшись на задние лапы, медведь опять заревел, как засмеялся.

«Господи, прими мою душу! Пошли скорую смерть! Не дай долго мучиться», – взмолилась Роуз и, как не странно, обычно глухие к мольбам смертных боги вняли её голосу.

Раздался топот, кусты зашевелились, отвлекая внимание медведя на себя и между ней и хозяином леса на своём гнедом скакуне вылетел Вольф.

При его появлении медведь вновь осел на задние лапы и дико заревел от ярости, так, что даже деревья содрогнулись. Радость Роуз при появлении спасителя сменилась на обоснованное опасение: как бы вместо одной жертвы в добычу медведю не досталось две. Или даже три – если считать лошадь.

Замотав мордой, медведь вновь поднялся во весь свой огромный рост.

Глава 4. В лесу

Никогда прежде ей ещё не было так страшно! Даже минутой назад, когда Роуз столкнулась с медведем лицом к лицу, когда она была наедине с чудовищем. Кажется, с появлением Вольфа должно было стать легче, но сердце Роуз лишь сильнее заходило от ужаса, хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, как зверь разорвёт её отважного спасителя на части, но какая-то неведомая сила заставляла смотреть, несмотря ни на что, не отрывая взгляда, не опуская ресниц.

Вольф на ходу слетел с лошади, каким-то неведомым чудом удержавшись на ногах, а конь, ошалев от страха при виде дикого, скалящегося хищника, рванулся сквозь колючие заросли дикой ежевики.

Всё случилось с в считанные секунды, хоть и казалось бесконечно долгим.

На мгновение человек и зверь замерли, впившись друг в друга взглядом и Роуз была готова поклясться, что в черных зрачках медведя она читала почти человеческую хитрость – зверь будто просчитывал, хватит ли его сил на то, чтобы одолеть противника. В случае с Роуз он не сомневался, но новая добыча была крупнее, агрессивнее и явно сильнее.

Вольф, плавным движением выхватил нож из ножен на поясе, весь подобрavшись, как для прыжка.

Обоюдоострый клинок холодно блеснул в тусклом свете пасмурного дня. Нож этот был особой формы: заострённый к концу и с кровостоками по бокам, около десяти дюймов длины, широкий. Клинок отделялся от рукояти стальной перекладной.

Совсем некстати вспомнились рассказы о том, что Хозяин Леса способен одним ударом лапы оторвать человеку внутренности или вырвать когтями внутренности. И то, что длинными зимними ночами у домашнего очага казалось страшным в реальности оказалось ещё страшнее. Зверь пугал величиной тела, стремительностью. С расстояния в десяток шагов раскрытая алая пасть с острыми жёлтыми зубами и стекающей из неё белой пеной, зеленоватое свечение глаз; вздыбленная на хребте, волнами ходящая шерсть, утробное... даже не

рычание, а клокотание, от которого земля под ногами вибрировала. А ещё тяжелый, смрадный запах зверя, острый и гнилостный.

Зверь какое-то время стоял, пошатываясь на задних лапах, не торопясь нападать и в какое-то мгновение у Роуз зародилось сомнение – может быть, вместо того, чтобы нападать, он уйдёт? Такие истории охотники тоже часто рассказывали.

Но зверь не ушёл. Резко упав на все четыре лапы, он молниеносно, как собака, рванул вперёд. Только гораздо, гораздо быстрее.

Словно со стороны она услышала свой отчаянный и испуганный крик, который, наверное, справедливости ради стоило бы назвать пронзительным визгом. Так кричит смертельно раненное животное.

Вольф не попытался нанести удар в район ключицы или подмышку, пытаясь достать сердце – втянув голову в плечи, он упал на колени, во всю длину ножа всаживая его в брюхо зверю, а потом, повалившись на землю, откатился в сторону.

Кишки, вывалились медведю под лапы, и он заскользил в них, оглашая округу диким рёвом, в котором смешивались ярость и боль.

Не давая противнику прийти в себя, Вольф в дикой ярости налетел на него со спины, седлая, как коня и вогнал зверю в ухо меч почти на треть клинка. Рёв медведя и человеческий крик был одновременно дик и грозен, неистов и оглушителен. Казалось, всё живое испуганно смолкло.

Медведь рухнул, несколько раз дёрнулся и, наконец, затих. Вольф обессиленно прислонился к дереву, не выпуская окровавленного клинка из рук. Он тяжело дышал и с ног до головы был покрыт кровью.

Впрочем, всё на поляне было ею покрыто.

Тяжело дыша, молодой человек с усилием перевернул медвежью тушу и вытащил застрявший в его брюхе нож, вытирая его о густой, влажный после дождя мох.

– Вы в порядке, миледи? – наконец, взглянув на Роуз, спросил молодой человек.

Роуз хотела, было, ответить, что нет, но голос её не слушался. Оставалось только помотать головой в ответ.

– А вы?.. – наконец, выдохнула она. – Вы не ранены, сударь?

Перехватив его взгляд, она бы покраснела, но вся кровь отхлынула куда-то. Наверное, вместе с душой – в пятки.

– Сложно сказать сейчас, но, вроде, кажется, нет? – криво усмехнулся он. – Самому не верится – я уложил медведя в семьсот фунтов в одиночку, с одним ножом в руке и без единой царапины!

В голосе парня слышались самоуверенные, едва ли не хвастливые нотки, но, следует признать, что у него было на то право. Он не секунды не колебался перед тем, как полезть в пасть чудовищу. А ведь если подумать, он не обязан был этого делать. Конечно, в куртуазных балладах всегда прославляются рыцари, готовые ради прекрасной дамы, ребёнка или невинно-обиженного обнажить мечи броситься на защиту слабого, но в жизни?..

Они были почти незнакомы. Один поцелуй не в счёт.

Чувствуя, что ноги её дрожат, Роуз присела на поваленное дерево. Её трясло от пережитого нервного напряжения и хотелось плакать, но если уж Вольф после рукопашной может вести себя как ни в чём не бывало, то и она должна суметь.

– Ну, и здоровяк! Восемилеток, не меньше. Как думаешь, стоит отрезать у зверя лапы?

– Зачем? – удивилась Роуз.

У Вестерлингов не принято было есть медведей, но она слышала, что дальше, на севере, у некоторых домов это было вполне в порядке вещей.

– В качестве трофея. Хотя, нет, лучше возьму эту тварь с собой, велю сделать из него чучело. Представь, если поставить такого красавца в полный рост у входа в оружейный зал? Впечатляюще выйдет, а? – посмеиваясь, говорил Вольф.

Роуз испуганно передёрнулась. Что касается её, она бы предпочла никогда не видеть и тени этого монстра

Взгляд её скользнул по поверженной медвежьей туше, задержавшись на вытянувшейся в страдании морде.

Вольф, покрытый с головы до ног медвежьей кровью, сам выглядел более, чем потрясающе. И устрашающе – диким, пугающим, жестоким.

При взгляде на девушку лицо его смягчилось:

– Вы испугались. Мне очень жаль, что вам пришлось всё это пережить...

– Если бы не вы, я бы и не пережила, – перебила его Роуз и, наконец-то, зарделась. – Мне сейчас очень неловко, что я свои глупым поведением спровоцировала все эти события. Но в наших краях в это время года о нападении медведей давно не было слышно.

Она закусила губу. Ей было очень стыдно за свою глупость. Девушке благородного происхождения не полагается убежать от охраны. И как только она не могла не узнать медвежью тропу?

Несколько коротких секунд чёрные глаза словно острые когти впились в её лицо.

Но потом Вольф снова усмехнулся:

– Всё к лучшему. Надеюсь, теперь вы будете ко мне благосклонней, мидели? Понимаю, что это наглость, но всё же рискну попросить за спасение вашей жизни ещё один поцелуй?

Увидев испуг в её глазах, Вольф засмеялся:

– Не сейчас, конечно. Сейчас это было бы не слишком приятно, понимаю.

– Это место не навевает романтических настроений.

– О, если бы мы были в балладе, разве прекрасная дева не мучается желанием отблагодарить своего возлюбленного рыцаря?

Роуз едва не лягнула, что не уверена, что так уж сильно влюблена, но вовремя прикусила язык. Подобное с её стороны было бы грубостью и неблагодарностью.

– Дева мечтает вернуться в замок, увидеть храброго рыцаря вновь чистым и прекрасным, а жуткие трупы оставить позади.

– Жуткие трупы? По счастью, труп здесь один.

– Увы, но нет. Вон за той елью лежит то, что осталось бы и от меня, не подоспей вы столь вовремя.

Нахмурившись, Вольф, сжимая в ладони клинок, двинулся в указанном Роуз направлении. Не доходя, он остановился, брезгливо поджимая губы, видимо, уловив трупный запах. Клинком он отвёл в стороны раскидистые листья папоротника, из-за чего в воздухе тут же зажужжал рой мух. И тут же отпрянул в сторону:

– Да чтоб меня!.. Вот не повезло бедняге, – проговорил он и даже кровавая корка на лице не скрыла резкой зеленоватой бледности.

– Медведь-людоед? В берлоге, наверняка, есть ещё кости?

– Я не знаю. Не хочу идти в берлогу. Я хочу уйти отсюда. А что, если медведь не один и рядом бродит медведица? У нас с собой даже

копья нет!

Вольф нервно облизал губы. Выказывать страх он не хотел, но он и первого-то зверя едва одолел. Шансы, что удастся уцелеть в схватке со вторым были не велики.

– Ты права, – неожиданно согласился он, чем ещё раз удивил Роуз.

Отец никогда не соглашался с мнением матери (по крайней мере – прилюдно) сколько бы раз права она не была.

– Я вернусь сюда вооружившись, с собаками и людьми, чтобы предоставить бедняге отпевание и нормально похоронить останки. Пошли!

Ладонь, обернувшаяся вокруг кисти Роуз, была твёрдой и горячей. Кровь он частично отёр о мокрый мох, частично она высохла, но так или иначе, а отвращение Роуз его вид не внушал ни капельки.

Если бы не Вольф... если бы не Вольф, было бы страшно и подумать...

Молодой лорд уверенно отыскал тропу, и они двинулись вперёд. Сумрак лишь сгущался, хотя гроза, вроде бы, осталась позади. Могучая стена леса окружала их со всех сторон. Ветви деревьев свешивались едва ли не к их лицам, увеличивая тени.

– Вы уверены, что мы идём в правильном направлении? – испуганно жалась к своему будущему мужу и спасителю девушка.

– Я – житель леса. Медвежье логово взято в кольцо гор и лесов, перед которыми ваше Семилесье почти чинно разбитый королевский парк. Так что не беспокойтесь и доверьтесь мне.

Роуз не стала озвучивать своих сомнений, но, когда она в последний раз слышала от мужчины призыв ему довериться и не о чем не беспокоиться, её лошадь едва не охромела, потому что потеряла подкову. И добирались до замка они вдвое дольше.

– Ваш замок называется Медвежьим Логовом?

– Угу, – кивнул Вольф.

– Почему?

Он бросил на неё взгляд и спросил, подтрунивая:

– Что значит Бейр?

– Я не знаю.

– Не знаешь?

В свой черед удивился он так искренне, что Роуз почти устыдилась:

– А должна?

– Берлога чьё жилище? У этого слова однокоренное название с моим родом. И наш родовой тотем?..

– Медведь! – осенила Роуз и ей почему-то сделалось не по себе. – Получается, ты только что убил тотемного зверя – покровителя вашего рода?

– Ну, – засмеялся Вольф, – мне показалось, он не пытался оказать нам покровительство?

– Ну... – замялась Роуз, опираясь на предложенную ей руку для того, чтобы удобнее было перебраться через большой валун на тропинке. – Это же считается дурным знаком. Разве нет.

– Может быть, – согласился Вольф. – Но, если выбирать между дурным знамением и тем, чтобы пойти первопредку на обед?..

Роуз расстроилась ещё больше. Она не отличалась суеверием, но знамение накануне помолвки – так себе.

Лес, притихший, было, после гибели своего Хозяина, стал потихоньку вновь оживать. Вновь стал лениво постукивать дятел, время от времени резко вскрикивала пёстрая сойка. И...

– Ты слышишь? – крепче сжал ладонь Роуз в своей руке Вольф.

– Что?! – испуганно вздрогнула она.

Но, увидев выражение его лица, успокоилась – оно не выражало тревоги.

– Гул воды?

– Нет.

– Ты прислушайся: однообразный гул – слышишь? Это отдалённый звук водопада, доносимый ветром. Не знаю, как ты, а я только рад искупаться. Пошли!

– Но что, если мы заблудимся?.. – нерешительно высказала свои страхи Роуз.

Остаться ночью в лесу юной леди с молодым человеком – это будет какой скандал? Если бы медведь её съел, шуму и то было бы меньше.

– Если честно, не понимаю, о чём ты переживаешь? – легкомысленно отмахнулся Вольф, продолжая уверенно двигаться вперёд. – Не понимаю, как вообще в лесу можно заблудиться? Зимой, когда снега превращают всё в ровную пелену, ещё ладно, ведь есть

опасность пропасть в какой-нибудь расщелине. Но сейчас весна! Тут же всё может служить указателем дороги...

– Да? – распахнула глаза Роуз, стараясь увидеть озвученным им указатели и понять ориентиры.

– Вершины деревьев каждую секунду отбрасывают тень. Мох на каждом пне расскажет тебе, в какой стороне загорится вечером Первая звезда. Оленьи тропы, бегущие к рекам, гуси и прочая живность, – радостно вещал Вольф, обрадованный тем, что удалось полностью завладеть вниманием невесты.

Роуз внимательно смотрела и слушала. Но и вершины деревьев, и мох, и тропы говорили ей так же мало, как не знающему грамоты – буквы. Она их видела, но не понимала. Лес казался ей враждебным. Никогда прежде не углублялась она в него так далеко.

Сгущающиеся тени придавали лесу мрачный вид. Очертания деревьев словно расплывались во влажном сумраке и Роуз робела, ей мерещились за стволами глаза хищных зверей.

– А вот и река, – с удовлетворением взмахнул рукой Вольф.

Роуз знала её, но никогда не думала, что она протекает и в лесу. Берега были высокими и утёсистыми, а лента воды казалась зажатой между ними. Деревья, подходящие к самому краю обрыва, казалось, готовились прыгнуть вниз. Кое-где мощные корневища, приподнимая землю, простирались прямо в воздухе.

– Смотри! – обрадованно вскрикнула Роуз. – Это наши лошади?

Среди редящих кустов и зарослей, между большими валунами, два испуганных скакуна сиротливо жались друг к другу.

– Дымка! Моя Дымка! Она жива! – глаза Роул воссияли от счастья.

Вольф вновь усмехнулся и коротким посвистом позвал к себе жеребца. Тот вскинул точёную голову и, обрадованно, коротко заржав, устремился к хозяину, распушив гриву и хвост.

Дымка последовала за своим новым другом. Через секунду люди и их четвероногие питомцы, в которых так легко было видеть друзей, счастливо воссоединились.

– Вот видишь? А ты боялась. Всё ж к лучшему, – подарил Роуз очередную улыбку Вольф. – Ну, что ж? Думаю, пора возвращаться.

Осторожно посадив девушку в седло, сам он пошёл вперёд, ведя обоих коней в поводу.

– Не бойся, – успокаивал он то и дело тревожно вздрагивающую девушку. – Скоро выйдем на твёрдую тропу. Я уже узнаю это место. Думаешь, я это говорю просто так, чтобы тебя успокоить? Нет. Вон три сосны, а у одной, та, что чуть в отдалении, с расколотой верхушкой – видишь?

Роуз кивнула.

– Если бы я сочинял, я бы не мог сказать, что следом за ними появится берёза с искривлённым стволом. А она – вот.

Он не ошибся. Роуз и впрямь скоро её увидела.

– Ты успел запомнить?

– Ну, да. Хотя, когда услышал твои крики, я мчался вперёд, уже не особенно разбирая дороги. Так и думал, что, либо вепрь, либо медведь, либо волк. Кто ещё может заставить девушку так кричать?

– Я так сильно кричала? – смутилась Роуз. – Наверное, это звучало ужасно?

Вольф снова засмеялся, запрокидывая голову, чтобы взглянуть лишний раз на Роуз:

– Вам говорили, что когда вы смущаетесь, то становитесь совершенно очаровательной?

Она покачала головой, хмурясь. Раздумывая про себя, уж не принялся ли он снова над ней насмехаться?

– Нет, ну, правда – большинство девушек, краснея, обычно выглядят...

– Глупо?

– Но не вы.

– Вы преследовали меня? – сменила девушка неприятную тему.

– Конечно. Разве мог я поступить иначе. Я с самого начала правильно рассчитал, что вы не отдаёте отчёта опасности, в которой можете оказаться. И оказался прав.

– Где же вы так хорошо научились драться? Я слышала, что вы выросли при дворе?

– Вырос? Нет, – тряхнул он головой. – Бывал довольно часто, ведь мой отец Первый Советник короля. Но вырос я в родовом замке. А я уже говорил вам...

– Что он окружен скалами и лесами.

– И в них водятся твари страшнее волков и медведей.

– Это какие же? – недоверчиво поджала губы Роуз.

– Разные.

– Расскажите, – настаивала она на своём.

– Ну, например, подземные обезьяны.

– Обезьяны? Разве они живут в подземельях? Их дома разве не на деревьях в жарких странах?

– Да. Но это не настоящие обезьяны. Они появляются лишь в темноте и не отходят далеко от своих пещер, так как боятся дневного света. Совершенно жуткие твари, лысые, как колесо и глаза светятся, как у кошки. Даже страшнее, если сравнить с тем, что кошки, на самом деле, симпатичные зверюшки. А помимо белых обезьян там обитают василиски.

– Змеи с петушиным гребнем, способные обращать одним взглядом в камень?

– Ну, если ты сам не прирастёшь к земле со страха, то камнем ты не станешь. Но твари страшные. Длинные, и способные подниматься на хвосте, как кобра, только размером... ну, вот с то дерево!

– Да, ну?

– Я клянусь! У василисков клыки с мою руку, и яд такой страшный, что прожигает даже металл.

– Но как же тогда его собирают?

– В стеклянную тару, специальным образом обожжённую.

– И эти василиски водятся около вашего замка? – в ужасе спросила Роуз, понимая, что, кажется, уже начинает скучать по медведям. – Но как же вы тогда на них охотитесь?

– Редко находятся смельчаки, если честно. Специально охотиться на эту тварь дураков нет. Но если нападёт, приходится отбиваться.

– И как же вы выживаете в таких условиях?

– Ну, в замке отца есть отличные ведьмаки. Они обычно ставят защитные заклинания против подобных неприятностей. Укладывают обратно в могилу нечисть, если потребуется. На самом деле не зверья и нежить стоит бояться. А людей.

Роуз не стала ему возражать. Хотя не особо в это верила. Никогда ещё ни один человек не пугал её так, как сегодняшний медведь.

– В вашем замке интересно жить?

– А в вашем? – насмешливо фыркнул он в ответ.

– Обычно. Вокруг моего замка не ползают василиски и отцу нет надобности держать ведьмаков. Да я и не думаю, что нам были бы по карману из услуги.

– Начнём с того, что вам они без надобности. А что касается вашего вопроса? Да, в Бэйре жить интересно. Я люблю тот дикий, скалистый, опасный край. Когда я возвращаюсь домой, кровь моя кипит, но здоровым ключом. Опасность подстерегает на каждом шагу – но она чистая, честная. В горах и лесах всегда понятно, где враг и где друг. Звери только кажутся ужасными. На самом деле, зная их повадки, правила, по которым они живут, с ними легко поладить. Даже самый страшный и жестокий хищник всего лишь неразумное дитя перед человеком.

– Странно слышать это от вас. Нет, я тоже люблю животных. Овечек, кошек, верных псов.

– Псы?.. Даже звучит не очень. Волк благородней пса. И уж точно ему в подмётки не годится большинство людей.

– Мне слышится в ваших словах горечь. Вас кто-то обидел?

– Ну, прямо скажем, меня нелегко обидеть. Но некоторые поступки наших с вами собратьев не могут внушать доверие даже сейчас, когда мне едва двадцать. Не знаю, что будет, когда я доживу до возраста моего отца. Если доживу, конечно.

– Ваш отец... разве вы не любите его?

– С чего вы взяли? – нахмурился Вольф.

Но в следующий момент лоб его снова разгладился:

– Вы неправильно истолковали мои слова, миледи. Я всем сердцем люблю отца, но лёгким человеком его не назовёшь. Вы скоро познакомитесь с ним и всё поймёте.

Вольф снова взглянул на Роуз и тонкая улыбка скользнула по его лицу.

– Почему вы улыбаетесь?

– Потому что подумал, что даже лучше, что мы тут с вами одни блуждаем. Это, конечно, немного нас компрометирует. Но, если отец вдруг решит передумать на счёт нашего брака, у меня теперь будет весомый повод возражать.

Остановившись и задрав голову, он, улыбаясь, глядел на неё, щуря чёрные глаза:

– Потому что ты очень нравишься мне, моя леди-невеста. И после того, как мы принесём Богам наши обеты и клятвы, я буду счастлив увести тебя в мой дом, уложить в свою кровать, преломлять с тобой хлеб, делить воду и соль... и, как там дальше?

– До скончания дней, – подсказала Роуз внезапно вдруг севшим голосом.

– Ну, да! – кивнул он своей буйной, кудрявой чёрной головой. – До скончания дней. – Какой свадебный подарок ты хочешь?

– Я... я не знаю.

– Ну, так подумай и узнай. Сапоги из кожи василиска? Хочешь светильник из пера Жар-Птицы? Или, может быть, баночку для духов из драконьего стекла? Ты только скажи! Я сам их для тебя добуду!

Роуз засмеялась несколько деланным смехом:

– Мне ничего этого не надо, милорд. Отличным подарком станут ваши любовь и верность, если вы отдадите их мне.

Сомкнув руки на тонкой девичьей талии Вольф снял её с седла, словно она совсем ничего не весила.

– Ты получишь всё это и много больше. А взамен поклянёшься мне принадлежать мне – мне одному. И подарить мне таких же красивых дочерей, как ты и таких же смелых сыновей, как я.

– Конечно, – смеясь, закивала Роуз. – Смелых, сильный и... очень скромных.

– Скромность пусть дочерям в наследство достанется, и они станут краснеть так же мило, как их мать.

– Что ж?.. План хорош. И я не возражаю, – с улыбкой кивнула Роуз, даже и не думая вырываться из кольца его рук, бережно поддерживающих её за талию.

Ей нравилось смотреть в его чёрные глаза, в глубине которых разгоралось опасное пламя. Впрочем, Роуз не верила, что оно способно навредить – оно согревало и радовало.

– Я выиграю для тебя турнир, моя прекрасная Роза. И увенчаю твою головку не просто свадебным венком. Я короную тебя короной королевы Любви и Красоты.

– Это будет слишком.

– Для моей любимой – в самый раз.

Они замолчали, глядя друг другу в глаза, словно спрашивая друг друга – правда ли? Правда ли всё то, что мы сейчас друг к другу

чувствуем? Может ли наяву приключиться с нами то, о чём грезят трубадуры и менестрели? То, что умудрённые старцы с остывшей кровью высмеивают и отрицают, и о чём их внуки не устают мечтать? То, что кажется бессмертным, могучим, как сама Вечность, но на деле столько хрупко и ранимо?

Любовь ли это?..

А потом они одновременно потянулись друг к другу, соединяя уста в поцелуе, сливая два дыхания в одно, вновь пробуя на вкус сок губ, солёных и нежных.

Роуз не пугало перемазанное кровью лицо, горящие чернотой глаза, сильные руки и твердые плечи. Всё это влекло и завораживало. Словно она плыла в зыбких волнах и наконец-то обрела под руками опору.

А Вольфу казалось, что он держит в руках самую Весну, животворящую, тёплую, податливую и нежную. Он отвоевал свою суженную у смерти и теперь не намеревался отдавать её никому.

Он готов был сразиться за неё не только с медведем. Со всем миром. Но она утверждала, что и без того готова любить его. И её губы это подтверждали.

С трудом молодые люди оторвались друг от друга.

– Я люблю тебя, – проговорил Вольф.

И на этот раз Роуз ему поверила.

Как странно, что один и тот же день способен подарить самую безумную бурю и самые яркие лучи; позволить пройти над черной пропастью и насладиться тишью зелёной равнины; поглядеть в глаза самой Смерти и обрести самое ценное в мире – любовь.

Глава 5. Перед турниром

К моменту возвращения молодых в замке Вестерлингов царил хаос. Возвращение свиты Молодого Волка и отсутствие его самого, а также пропажа юной невесты никому оптимизма не внушали. Старый граф уже садился в седло, намереваясь возглавить поиски пропавших или поимку беглецов, похитивших его дочь, или...

Появление молодых разрядило обстановку не сразу. Вольф воодушевлённо рассказал несколько подправленную версию случившегося, в которой Роуз не усакала на поиски приключений, а стала жертвой внезапно решивший проявить характер Дымки, вдруг понесшей её в лес. Ну, а дальше и сочинять ничего не приходилось.

Вильям слушал, сурово сведя брови. Но когда Вольф подробно рассказал о местонахождении побеждённого медведя и его жертве, сопоставив факты, пришёл к выводу, что подобная история вполне могла случиться в действительности. Скандала не случилось. И жизнь пошла дальше своим чередом.

Всё вокруг вертелось вокруг предстоящего турнира. Время было посвящено разговорам о предстоящем турнире и сборам в дорогу. В какой-то мере это было даже к лучшему; ни сестра, ни подруги не приставали к Роуз с подробными вопросами о случившемся, как это непременно случилось бы в любое другое время.

Выехали они чуть свет, едва солнце позолотило края лёгких облаков, чуть поднявшись над горизонтом. Конечно, с самого начала было оговорено ехать как можно тише, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, но как можно быть тихими и незаметными, когда вас – целая кавалькада?

В замке несколько дней стоял шум, гам и пыль столбом. Потом всё это перебралось на королевский тракт.

Сама поездка осталась в памяти, как нечто мучительное – сплошная тряска. Было бы отлично, если бы они могли передвигаться верхом, как это делали мужчины, но нет. Для безопасности и пущей торжественности их всех усадили в карету. Хотя каретой этот огромный и неуклюжий ларец на колёсах назвать можно было лишь условно: прямоугольный длинный кузов, поставленный на четыре

колеса, выложенный изнутри подушками и задрапированный паровыми занавесками. С учётом того, как жгло солнце, Роуз спустя несколько часов пути стало казаться, что её запихнули внутрь печи и медленно поджаривают.

Карета вмещала в себя всю женскую половину дома Вестерлингов, вернее, ту, его часть, что рискнула отправиться в путь: леди Диану, Роуз и Анабель, свиту девушек и их служанок.

Перед дорогой много разговоров было об опасностях и о том, что дороги и тракты по нынешним временам, беспокойны, много шептались, передавая слухи о беспорядках, междоусобицах, нападении разбойничьих банд, но продвигались вперёд они вперёд уверенно и без приключений. Лишь однажды, проезжая через очередной бор, заметили какие-то подозрительные фигуры, притаившиеся за деревьями, но ещё до того, как кавалькада поравнялась с ними, фигуры растворились между деревьями.

Для ночевки порой разбивали палаточный лагерь, но чаще старались разместиться в трактирах и постоялых дворах. Тем передвижения задавали лорд Бэйр и отец Роуз, двигаясь во главе колонны, впереди своих знаменосцев. Если бы можно было любоваться сменой пейзажа за окном и видом прекрасного всадника, в которого Роуз успела влюбиться, время можно было бы провести прекрасно, но... кроме духоты и тряски развлечь себя было совершенно нечем. Одно утешало – длилось всё это недолго и к исходу третьего дня они добрались до места.

Анабель изнывала от нетерпения, желая, как можно скорее вновь встретиться с Эшарами. Но гранд-герцоги не могли встречать всех своих слуг лично, слишком много гостей стекалось к их владениям со всех сторон, поэтому Вестерленгов приветствовал на пороге не сам лорд, и не его наследник (о чём втайне мечталось Анабель), а всего лишь его управляющий.

Но Роуз не хотелось вникать в суть этикета и обижаться на нюансы. Её внимание целиком и полностью было занято новизной происходящего.

Место для турнира было очень живописным. У опушки большого леса, на огромной поляне, покрытой дёрном, стояла добрая сотня павильонов, а может и больше. Великолепные шатры, украшенные флагами и гербами господ, которым они предназначались в качестве

временного жилища: увы! – но замок Эшаров, как не был обширен, не мог в себя вместить всех желающих и многим дворянам предстояло разместиться в палаточном городке.

Все вокруг было очень возбуждёнными. Ждали прибытия королевской четы.

«Король приезжает!», – звучало повсюду.

– Это правда? Король действительно вот-вот будет здесь, как думаете? – обратилась Роуз с вопросом к своему наречённому.

– Спокойнее, – поморщился тот, отирая пот со лба и опускаясь в кресло. – Меньше страсти по этому поводу, моя прекрасная невеста.

– Вы должны знать наверняка, ведь ваш отец...

– Да-да-да! – покивал Вольф, потянувшись за стаканом охлаждённого лимонада, который ему поспешили поднести. – Мой отец состоит в свите короля и не только состоит, но ещё и занимает должность его Первого Советника – я помню! Мне никто не даёт возможности забыть об этом. Кстати, ходят слухи, что на турнир прибудет не только король и крон-принц, но и их таинственный гость из-за Кипящего Моря.

– Что ещё за таинственный гость? – вопросительно приподняла бровь Роуз.

– Таинственный гость принца, как не странно, тоже принц – кузен нашего. В его подчинении в будущем окажется загадочное Сребротравье, находящееся в аккурат за упомянутой мной ранее Кипящем Морем. Представляю, как нервничают Эшары? – посмеиваясь, проговорил Вольф, вытягивая перед собой свои длинные ноги и любясь отблесками на начищенных сапогах перед тем, как вновь перевести смеющийся взгляд на лицо своей невесты. – Принимать столько царственных особ сразу опасное, утомительное и разорительное мероприятие. Непременно посочувствовал бы им, будь я чуточку более добр. Как жаль, что я совсем не добр.

– А вдруг я не смогу заранее узнать о прибытии короля в замок? Вдруг пропущу его проезд?

– Тогда вам останется только вздёрнуться на ближайшем суку, моя милая, – желчно ответил Вольф, неприятно удивив девушку своей грубостью.

Поняв это, он тут же рассмеялся и поцеловал кончики её пальцев:

– Простите, моя дорогая. Конечно же я пошутил.

– Я солгу вам, сказав, что подобные шутки мне нравятся, – холодно отрезала Роуз, отнимая руку.

– Ну, не сердитесь! Я понимаю, что вам очень любопытно взглянуть на короля и весь его двор. Как и другим девушкам, вам кажется, что в короле есть нечто божественное, но, скажу вам честно, особы королевских кровей точно такие же люди, как мы с вами. Ничего божественного в них нет. Я даже капельку получше буду, – ухмыльнулся он.

И Роуз, как не старалась, не смогла сдержаться от улыбки в ответ.

– Вы просто нарочно стараетесь меня разочаровать.

– Конечно! Я не желаю ни с кем, даже с самим королём делить ваше внимание и благосклонность. Вы моя и принадлежать должны мне.

– Я ваша. И принадлежать буду вам. Но взглянуть на короля от этого мне хочется ничуть не меньше.

– Обещаю, что наглядитесь и до дурноты. Как и на моего отца, – помрачнев, проговорил Вольф.

Слово своё молодой Бэйр сдержал и на следующее утро сестры Вестерлинг в окружении своих девушек могли с комфортом наблюдать въезд короля в замок в одно из его окон.

– Отсюда вам будет всё прекрасно видно – это первый плюс. Второе – сами вы для большинства останетесь невидимками. Следите вон за теми воротами. А пока вынужден оставить вас под охраной моих верных людей. Мне предстоит выполнить кое-какие обязанности.

Поцеловав невесте руку (под множественными взглядами на большее он не отважился, лишние сплетни ни к чему, а сорвать более горячие поцелуи можно было вечером, вдалеке от зрителей), Вольф раскланялся и исчез за дверью.

Небо выглядело голубым и знойным. В нём кружили стаи белокрылых голубей. Под воротами с триумфальной белой аркой уже собралась целая толпа людей, ведь на турниры одинаково стремились попасть и богатые; и бедные, и знатные и простонародье.

Роуз пришла от королевского въезда в восторг. Он был шумен и блестящ. Гремели барабаны, звенели трубы, искрились золотом попоны лошадей, сверкали доспехи рыцарей, развивались знамёна и плюмажи на рыцарских шлемах.

Король въехал в ворота первым. Роуз нашла его внешность полной величия и достоинства. Но молодой принц, безусловно, показался ей в разы интереснее: красивый, привлекательный, благородный.

Рядом с крон-принцем, почти колено к колену, ехал другой молодой человек. Наверное, тот самый заморский гость, о котором говорил ей Вольф.

Его внешность разительно отличалась от всего, что раньше привыкла видеть Роуз. Его белые волосы, заплетённые в длинную косу, не были ни серебряными, ни золотыми, ни русо-пшеничными – они казались бесцветными, словно на них не хватило краски, словно кто-то зачерпнул свежевыпавший снег и превратил их в волосы.

– Боже мой! Какой красавец! – охнули девушки, вынося вполне справедливый вердикт.

Их восхищение было вполне оправдано. Гость королевских кровей из-за моря был восхитительно хорошо собой: высокий, мускулистый, с гордой осанкой, широкими плечами и плоским животом. Черты его лица при этом отличались изяществом и какой-то нечеловеческой красотой.

Потом многие шептались: «Крон-принц ростом ниже своего гостя».

В приёмной зале рядом с креслом короля, чуть ниже, были установлены два кресла – для его сына и его гостя и похоже сам принц остался этим не слишком доволен. По слухам, он даже покраснел от гнева, но покорился необходимости и сел.

Весь вечер глупые девчонки не смолкая болтали о принце, Лейноре Айдагане, возможном будущем правителе далёкого, неведомого, малоинтересного Сребротравья. Говорили, что в том далёком и диком крае всё не так, как у них. Что там можно найти не просто ведьмаков, знающих и умеющих убивать нечисть, но настоящие колдуны, способные убивать взглядом, призывать демонов, повелевать стихиями. Что эти колдуны подчиняются королям тех земель, потому что последние и сами владеют магией. Что они способны сами не то обращаться в летучих огнедышащих ящеров, не то создавать их.

Говорили ещё, что в тех краях у людей может быть не одна жена, а несколько – сколько пожелаешь. Что там продают и покупают людей,

как скот или вещь.

Все эти разговоры были очень интересны, но Роуз вскоре пришлось отвлечься, потому что пришёл взволнованный Вольф.

– Всё в порядке? – спросила она, видя, что он то ли зол, то ли расстроен.

Роуз не видела жениха с того самого момента, как они расстались перед прибытием королевского кортежа.

– Да, всё хорошо. Но тебе нужно пойти со мной.

– Сейчас? – удивлённо спросила она.

– Да. Мой отец хочет тебя видеть.

– Но час довольно поздний. Разве будет прилично?..

– Дорогая моя, – сжав её руки между своих ладоней, Вольф повелительно заглянул ей в глаза и Роуз словно обожглась об огни, танцующие в глубине его чёрных зрачков, – в нашем королевстве очень немногие люди могут игнорировать желания Большого Медведя.

– Большого Медведя?

– Да. Так прозвала моего отца чернь. Ни ты, ни я, к этой категории не относимся. По-крайней мере – пока. Но заверяю тебя, опасаться тебе нечего. Рискну предположить, что отец просто хочет с тобой познакомиться.

«А разве нельзя было познакомиться со мной пока светило солнце?», – вертелось у неё на губах, но Роуз сдержалась.

Бэйры не чета Вестерлингом, вот будь она урождённая Эшар.

– Я сейчас. Только приведу себя в порядок.

Вольф спорить не стал, лишь коротко кивнул, давая разрешения подчистить немного пёрышки. Только – быстро.

Весной погода отличается капризностью. Днём уже было достаточно душно, но после заката солнца воцарялась прохлада. Ситуацию спасали жаровни, кое-где рыцари осмеливались разжигать костры, но во избежание пожаров после сигнала тушения огня в палаточном городке последние должны были быть потушены.

Роуз не могла унять дрожь. Несмотря на бархатный плащ, окутавший плечи, девушку охватил озноб. Не от холода – скорее от страха. Отец Вольфа, которого часто называли Диким Медведем, слыл человеком жёстким и резким, как и всякий, кто обладает полнотой власти. По сути, Карл Бэйр был третьим человеком в королевстве.

Встреча с будущим родственником пугала своей непредсказуемостью.

«Может, я попросту трусиха, – устыдилась саму себя Роуз. – Скоро собственной тени начну бояться».

Теней вокруг хватало. Её мать любила повторять, что тени –это порождения света; во тьме они не живут, только на свету. Что ж? Всем известно, что Карл Бэйр отбрасывал большую тень. И, наверное, извинительно пугаться подобного?

Вопреки ожиданиям Роуз, Вольф вёл её не в сторону замка, а к одной из палаток, более роскошной, чем другие, большей по размеру, но всё же Первый Министр предпочёл оставаться здесь, а не пребывать во дворце с Эшарами и королями.

– Отец? – отодвинув полог, окликнул Вольф высокого и статного человека, склонившегося над столом и бумагами. Перо в его руках быстро и размашисто выводил какие-то строки. – Вы велели привести к вам мою невесту, Роуз Вестерлинг.

Роуз остановилась за плечом Вольфа и замерла в ожидании дальнейшего развития событий.

Сэр Бэйр никак не отреагировав на возглас сына, невозмутимо дописал свои строчки до конца. Высокое пламя свечей слепило глаза, золотистый ореол дрожал вокруг язычков пламени.

Повисла пауза, наполненная лёгким потрескиванием огня и поскрипыванием пера на бумаге да более редким позвякиванием чернильницы, когда лорд Бэйр обмакивал в неё узко заточенное гусиное перо.

– Отец, мы пришли... – начал, было Вольф.

Карл Бэйр с лёгким стуком опустил перо на стол и взглянул в их сторону. Взгляд его был холоден, резок и пронзителен.

– Я вижу, – от его голоса веяло холодком.

Похоже, на тёплый приём вряд ли приходилось рассчитывать. Лорд Бэйр вёл себя так, словно к нему привели двух нашкодивших школьников, что, мягко говоря, не соответствовало истине. Роуз за собой так точно никаких проступков не знала и стыдиться ей было нечего, поэтому сердитый и колючий прищур свёкра её откровенно рассердил. А когда она злилась, страх улетучивался.

Поняв, что взгляд её будущего родственника устремлён прямо на неё, Роуз присела в грациозном реверансе:

– Ваша светлость, – приветствовала она его.

– Миледи, – сухо кивнул он. – Рад видеть вас.

Радость в его голосе близко не звучала. Он вёл себя так, будто не сам прислал сватов в дом Вестерлингов, а был вынужден взять невестку под давлением внешних обстоятельств.

– Сын, пойдя проследи за тем, чтобы были выставлены часовые. И пусть следят за огнём. Пожар нам здесь не нужен. И да, распорядись, чтобы принесли лучшего вина с Виноградного Мыса. Здешние вина довольна сильно кислят.

– Отец, я...

В награду за возражение Вольф получил тяжёлый, повелительный взгляд:

– Ступай, – не терпящим возражения тоном распорядился Карл Бэйр.

Побледнев, молодой человек резко развернулся и, бросив на Роуз извиняющийся взгляд, вышел из палатки.

– А вы, прекрасная леди, сядьте, – всё тем же жёстким, приказным тоном обратились и к ней.

Роуз послушно села.

– Мои люди рекомендовали вашу семью, как людей честных и достойных. Сам я не имел счастья близко общаться с представителями вашего дома. Вы первая представительница вашего клана из тех, кого я вижу воочию.

Он залил воском бумагу, которую до этого свернул прямоугольником, а затем скрепил это печатью на своём перстне и снова взглянул на сидящую напротив него девушку.

– Полагаю, вы были счастливы, получив предложение о замужестве от такого человека, как мой сын?

Прозвучало это уничижительно. Будто голодающей собаке бросили кость. И несколько свысока.

Вольф Бэйр в первую встречу показался Роуз высокомерным и надменным? Хм-м? Что сказать? Роуз тогда просто не была знакома с Бэйром-старшим.

– Я задал вопрос.

– Милорд желает, чтобы я на него ответила?

– Вопросы задают тогда, когда желают знать ответ.

– Если говорить правду, ваше предложение было столь лестным, что показалось мне подозрительным.

Лорд прищурился и посмотрел на неё как будто даже с интересом:

– И?..

Роуз нахмурилась в недоумении:

– Вы хотите, чтобы я добавила что-то ещё, ваша светлость?

– Вы нашли моё подозрение подозрительным, но всё же ответили согласием.

– Не я, сэр.

– Не вы?

– Мой отец. Если бы в тот момент всё зависело от меня, я бы предпочла союз, сулящий меньшие выгоды, но с кем-то, кто живёт поблизости от родного дома.

Прикоснувшись к губе, лорд Бэйр в задумчивости постучал по ней пальцами:

– А теперь? Теперь вы хотите моего сына в мужья, миледи? Не так ли?

– Да, – не опуская взгляда Роуз смотрела этому сильному и волевому человеку прямо в лицо.

– Что-то изменилось?

– Изменилось, сэр.

– И что же?

– Мои чувства к вашему сыну.

Мужчина скривился, словно во рту у него был лимон.

Роуз в недоумении смотрела на своего собеседника, не имея ни малейшего представления, зачем она здесь? Для чего её позвал? Зачем ведёт этот странный разговор.

– Ваши чувства к моему сыну изменились... что ж? Похвально. Он красивый парень и умеет нравиться девушкам. В этом вся и проблема.

– Вы хотите мне о ней рассказать?

– Вы умная девушка. Всё так и есть.

– Зачем?..

– Для умной девушки вы задаёте странные вопросы. Я хочу поведать вам о проблемах затем, чтобы вы о них знали, мисс Роуз. Беря в свой знатный дом куда менее знатную особу, я вправе рассчитывать на вашу верность и преданность своему дому, не так ли?

Роуз постаралась не хмуриться в ответ, хотя очень хотелось. Он разговаривал с ней так, словно она была безродной сиротой, скомпрометированной к тому же. Партия с его сыном была выгодна, но... не более того.

Однако девушка предпочла слушать и молчать. Высказаться всегда успеет.

— Положение в обществе и власть не даются легко, мисс Роуз. Это вам вскоре предстоит узнать. Только дураки думают, что власть даёт лишь привилегии. Но — нет. Власть сладка, не стану лицемерить, но она же и величайшее в мире бремя. Например, сегодня и завтра веселиться будут все — все, за исключением тех, кто организывает это веселье и должен никогда не забывать о благополучии королевства. Стоит недотянуть или немного перетянуть верёвку, как вспыхнет пламя — голода, мятежа или войны.

— Почему вы говорите о власти? Ведь разговор был...

— О вашей свадьбе с моим сыном. Я помню. А власть? Власть особенно тяжела, когда понимаешь, что у тебя может быть достойного приемника. Мой сын... — в холодном голосе зазвенели стальные нотки. — Он слишком слаб для той доли, что уготовила ему судьба и рождение.

— Слаб?.. — перед глазами встала картина, как Вольф с одним ножом, не дрогнув не секунды, пошёл на медведя.

Вряд ли слабый или трусливый человек был бы на это способен.

— Я так не думаю. Возможно, вы недостаточно хорошо знаете его...

— Миледи думает, что знает своего будущего мужа лучше, чем его отец?

Роуз сжалась и стихла.

— Думаю, даже до ваших тихих мест докатились отголоски скандала, который едва не перечеркнул всё то, к чему я стремился всю мою жизнь? — несмотря на то, что голос Карла Бэйра звучал тихо, в нём звучали сталь и ярость. — Мой сын оказался столь неосторожен, что вступил в предосудительную связь с женщиной, много старше его по годам и выше по положению.

Роуз прикусила губу, стараясь не охнуть от удивления. Она-то думала, что речь шла о какой-нибудь мелкопоместной дворянке.

– Эта женщина – младшая сестра моего сюзерена, герцогиня Борианская. Я говорю с вами об этом открыто, чтобы вы знали о состоянии дел. Возможно, мой глупый сын рассчитывал, что Его Величество расщедрится до разрешения на брак? Но на деле всё вышло так, что мне едва ли удалось вытащить его глупую буйную голову из-под плахи. И если Вольф оступится второй раз?..

Его мрачный отец многозначительно смолк, сверля Роуз глазами.

Она чувствовала себя обманутой и преданной. Да, конечно, соперница появилась раньше неё, и то, что было до тебя, невозможно считать изменой, но... отчего-то было очень больно. Больно до такой степени, что глаза защипало и пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить спокойствие.

– Король решил замять эту историю, при условии, что она больше не повторится. Он обязал женить моего сына, но с учётом скандала...

– Вы не смогли подыскать ему равную партию, – тихо выдохнула Роуз. – Что ж? Я с самого начала подозревала, что у этого союза есть двойное дно. Как вы думаете, сэр, – подняла девушка на миг поникшую голову, – ваш сын всё ещё влюблён в эту женщину?

– Вы достаточно хороши собой и, рискну предположить, разумны, чтобы одержать победу в этом противостоянии. К тому же, сразу же после турнира состоится свадьба, вы отбудете в родовой замок. Это вселяет надежду, не так ли?

Роуз неуверенно кивнула.

– Госпожа Борианская будет на турнире?

– На турнире будут все. Я приставлю к вам дополнительную охрану.

– У отца моего достаточно людей.

– Достаточно не бывает! – резко осадил он её. – И, рискну напомнить, девочка, перебивать старших не вежливо.

– Простите, сэр.

– Хорошо, – вновь откинулся лорд на своём стул и, внимательно поглядев на девушку, вдруг смягчился. – Поймите, леди, я сказал это не для того, чтобы расстроить вам. Я действую из лучших побуждений. Кто предупреждён, тот вооружён. А особы королевских кровей не любят выпускать из цепких коготков свои игрушки. Они предпочитают их ломать. Мне же, по вполне понятным причинам, хочется видеть своего сына здоровым, счастливыми благополучным.

Что-то мне подсказывает, что в этом случае я вполне могу рассчитывать на вас, леди Роуз.

Девушка не смогла подавить вздоха. Какие же странные эти мужчины! Ей вспоминались обжигающие взгляды Вольфа, его нежные поцелуи... Он полюбил её больше той, другой женщины? Или только хорошо играл, притворялся?

– Вы понравились мне, леди Роуз, – подвёл черту под их разговором. – Я рад, что вы скоро станете членом моей семьи. Надеюсь, все неприятности скоро останутся позади.

– Я могу идти, ваша светлость?

– Идите, – разрешили ей.

Глава 6. Турнир

Заря только разгоралась, на небе едва-едва засветилась розовая полоска, а палаточный городок уже гудел, как улей.

Внутри палатки, отданной в женское распоряжение, царила беспорядок. Служанки доглаживали платье Роуз и Анабель. Повсюду стояли раскрытые сундуки с одеждой, лежали ларцы с лентами, драгоценностями и гребнями.

Девушки из свиты суетились, сбиваясь с ног, ведь нужно было заплести длинные волосы юных сестёр Вестерлинг, уложить их в затейливую сложную причёску из кос и локонов, обрядить в нарядные платья и самим успеть принарядиться. А время стремительно убегало вперёд.

– Роуз, где ты витаешь? – обратилась к ней сестра. – Ты словно не с нами и тебе всё равно, как мы будем выглядеть. Хотя, – засмеялась Анабель, – твоя судьба и без того решена, так что, тебе, может быть, и правда, нет особенно дела.

– Госпожа, должно быть, переживает за своего будущего мужа, – мягко сказала одна из девушек свиты.

Анабель холодно улыбнулась:

– Он голыми руками убил медведя. Не думаю, что кто-то на турнире способен превзойти этого человека в ловкости.

Наконец-то собравшись, девушки собрались на ристалище, устроенном на отлогом склоне с другой стороны замка. Широкую и ровную площадку обнесли оградой в форме четырёхугольника, для въезда рыцарей на арену были устроены широкие ворота, в которых свободно могли разъехаться два бойца. У ворот уже стояли герольды, трубачи и вестники

Сами девушки прошли на галереи, увешанные драпировками и устланными коврами, по которым были разбросаны мягкие подушки, чтобы знатные дамы могли любоваться поединками храбрых мужей со всем возможным комфортом.

Простолюдинам, служанкам, лакеям и прочей челяди, собравшейся вслед за господами, предоставили места на дерновых скамьях.

Напротив центра арены было устроено возвышение, над которым вились королевские стяги, сверкали королевские гербы, стояли самые высокие кресла, что только удалось сыскать в замке. С другой стороны арены возвышался другой высокий помост, украшенный не менее пышно, правда, вместо знамён и гербов, там повсюду были вышиты сердца, пронзённые золотыми стрелами.

– Место для той, кого признают Королевой любви и красоты, – насмешливо прищурилась Аннабель, пристально разглядывая пышную надпись над тронном. – В прошлый турнир ею стала прекрасная Эллиния, герцогиня Борианская. И в позапрошлый раз тоже. И даже в позапрошлый, когда она ещё именовалась Её высочеством, принцессой Эллинией Файр.

– Почему же принцессу выдали замуж за герцога?

– Ну, во-первых, потому, что владения герцога Бория почти королевство. А, во-вторых, – Аннабель понизила голос и склонилась к самому уху сестру, зашептала так, чтобы никто другой из любопытных не мог услышать её слов. – во-вторых, ходили упорные слухи, что принцесса была столь прекрасна, что свой цветок до свадьбы-то не сберегла. Герцогу хорошо заплатили за терпение, а вот были бы столь великодушны короли – кто знает? Но сомнительно.

Над толпой витал возбуждённый гул. Завывала с громким рёвом музыка, сновали туда и сюда пажи, выполняя мелкие распоряжение своих господ. В какой-то момент ор этот усилился, достигнув апогея – окружённый своими приближёнными кронпринц и его заморский гость выехали на арену верхом.

Оба принца ехали впереди свиты, громко переговариваясь между собой.

На кронпринце был костюм пурпурный с золотом; на его госте – чёрные доспехи под алым плащом, свисающем, как стяг, с левого плеча и ниспадающего до самой земли, закрывая круп коня. Белоснежные волосы сверкали и переливались на солнце, как свежавывающий снег.

– Какой красивый мужчина! – восхищённо заохали все вокруг.

А Роуз почувствовала, что не разделяет всеобщих восторгов. Конечно, отрицать красоту заморского гостя было бы неправильным – он действительно как-то сказочно, нечеловечески хорош собой, словно рождён не от крови человека, а от чего-то иного. Но красота не равно

привлекательность. Ей не нравились не вымораживающая надменность, в которой читалось полное равнодушие к другим людям, ни высокомерие, ни разнузданная дерзость.

Смотреть со стороны на такие лица приятно, но не дай бог оказаться с таким существом один на один, не имея возможности уйти с его дороги.

— А вот и герцогиня Борианская, — с каким-то странным выражением выдохнула Аннабель, что навело Роуз на мысли о том, что сестра в курсе сплетен и событий.

Герцогиня Эллиния резко выделялась резко выделялась бы из пёстрой толпы даже не будь возвышений и тронов. Чёрное траурное одеяние, которое она всё ещё носила после кончины мужа шло ей и лишь подчёркивало сходство с заморским гостем, которому она, как и крон-принцу, приходилась тётей. В ней чувствовалась эта странная кровь, окрашивающая (или обесцвечивающая?) волосы и кожу в этот странный светлый тон, похожий на бесцветный тонкий лёд.

Стоило Роуз взглянуть на эту женщину, как сердце её упало. Что она сама? Молоденькая хорошенькая девушка, каких не мало на этой земле, но в этой женщине было что-то такое... то же самое, что и в заморском принце. Может не нравится, но взгляд и внимание притягивает. И если до этой минуты в глубине души она верила, что Вольфа привлекло в этой женщине её положение и легкодоступность, то теперь, созерцая её воочию, она уже не была в этом уверена.

Герцогиня была невысока ростом, но держалась очень прямо и горделиво, откидывая голову назад с достоинством и тем же спесивым высокомерием, что её племянник с далёких островов. Глаза холодно и равнодушно взирали на всех сверху вниз.

— Большого презрительного высокомерия лично мне видеть не доводилось, — поделилась впечатлением Аннабель, беря сестру за руку. — С тех пор, как на одном из пиров ни с того, ни с сего скончался год назад её супруг, — снова зашептала она Роуз на ухо, — она не снимает траур.

— Она его так сильно любила?

— Вот ещё. Говорят, она сама его и отравила. После смерти мужа всё наследство отошло к её сыну, которому всего четыре года, так что наша герцогиня теперь обладает в своих землях всей полнотой власти и никому не подотчётна. Кроме короля, своего старшего брата.

– А почему её снова не выдадут замуж? Разве нет желающих?

– Претендентами на руку и сердце изысканной холодной красавицы хоть пруд пруди, но ей-то они зачем? Замужество – удел самых бедных и самых богатых. Остальные «бедняжки» могут «горевать» в одиночестве, распоряжаясь своим состоянием и временем по собственному усмотрению.

Взволнованную Роуз раздражал возбуждённо-восхищённый настрой девушек из их свиты, но она старалась сдерживаться и не портить им хорошего настроения.

– Здесь даже красивее, чем в песнях! Как великолепно! Как прекрасно! Как чудесно!

Ах, если бы все они замолчали!

Королевское семейство расселось на своих местах. Роуз, не сводящая взгляд с герцогини Борианской, видела, как та протянула руку для поцелуя сначала кронпринцу, затем его гостю. И если в первом случае это было всего лишь требование этикета, то с Лейнором Айдаганом её явно связывали более тёплые, дружественные чувства.

Король подал знак герольдам провозгласить правила турнира. Сначала должно было состояться состязание оруженосцев, затем – поединок на копьях, конно-копейная сшибка. И, наконец, главное состязание: имитация сражения двух отрядов. Королева Любви и Красоты избиралась победителем первого дня состязания с тем, чтобы наградить победителя второго. В общем, в этой части всё было стандартно и просто.

Герольды закончили чтение стандартными восклицаниями, прославляющим любовь к дамам, великодушие к противникам и рыцарскую доблесть. Зрители присоединили свои радостные выкрики и снова поднялся дикий шум, от которого, вместе с воцаряющейся духотой начинала болеть голова.

«Как же в такой день должно быть жарко, когда ты двигаешься, да ещё и в доспехах», – пронеслось в голове у Роуз.

Шум стих. Все, кому не предстояло сражение, покинули ристалище.

Время от времени воздух оглашался дикой какофонией фанфар, выражавших торжество победы или вызов на бой. В распахнувшиеся ворота на ристалище выехали первые рыцари, изъявившие принять участие в турнире. На глазах у зрителей каждый выбрал себе

противника, коснувшись щита копьём, после чего противники разъехались в разные концы арены и выстроились в ряд. Схватка продолжалась недолго: двое рыцарей мешком повалились на землю, ещё трое преломили копья даже не о щит, а о туловище противника, что вряд ли свидетельствовало об их умении обращаться с оружием.

Толпа снова начала гудеть. На сей раз разочарованно.

– Чем они так недовольны? – поморщилась Роуз.

– Зрелище кажется им скучным, – пояснила одна из девушек, – биться тупым копьём?

– Действительно! Так ведь можно избежать страшных трагедий, – с сарказмом ответила ей Роуз, – это ж какая скука?

Она почти с вызовом поглядела в сторону своей соперницы, которая наверняка предпочитала опасные забавы.

Герцогиня, удобно устроившись на подушках, пощипывала виноград, с улыбкой вкладывая их в рот царственного бескровного гостя, в ответ улыбающегося ей, но улыбка показалась Роуз хищной, как звериный оскал. Оба смеялись, пока побеждённые с помощью своих оруженосцев поднимались с поля арены и ковыляли к своим шатрам.

Вслед за первой партией выехала вторая, потом третья вереница рыцарей, решивших попытать счастье на ратном поле. Потом послышался одинокий звук трубы, означающей вызов. В новом бойце Роуз с замиранием сердца узнала Вольфа. На нём был стальной панцирь с изображением скалящего зубы, медведя, девиз на его щите гласил: «Я стою прямо». Ехал он на превосходном вороном коне.

Проезжая вдоль галерей, он изящно и многозначительно склонил копье в сторону своей невесты, бросив ей цветок розы. Роуз ловко ей поймала и, зардевшись, прижала к лицу, бросая из-пол лепестков торжествующий взгляд на соперницу.

Герцогиня не оставила этот жест без внимания. Младшая сестра короля смотрела прямо на Роуз своими холодными змеиными глазами и тонкие брови её гневно сошлись над переносицей. Гость, сидящей у её ног что-то сказал, и герцогиня с досадой отняла у него руку. Вроде бы мелочь? Но мелочь эта несказанно порадовала Роуз.

В следующие четверть часа победа решительно была на стороне Бешенного Волка. Он не сделал ни одного промаха копьём и никому из противников не удавалось выбить его из седла. Роуз была в восторге,

но, к её удивлению и огорчению, большинство публики не разделяло её настроения и даже изрядно приуныла. Но как бы они не воспринимали победу молодого Бэйра, факт оставался фактом: противников он выбивал из седла с лёгкостью, демонстрируя виртуозное владение копьём.

– Почему они не радуются победе моего жениха? – спросила Роуз у своих девушек.

– Народ не жалуется Бэйров за их жестокость, госпожа.

– Но разве Бэйры жестоки? – недовольно нахмурилась она.

Девушки не ответили на её вопрос.

– Смотри, – толкнула Роуз локтем Аннабель, желая привлечь внимание сестры. – Кажется, заморский гость желает помериться силами с твоим женихом? Это обещает быть интересным.

Перед схваткой с Лейнором Айдаганом Вольф взял новую лошадь, быструю и резвую, переменил копьё и щит.

На щите Айдагана красовался дракон, а надпись угрожала: «Огонь у порога».

Загремели трубы, и Роуз непроизвольно сжала руками платье, когда противники, опустив забрала, молнией помчались друг другу навстречу. Они сшиблись с такой силой, что копья разлетелись по самые рукояти. Грохот при этом стоял такой, словно ударил гром. Кони взвились на дыбы, попятились назад, однако обоим седокам удалось взять ситуацию под контроль, используя удила и шпоры.

Поворотив коней, они разъехались, чтобы взять новые копья из рук своих оруженосцев. Роуз не знала, как пережить следующие пять минут схватки. У неё и без того сердце словно останавливалось со страха. Какая же она трусиха, в самом деле! Вон, вокруг все радостные и счастливые, включая её родную сестру, машут шарфами и платочками, а он, курица, вот-вот лишится чувств!

Но вот крики и рукоплескания смолкли, снова воцарилась тревожная, полная настороженного ожидания, тишина, которую как ножом разрезал пронзительный зов трубы – сигнал к бою, побуждая противников вновь нестись к центру арены и вновь сшибаться между собой. Оба обладали быстротой, силой и ловкостью. Но всё же... всё же Вольф был чуть более ловок, силен и быстр, потому что, когда облако пыли осело, Роуз увидела, как заморский гость в ярости поднимается с земли и вытаскивает меч, замахиваясь им на своего

победителя, гарцующего неподалёку на взмыленной лошади, с боков которой клочьями летела пена.

Видимо, вне себя от ярости, Лейнор Айдаган что-то прокричал, достаточно оскорбительное, чтобы Вольф, в свой черёд соскочив с коня, не обнажил клинок и не двинулся ему навстречу.

– Господи! Что он творит! – испуганно охнула Роуз. – Его же бросят в темницу за такую дерзость!

Но ничего страшного не случилось. Маршалы, следящие за порядком, скрестив копья, разъединили противников, напоминая, что по законам турнира поединок на мечах сейчас запрещён.

Желающих сразиться с Бешеным Волком больше не нашлось, и маршалы первыми поздравили победителя. Король и кронпринц были явно довольны одержанной победой, то, что у даже у самого принца не получилось одержать победы над клинком, принадлежащим короне, который, к слову, даже не считался лучшим. Пока.

Вольф Бэйр лёгким, пружинистым шагом подошёл к подножию деревянной лестницы, поднимающейся к возвышению, занимаемому членами королевской фамилии.

– Благодарю за удовольствие, которое подарило нам ваше военное искусство, – с благосклонной улыбкой сказала король. – Вижу, у отца растёт достойный его преемник. Сэр Бэйр, вам предоставляется возможность избрать прекрасную даму, которая займёт трон Королевы Сердец и будет главенствовать на завтрашнем празднике, награждая героев, достойных награды. Вот этот замечательный венок из роз! Та, кому вы его вручите, будет им коронована. Поднимите ваше копьё.

Король надел на конец копья золотой венец, оплетённый живыми розами.

Все замерли в предвкушении выбора Бешеного Волка. Всем было интересно, кого же он выберет: свою признанную царственную любовницу или юную, прелестную невесту. Если первую – то как воспримет эта новая родня? Хотя кто такие Вестерлинги, чтобы с их неудовольствием считались придворные небожители?

Роуз почувствовала, как напряжение скапливается повсюду, словно гроза. Сестра сжала её ладонь в своей, словно призывая не проявлять слабость при любом раскладе.

Герцогиня Борианская восседала с гордо поднятой головой, царственная, прекрасная и властная, на пике своей горделивой

красоты.

Так она и осталась сидеть, когда Вольф медленно проехал вдоль королевской ложи и поехал дальше вдоль арены. Ничто не изменилось в лице властной женщины, лишь на точёных скулах ярче разгорелся лихорадочный румянец, добавляя красок этому ослепительно-красивому лицу.

Вольф ехал вдоль галерей, ни на кого особенно и не глядя и Роуз не сомневалась, как не сомневалась перед этим и Элиния, кому достанется венок из роз. Напрасно красавицы жеманились, красней, бледная, принимая неприступный вид или притворяя, что им всё равно. Роуз знала, что *эти* розы будут принадлежать ей.

Ведь её Волк обещал ей это, а настоящие мужчины всегда держат свои слова.

Роуз не слышала недовольных перешёптываний, не видела ехидства на чужих лицах. Всё внимание её было поглощено её прекрасный рыцарем.

– Любовь моя, – чёрные глаза Вольфа искрились от нежности и удовольствия, – примите эту эмблему царственной власти. Как я вам и обещал, венок Королевы Любви и Красоты ваш.

– Я ни секунду не сомневалась в вас, милорд, – расцветая счастливой улыбкой, проговорила Роуз, снимая венок с копья и надевая их на свою голову.

– Достойный объект поклонения, – рядом с лошадью Вольфа остановился конь конпринца, старательно изображающего на своём лице благосклонную улыбку. – Леди Вестерлинг, окажите нам любезность, вместе с вашими родными и друзьями приглашаем вас украсить наш сегодняшний пир в замке Эшар.

– Я с благодарностью принимаю любезное приглашение вашего высочества, – склонила голову Роуз, так как сидя невозможно присесть в реверансе.

– Увидимся вечером, – любезно улыбнулся принц и повернул коня, собираясь покинуть ристалище, чтобы было сигналом к окончанию турнира на сегодняшний день.

Глава 7. Королевский ужин

Роуз чувствовала себя окрылённой. Ей очень хотелось, чтобы Вольф остался бы рядом, но он должен был снять доспехи, позаботиться о коне. У них ещё будет время.

Девушки, стайкой окружающие свою госпожу, радостно гомонили и было о чём: сегодня они будут присутствовать на королевском пиру! Это казалось невероятным.

Вернувшись в шатёр, они скинули с себя тяжёлые наряды и приняли освежающее омовение. Едва успев наскоро поесть, хотя это и казалось лишним, ведь собирались на пир, но кто знает – вдруг танцевать там придётся больше, чем вкушать яства.

Помогая Роуз одеться, девушки не уставали расточать комплименты.

– Госпожа, титул Королевы Красоты ваш по праву! – льстивой рекой текли гладкие речи. – У вас самые красивые волосы в королевстве – как крыло ворона. Сами завиваются в локоны, даже завивать их не надо!

– А какой у вас изумительный цвет лица – ровно жемчужина!

– Какие длинные ресницы...

– И точёная шея...

– Какие маленькие ножки...

Последнее было ложью. Ножки у Роуз были обыкновенные, пропорциональные росту, но спорить она не стала, лишь рассмеялась в ответ. Лесть, даже когда отдаёшь себе отчёт в том, что она всего лишь сладкая ложь, всё равно весьма приятна. Как масло, смягчающее больное горло.

Ближе к вечеру знать собралась в замке, под его высокими сводами. Пиршественный зал Эшаров был настолько огромен, что, казалось, мог вместить в себя целый полк.

– Уф! – выдохнула Аннабель, вертя головой во все стороны. – Просто дух захватывает от таких просторов.

– И люди здесь кажутся маленькими и незначительными, как муравьи, – поддержала сестру Роуз.

В замке было много огней и народу. Свечи и факелы горели повсюду и в таком количестве, что стало светло, как днём. И всюду была охрана. В Большой зал Роуз вошла под руку с отцом и сестрой. Отец представлял её почётным гостям.

Кронпринц поспешил подойти к Вестерлингам сразу же, как только заметил их присутствие. Его кузен, одетый по обыкновению в красное и чёрное, держался рядом. Его цепкий и жёсткий взгляд едва ли не обдирает кожу. Вблизи он выглядел ещё красивее и неприятнее.

– Добрый вечер, сэр, – приветливо кивнул принц отцу Роуз в ответ на приветственный поклон и реверанс.

– Его Величество, король, не почитит этот праздник своим присутствием? – осведомился сэр Вильям, скорее повинаясь правилам этикета, чем в действительности интересуясь вопросом.

– Мой отец – человек дела. Часто легкомысленные развлечения утомляют его. Как и его друга, нашего многоуважаемого первого министра. Но не будем сегодня о делах. Я здесь для того, чтобы подать пример верноподданнических чувств прекрасной Королеве Красоты и самому отвести её на трон.

– Но мы с моим кузеном никак не ожидали, что такая красота окажется в двух лицах, – Роуз вздрогнула, услышав голос принца Айдагана.

И голос у этого человека была такой же, как он сам – противоречивый. Слова он словно тянул, произнося их в растяжку и возможно из-за этого он казался металлическим, несмотря на то, что звучал тихо и плавно.

– Прошу Вас, миледи, – предложил он Роуз согнутую в локте руку.

Она испуганно взглянула на отца и сестру, словно ища у них поддержки, но никто не пришёл к ней на помощь.

Она сделала вид, что оперлась, стараясь всё же не столько касаться его руки, сколько лишь имитировать прикосновение.

Пока они идут, она не перестаёт чувствовать на себе его тяжёлый взгляд. И в узких холодных, серо-зелёных глазах, ей, как и в случае с Вольфом, чудилась насмешка, только теперь она была недобрая. Совсем недобрая. И рядом с Вольфом никогда так тяжело не дышалось. С первого взгляда на него Роуз поняла, что перед ней человек горячий, нетерпеливый, возможно, где-то скорый на расправу, но в чёрных глазах её будущего мужа всегда отражались его истинные

чувства и Роуз легко могла их прочесть, а взгляд заморского принца спокоен и бесстрастен, лицо непроницаемо. Не понять, зачем смотрит; чего хочет?..

– Моей прекрасной тётушки, леди Эллиннии, не терпится познакомиться с вами. Идёмте со мной.

– С вами? Куда?..

– Вон к той прелестной группе красавиц, составляющих раму к ещё более прекрасной картине. Иными словами – к моей любимой тётушке, – добавил принц Айдаган.

– Ваша Светлость? – принц не стал кланяться герцогини, Роуз пришлось в одиночестве исполнять почтительный реверанс.

Она нервничала. Кронпринц увлёк Анабель в сторону танцующих, а она теперь чувствовала себя как лисица, окружённая со всех сторон гончими. Фрейлины герцогини улыбались, но улыбки их нисколько не грели. А оскал их госпожи и вовсе вгонял в дрожь.

– Ваша Светлость, рад представить вам нашу королеву на три дня, обладательницу венка из роз с цветочным именем Роуз.

«Он и имя моё запомнил», – с удивлением поняла она, при этом вместо того, чтобы чувствовать себя польщённой, лишь встревожилась.

– Подойди ближе, голубка, – приветливо обратилась к ней младшая сестра короля. – Позволь нам полюбоваться твоим прекрасным личиком. Воистину, с очарованием юности трудно тягаться любой красоте.

– Моя очарование блекнет перед красотой Вашей Милости, ваша светлость, – склонила голову Роуз. – Как бы не был прелестен цветок, ему не потягаться с драгоценными камнями, чей блеск способен сохраняться годами, в тому время как лепесткам любого цветка отмерен слишком короткий срок.

Эллиния улыбнулась, на этот раз более искренне:

– Вы не только хороши собой, но и умны. Идите сюда, не бойтесь. Обычно я не ем маленьких девочек, уверяю вас, даже если вас кто-то пытался убедить в другом.

– Кто бы осмелился это сделать? – Роуз послушно шагнула вперёд, усаживаясь на маленькую скамеечку у ног принцессы-герцогини. – И мне кажется, что я немного старше, чем «маленькая девочка».

– Совсем немного, – с кривой ухмылкой добавил заморский принц, со странной кошачьей грацией и неуместной фамильярностью растягиваясь прямо на полу, у ног принцессы Эллинии.

Она ответила ему многозначительной улыбкой и, взяв с подноса какое-то лакомство вложила в потянувшиеся к её руке губы. Выглядело это для неискущённой Роуз довольно... интимно. Даже подчёркнуто интимно. Судя по тому, как смущённо захихикали фрейлины, пряча за веерами лица, не ей одной это показалось чем-то не слишком приличным.

Принц не сводил с неё взгляда, и Роуз читала в нём какой-то злой вызов. Он смотрел на неё так, словно бы ненавидел её, но – за что ему было её ненавидеть?

– Вы любите мармелад, леди Вестерлинг? – вежливо поинтересовалась герцогиня.

– Не знаю. В наших краях его нет.

– В таком случае, попробуйте.

Она так же, с руки, как кормила принца, протянула разноцветное лакомство Роуз, зажимая его между пальцев.

Роуз растерялась, не зная, как ей быть дальше. Принимать угощение из рук соперницы ей совсем не хотелось. Она не доверяла герцогини. Нет, Роуз не думала, что та способна её отравить – слишком мелкой сошкой была Вестерлинг против сестры короля, но в самом жесте этом ей чувствовалось нечто унижительное. Ей, как собаке кость бросали под стол. Она слышали смешки и шепотки. Но как отказаться особе королевских кровей, чтобы не оскорбить?

– Ну же?..

– Ваша Светлость, – с облегчением услышала Роуз голос Вольфа и, радостно обернувшись, увидела, что он стоит прямо перед ними, глаза его странно сверкали, а ноздри сердито раздувались, – позвольте засвидетельствовать вам своё почтение, – отвесив поклон, он коснулся губами протянутых в Роуз пальцев, так, что его волосы задели щеку невесты.

Впервые Роуз заметила в профиле Вольфа что-то птичьей, острое.

– Охотно позволяю, – с усмешкой кивнула герцогиня Борианская. – Я хотела угостить выбранную вами Королеву Любви и Красоты моим любимым мармеладом.

– Моя невеста не любит мармелад, – холодно проговорил Вольф, бросая на Роуз предостерегающий взгляд и Роуз почувствовала, как по спине словно сквозняком потянуло – его обычно горящие глаза казались холодными.

– Разве? – вальяжно протянул принц Айдаган. – Леди сказала, что никогда его не пробовала. А как же можно быть уверенным в том, понравится тебе или нет, если не попробуешь?

– Позвольте угадать? – насмешливо, словно подтрунивая над ними обоими, проговорила герцогиня. – В вашей семье именно муж станет решать, что будет любить или не любить его жена?

– Я... думаю, мармелад мне действительно не понравится. Я не люблю сладкое, – не слишком уверенно проговорила Роуз.

– Не любите сладкое? – хмыкнул принц. – Это неправильно. Женщина, особенно красивая, должна иметь совсем другие вкусовые предпочтения.

– Ваше Высочество, – Вольф явно кипел от ярости, которую едва подавлял, – позвольте уж моей невесте самой решать, что ей любить.

– Или – кого? – тихо добавила герцогиня со смешком.

– Мы все поняли, что леди Вестерлинг ваша невеста, – лениво протянул Айдаган, поигрывая золотой цепью, пропуская ту между пальцев. – Не будьте смешным.

Рука Вольфа непроизвольно легла на эфес шпаги, глаза сверкнул и Роуз по-настоящему испугалась, что он сделает или скажет сейчас что-то лишнее.

– Ах, да, голубка! – сладким голосом проговорила герцогиня. – Я ведь не поздравила тебя с намечающейся блестящей партией? Позвольте сделать это сейчас. Скоро вы станете леди Бэйр. Это даёт вам право чаще бывать при дворе.

– Благодарю вас, ваше высочество.

Прохладные длинные пальцы женщины сомкнулись под подбородком Роуз, заставляя ту чуть приподнять голову. Светлые глаза принцессы теперь смотрели прямо на неё, её улыбающееся лицо было слишком близко. Не то, чтобы это было неприятно – скорее, непонятно.

– Я буду рада видеть ваше хорошенькое личико в моей свите. Как насчёт того, чтобы стать одной из моих придворных дам? Вам понравится в моём дворце. Ещё никто не жаловался.

– Я... я не знаю.

– Вас воспитали в убеждении, что судьбу женщины решает мужчина? Что ж? В большинстве случаев так и есть. Вы хотите что-то сказать, милорд? – повернула голову герцогиня в сторону Вольфа.

– Только испросить ваше разрешение на то, чтобы похитить у вас мою прелестную невесту, ваша светлость. Мне не терпится потанцевать с ней.

– Понимаю ваше нетерпение. Будь я мужчиной, тоже не желала бы ни с кем делить столь драгоценное общество. Что ж? Идите, – милостиво кивнула герцогиня с улыбкой. – Развлекитесь хорошенько. Была рада познакомиться с вами.

Роуз, поднявшись со скамеечки, на которой сидела, вновь присела в реверансе и, опираясь на руку Вольфа, они отошли к остальным гостям.

– Вы ничего не принимали из рук этой женщины? – тихо и напряжённо спросил Вольф, увлекая Роуз к другим танцующим.

– Нет. Я... вы пришли как раз вовремя.

Встав напротив друг друга, они начали танец с церемонного поклона, соединив руки стрелочкой и двинувшись по кругу за остальными танцующими.

– Не доверяйте обманчивым улыбкам. Поверьте мне, герцогиня вам не друг.

– Я знаю. Ваш отец уже предупредил меня.

– И всё же, я нашёл вас в её обществе?

– А что я могла сделать? Она пожелала видеть меня. Я не нашла способ отказать.

– Будьте очень осторожны.

– Думаете, она хотела меня отравить? – усмехнулась Роуз.

Вольф пожал плечами, когда они обменивались местами в паре:

– Среди знати не редки случаи внезапных кончин после совместных ужинов. Но что касается герцогини и её старого друга? У них другие развлечения. Афродизиаки и дурманящие вещества, после которых человек плохо соображает, что делает и может скомпрометировать сам себя и попасть в неловкую ситуацию. Вашему отцу не следовало отпускать вас от себя.

– Возможно, вам следует самому позаботиться обо мне?

– Не сомневайтесь, я так и сделаю, любовь моя. Но и вы должны быть осторожны. Двор – опасное место для юных, невинных и прекрасных.

– Ваш отец – он рассказал мне о том, что связывает вас с герцогиней.

– Меня ничего не связывает с прекрасной Эллинией, кроме её прихоти, – довольно резко возразил Вольф. – Я никогда не любил и не люблю её, о чём уже говорил вам раньше. Турнир завершится через несколько дней и, возможно, ни вы, ни мы с ней никогда больше не встретимся. Она же будет только рада посеять раздор между нами.

– Потому что, возможно, любит вас сильнее, чем вы её?

– О, милая моя Роуз, – с грустной нежностью выдохнул Вольф. – По чистоте душевной вы приписываете и другим столь же светлые устремления. Но при дворе душевная чистота не в моде. Она здесь столь редкий зверь, что редко кто вообще в неё верит. Я не исключаю возможности того, что сердце сей прекрасной дамы не настолько иссохло, и какие-то чувства ещё теплятся в её груди, но, уверяю вас, не я вызываю их в ней. Я был лишь игрушкой. Развлечением. И, право, я не жалею о том, что было, но... но это не идёт ни в какое сравнение с тем, что я чувствую к вам. То была просто интрижка, в то время как вы, леди... я люблю вас.

Роуз опустила ресницы. Сердце её забилось чаще, но на этот раз это было приятное сердцебиение, сладкое, волнительное.

– Мне хотелось бы верить вам.

– Вы не верите?

– Верю. Но я понимаю, что перед леди Эллинией я как котёнок перед львицей. Она умеет, шутя, играть мужскими сердцами.

– Вы хотите играть сердцами?

– Нет, – покачала головой Роуз. – Вовсе нет. Я буду счастлива обладать одним сердцем – вашим. Но я не могу не думать о том, что... я слишком наивна и неопытна. Меня не составит труда обмануть.

– И зачем мне обманывать вас? – улыбнулся Вольф. – Мужчина обманывает, когда хочет обольстить женщину, вы же и без того обещаны мне. Вскоре я назову вас своей, увезу в Бэйр, где мы с вами на свой манер станем королём и королевой. Мои владения далеко от Семилесья и ещё дальше от Царьграда. Нужно только немного

потерпеть, и мы будем свободны, будем месте. Надеюсь, вы желаете этого так же, как и я?

– Всем сердцем!

– Хорошо, моя любимая Роуз.

Вскоре танцы подошли к концу, все устремились к столам, ломящимся под вкусными яствами. Поваров принц привёз с собой из столицы, и те, изощряясь, как могли, придавали кушаньям самый изысканный и необычный вид, на грани человеческой фантазии. Была на столе и заморская еда, особенно экзотичными были фрукты и заморские тонкие южные вина.

Застолье было долгим и пышным. Лорд Эшар, видимо, опустошил всё округу в поисках провианта, гостей было множество и с каждым из приглашённым кронпринц был сама любезность. В ответ гости из кожи вон лезли, стараясь выразить верноподданнические чувства.

За круговой чашей вились разные разговоры, большей частью посвящённые доблестным рыцарским победам. Но любое веселье имеет обыкновение заканчиваться и, провозгласив последний тост за здоровье королевской семьи, Вестерлинги, вместе с ещё несколькими семействами покинули пиршественный зал. Как резонно заметил отец Роуз, что выпито и выкрикнуто было достаточно – пора отойти на покой.

Вольф вместе со своими оруженосцами и друзьями вызвались проводить сестёр Вестерлингов до их палатки.

Лорд Эшар раскланялся с ними и, передав факел, чтобы освещать дорогу, проводил до галереи, с которой, по его словам, можно было быстрее выйти к тому крылу замка, от которого до палаточного городка несколько шагов.

Паж лорда Эшара гордо вышагивал впереди, неся факел над своей головой. Стук его деревянных каблуков по каменным плитам звучал громко и зловеще. Галерея начала казаться бесконечной, но это и не удивительно – она ведь должна была огибать почти весь замок.

Они и вправду вышли из замка их потайного хода. Но галерея вывела их не к палаточному городку, а на каменный внутренний двор, огороженный со всех сторон высокими стенами – настоящий каменный колодец.

– Что за?... – начал, было, один из спутников Вольфа.

Но закончить фразу не успел. Со всех сторон к ним приближались люди в масках, держа в руках обнажённые клинки.

Вольф мягко, но решительно, оттолкнул Роуз левой рукой себе за спину, правой выхватывая меч, оглядывая ряды противников.

Один из них отделился, выходя вперёд и лунный свет осветил тонкое, порочное лицо Лейнора Айдагана.

– Опустите оружие, господа! Перед вами принц.

– Мне этот будущий властитель очень далёких земель не принц, – твёрдо сказал Вольф. – И я не нападаю, я защищаюсь. Поэтому опускать оружие не намерен.

– Что всё это значит? – встревоженно спросил отец Роуз.

– Это значит, что вам лучше не сопротивляться. Вы можете взять вашу вторую дочь, Аннабель и вернуться в замок. Там безопаснее, – с надменным высокомерием тянул слова Лейнор Айдаган. Мне нужно только леди Роуз.

– На кой ляд она тебе сдалась? – прорычал Вольф.

– Я хочу её, потому что она твой невеста, Бешенный Волк. А если я что-то хочу, то это, как известно, я получаю.

– Ты ошибаешься.

– Встань против меня и давай поединком решим этот вопрос.

– Что за странные речи я слышу, молодой человек? – вновь возвысил голос Вильям Вестерлинг. – Моя дочь обещана в жёны молодому Бэйру...

– В жёны? – высокомерно хохотнул принц Айдаган. – Но я вовсе не в жёны хочу её взять. Принцы не женятся на дочках знаменосцев.

– Вы оскорбляете меня!

– Мне нет до вас никакого дела. Вы можете отойти в сторону или остаться лежать на этом плитах. Я так понимаю, юный медвежонок не спешит сразиться со мной в поединке? Ну и ладно. Вперёд, мои удалцы. Можете прирезать всех. Мне только одна девушка нужна живой. И да, не перепутайте сестёр, а то вас я тоже вздёрну.

Роуз, было, с криком рванулась к Вольфу, но его тихий возглас:

– Так меня вернее убьют, миледи, – заставил её отступить.

Люди принца окружили их с молниеносной быстротой, воинственно выкрикивая бессловесные боевые призывы и мир преобразился в хаос. Холодные клинки, сверкающие синим ледяным

огнём, засверкали совсем рядом, зазвенели по камням. Тяжело запахло кровью – металлический, ни с чем не сравнимый запах.

Сёстры Вестерлинг жались спиной к стене, их окружили сразу трое бойцов.

– Нет! – закричала Роуз, когда один из них подхватил её и ловко закинул себе за спину.

Вольф и отец, услышав её крик, бросились наперерез. Молодой Бэйр, ловкий, как тигр, одним прыжком настиг похитителя, но ему наперерез выскочил другой наёмник и они схватились в рукопашной. Пять или шесть человек разом бросились на молодого человека.

– Нет! Пустите меня! Пустите! – кричала Роуз но голос её предательски сорвался.

Она увидела, как упал её отец, сражённый шпагой одного из наёмников.

– Отец!..

Двое мужчин с закрытыми лицами так, что поверх чёрного материала оставались видимыми только глаза, схватили её и поволокли в сторону чёрной повозки.

Роуз отчаянно вырывалась, кричала, даже кусалась. На какой-то момент хватка её мучителей ослабла. Она рванулась к своим защитникам, чьи ряды стремительно редели.

– Держите её! – властно раздался голос.

Она охнула, потому что чья-то жестокая рука прямо на ходу схватила её за длинные волосы так, что едва не сорвали скальп. От боли мир взорвался, но сознание она не потеряла.

Развернувшись, девушка изо всех сил ударила, целясь пальцами в глаза. Судя по тому, как взвыл противник, цели она достигла. Но, выиграв схватку, войну она проиграла.

Не успела она вновь развернуться, как жёсткий удар в живот заставил её задохнуться и вышиб дух. Мир вокруг померк.

Последнее, что она помнила, это Вольф, словно медведь, окружённый шакалами, отбивался из последних сил.

Глава 8. На корабле

Роуз не сразу поняла, где находится и что происходит. Казалось, что она раскачивается на гигантских качелях, но не вперёд и назад, а из стороны в сторону. Она чувствовала себя разбитой, словно после тяжёлой болезни.

Открыв глаза, она с удивлением обвела взглядом узкую комнату, которую и комнатой-то назвать было можно с большой натяжкой. Но постель, на которой лежала Роуз, была тёплой, мягкой и удобной.

Её окружали странные звуки, незнакомые запахи...

Роуз осторожно опустила ноги с постели и поняла, что ей не мерещится: пол и правда ходил ходуном, наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

Что за ерунда? Как такое может быть? Мозг Роуз никак не мог собрать целостную картину из разрозненных кусочков. Всё рассыпалось, как песок в горсти.

Что она делает в этой странной комнате? Как здесь оказалась?

На ней было странное платье, в их краях никогда такое не носили. Слишком тонкое, слишком лёгкое, оставляющее свободными плечи, спину и руки. Как это на ней оказалось?

А потом в голове словно сверкнула молния и память вернулась к Роуз. Она вспомнила, как её тащили к карете, как на её глазах упал отец, отчаянно кричала сестра и сражался Вольф в неравной схватке. Действительность навалилась на неё во всей своей тяжести: её похитили, а её родных и жениха...

Роуз застыла. На какой-то момент она поняла, что дальше ей не хочется дышать – слишком страшно. Лучше бы она не просыпалась. И в первый момент она испугалась не собственной участи, она о ней вообще не подумала. Словно колокол гремела в голове мысль: если это белобрысое чудовище осмелилось напасть, то, скорее всего, оставлять в живых никого не планировало. А следом за этой мыслью пришло отчаянье. Смерть отца, сестры, любимого – это слишком страшно осознавать. Это было слишком жестоко, чтобы быть правдой. Но это могло быть правдой.

Когда говорят, что ужас и отчаяние сковывают людей – это вовсе не метафора. Руки и ноги сначала холодеют, а потом и правда перестаёшь чувствовать их и на груди будто камень тяжёлый. Дышать невозможно...

Роуз, сорвавшись с места, ринулась к двери и изо всех сил стала молотить в неё руками и ногами:

– Эй! Эй вы там! Проклятые выродки! – выругалась она, наплевав на правила приличия. – Выпустите меня! Выпустите меня, немедленно! Сейчас же!

Дверь оставалась запертой, но это не усмиряло, а словно бы подливало масло в огонь её ярости:

– Отоприте эту проклятую дверь, чтобы вас всем попасть в седьмое пекло! Да что Вечно Проклятый утащил ваши души в яму! Чтоб вам всем сгореть! Или провалиться в бездну! Выпустите меня!...

Дверь отворилась так резко, что Роуз едва не вывалилась кубарем, но её подхватили и жёстко впихнули назад, внутрь.

Она была готова к тому, что к ней явится один из безъязыких и бесправных слуг, от которых ничего путного толком не добьёшься и кричала, потому что просто не было сил молча терпеть душевную боль.

Но к тому, что пресветлый принц Айдаган лично явится пред её очи, Роуз была не готова. От неожиданности она смолкла и в первый момент даже попятилась назад.

Он был в чёрном. И чёрный цвет его одежд резко контрастировал с бескровным лицом и волосами цвета снега.

– Вы?.. Вы!.. – задохнулась Роуз от ярости, ненависти и страха перед этим мерзким чудовищем.

– Я, – согласно кивнул он и захлопнул дверь за своей спиной. – Вижу, вы пришли в себя?

Роуз дрожала от холода, неизвестности, негодования. Что могла она противопоставить его безнаказанной самоуверенности.

– Вы похитили меня.

– Вы наблюдательны, – насмешливо кивнул он, останавливаясь перед ней.

Принц был высок и худ насмешлив в жесток в своей циничности:

– Первоначально я ещё было хотел немного поиграть в благородство и изобразить из себя спасителя, но потом решил – к чему

тратить время?

– Что случилось с остальными?

– С какими остальными? – ухмыльнулся он, делая ещё шаг вперёд.

Но Роуз не отступила, осталась стоять, где стояла.

– С моим отцом, моей сестрой, нашими людьми?

– О! А как же прекрасный Вольф Бэйр? – продолжал измываться негодай. – Разве о нём вы не желаете у меня поинтересоваться?

– Конечно, желаю, жестокосердное вы чудовище!

– Ну, не так уж я и жестокосерден. Всему виной сила моей страсти к вам.

Говорил он всё это сухим, насмешливым, деловитым тоном, вряд ли свидетельствующем об эмоциях. Да и как будто эмоции могли служить оправданием в подобном случае!

– Сила вашей страсти?.. – кричать не получалось, эмоции были слишком сильны, слишком остры. Они не давали не то, что крикнуть – вздохнуть глубже и голос Роуз был отрывист, тих – дрожал, как пламя на сквозняке. – Какой страсти, сударь?.. Вы едва ли сможете вспомнить моё лицо. Зачем?.. Зачем вы это сделали?

– Хотел порадовать моих демонов – парочку внутренних и одного внешнего. Ну, а одного слишком заносчивого юнца, осмелившегося перейти мне дорогу, не мешало проучить. Он был слишком высокого о себе мнения. Спесь, если кого и красит, то только принцев.

– Вы не постеснялись напасть на невинных людей только потому, что хотели свести старые счёты?!

– А кого я должен стесняться? – высокомерно вскинул голову принц. – Уж не вас ли? И не вашего выскочку-отца?

– Не смейте говорить плохо о моём отце. Да у него в мизинце было благородства больше, чем во всей вашей длинной тухлой фигуре! – взорвалась Роуз.

– Тухлой?.. – весело хмыкнул принц. – Вы понимаете, что за столь лестный эпитет я могу вырвать вам язык?

– Только попробуйте ещё раз дурно отзываться о моём отце и прежде, чем ваши слуги явятся вам на помощь, я выцарапаю вам глаза.

– Вы это серьёзно? Даже любопытно на это посмотреть.

– Если мне повезёт, смотреть вам будет нечем!

– Пустяки! – небрежно отмахнулся принц Айдаган. – Все ваши угрозы. И ваши капризы. Всё это пустяки, – на лице его вновь возник жёсткий оскал улыбки.

Право, у волка и гиены улыбка и то краше. Человечнее как-то.

Пододвинув к себе табурет, мужчина сел на него, развалившись, всем своим видом демонстрируя подавляющую власть и силу. Казалось, что даже так он был выше Роуз.

– Если я снизошёл до того, чтобы вожделеть твои прелести, красавица, тебе не остаётся ничего другого, кроме как дать мне то, что можешь. Я одержал вверх над теми, кому ты принадлежала ранее... или должна была принадлежать? – да без разницы! Сегодня ты моя добыча. Ты на моём корабле, полностью в моей власти. Кто помешает мне взять тебя так, как я захочу? Столько раз, сколько захочу? И выбросить тебя за борт, когда ты мне надоешь?

– Уж лучше сразу смерть! – яростно проговорила Роуз, чувствуя такое отвращение и омерзение к этому человеку, на которые ранее просто не считала себя способной.

– Не исключено, что этим всё кончится. Но начнётся иначе.

Роуз понимала, что это не игра. И что ждать помощи неоткуда.

Она с первого взгляда, ещё не зная, даже не догадываясь, какую роль сыграет этот человек в её судьбе, угадала в нём дикого варвара, несмотря на тонкие дорогие кружева и утончённый внешний вид – варвара, сметающего всё на своём пути.

В каюте было тихо и мрачно. Слышались лишь тихие плески волн за бортом.

– Вы меня не тронете, – покачала головой Роуз.

– Вы так думаете? – хмыкнул проклятый принц в ответ.

Он со злым торжеством посмотрел на девушку, и было так странно видеть на тонких, почти эльфийских чертах это звериное выражение.

Роуз судорожно пыталась придумать, что ей делать. Как могла сопротивляться она, хрупкая девушка хорошо обученному воину? Вооружённому, к тому же?

Медленно, со свойственной ему аристократичностью, сквозившей в каждом жесте, принц Айдаган опустил руки на горло Роуз и пока ещё легонько сжал его.

На губах его играла жестокая улыбка:

– Возможно, наступит час, когда я отпущу тебя, красавица. Но сначала возьму выкуп красотой и любовью.

Роуз прекрасно осознавала, что умолять мучителя о милосердии бессмысленно. Красиво самоубиться во имя чести тоже получится вряд ли – тут просто нечем это сделать: четыре стены, дверь, кровать, кувшин с водой, которым, конечно, можно попробовать раскроить белобрысую черепушку, но шансов, учитывая неравную расстановку сил, мало.

Мысли её метались в голове, как стая перепуганных птиц, бестолково – впрочем, иными, кроме как бестолковыми, метания и не бывают.

– Мне нечем платить – у меня нет к вам любви, – с презрением выговорила девушка. – Я ненавижу вас всем сердцем!

– Как печально, – наигранно вздохнул принц, а потом на его холёное лицо вновь вернулась маниакальная ухмылка. – Но малозначительно. Проблема для тебя заключена в том, что меня не интересует, что у женщин в голове – меня интересует только то, что у них ниже пояса. Слушай, девушка с цветочным именем, до сих пор я с тобой обходился мягко, даже сам не знаю, почему? Я добыл тебя копьём и мечом и по закону оружия ты моя добыча.

– Обходился мягко? Сомневаюсь, что вы понимаете значение сказанных вами слов!

Неторопливо принц Айдаган стал расстёгивать пуговицы из драгоценных камней на своём дуплете, не сводя с Роуз жёсткого плотоядного взгляда. Избавившись от дуплета и рубашки, оставшись лишь в брюках, плотно сидящих на узких, крепких бёдрах, он шагнул к ней.

Отступать было особенно некуда. Комната была мала, несколько шагов от стены до стены.

– Не подходите ко мне, – сказала Роуз с твердостью и решимостью, – не приближайтесь. Не берите на свою душу лишнего греха.

– Ты забавна со своими миленькими душеспасительными речами, но давай вернёмся к ним после? «До» – это слишком утомительно. К тому же на моей душе грехов и без того не счесть, одним больше, одним, как говорится, меньше?..

– Конечно, вы сможете меня одолеть, ведь женщина слабее мужчины, но, клянусь, если вы осмелитесь обесчестить меня, вы разделите со мной моё бесчестие. Пусть вы принц, но даже принцы подвластны законам, как людским, так и божьим! Я не успокоюсь, пока не сделаю вашу подлость и низость всеобщим достоянием. Клянусь, что не стану ни спать, ни есть, пока не превращу вашу жизнь в такой же кошмар, в какой вы обратили мою...

Наглец рассмеялся ей в лицо:

– Превратил твою жизнь в кошмар? Что ты знаешь о кошмарах, маленькая девочка с цветочным именем? Но скоро узнаешь.

Резким движением он толкнул девушку к стене.

– Нет! Никогда! – в отчаянии вскрикнула Роуз, но вскриков, слёз и мольбы никогда не бывает достаточно.

Она принялась брыкаться, пытаясь вырваться из его рук, но, подняв кулак, принц Лейнор Айдаган коротко и сильно ударил её в лицо. Роуз пошатнулась, но удержалась на ногах. Страх и ярость придавали ей силы и решимости, она дралась отчаянно, стараясь ударить ногой в пах, пальцами в глаза, но перед ней был не изнеженный придворный, проживший большую часть своей жизни с лютней в руках – принц Айдаган был воином. А что такое перед настоящим воякой маленькая, пусть и непокорная девчонка? Только в сказках твёрдость характера, чистота души или непокорность являются бронёй. Если в жизни не повезло встретить негодяя, какой бы не была сила воли женщины, она окажется слабее физической мужской силы.

Соппротивление лишь больше распаляло жестокость и похоть принца, пробуждая в нём охотничий инстинкт и желание одержать верх любой ценой. Когда Роуз по собачий вцепилась зубами в его руку, ощутив на своих губах горячий привкус его мерзкой крови, он, зарывав от дикой злости, грубо схватил её за шею и изо всех сил ударил головой о корабельную перегородку. Девушка обмякла, наполовину потеряв сознание.

В любой балладе должен был бы прийти храбрый и прекрасный рыцарь, чтобы спасти прекрасную деву, но... рыцарь не пришёл. А рядом с ней был зверь, дикий и жестокий, развратный, ненавидящий и презирающий всё живое. Он получал дьявольскую радость, терзая её. Похоже, это была единственная форма любви, способная

удовлетворить Их Высочество: добыча, поверженная в агонию; плачущая жертва.

Но Роуз решила, что лучше сдохнет, чем позволит этому извергу видеть свои слёзы. Ей нечего терять. Она готова умереть!

Но её жизнь была ему без надобности.

Изверг навалился на Роуз всем телом, вопреки всем её попыткам к сопротивлению. Он грубо разорвал на ней остатки платья и, вцепившись ей в волосы так, что каждой движение головой причиняло девушке мучительную боль, грубо овладел ей.

Роуз лежала перед ним окровавленная, растерзанная, чувствуя себя не больше, чем куском мяса.

Она запретила себе плакать. И запретила себе кричать. Её тело превратилось в один сплошной комок боли и страданий, но, упрямо сжимая зубы, она запрещала себя стонать или плакать. Не дождётся.

К тому же, мертвецы не плачут. А она чувствовала себя так, словно уже умерла. О, если бы она могла выбирать! Если бы у неё только был выбор!

Из уст белобрысой твари вырвалось гнустное рычание и, дёрнувшись на ней в последний раз, он, обмякнув, сделался словно тяжелее.

Роуз открыла глаза. Руки её были в крови. И лицо. И бёдра. Вся она была грязной. Мир стал мраком. Он убил в ней свет, уничтожил её чистоту, взял то, на что право не имел.

Даже если Вольф ещё жив, как она вернётся к нему – такая?.. Униженная, растоптанная, уничтоженная? Всё, всё должно было быть по-другому. Сокровенное воспоминание о поцелуях с любимым, его слова о любви, мечты о счастливой совместной жизни – всё втоптанно в грязь. Свет погас. Мир во мраке. У неё не осталось даже маленького кусочка грёз.

Роуз слышала, как он одевался, натываясь на мебель, потому что корабль кренился даже сильнее, чем прежде. А потом, не проронив ни слова, удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

Обнажённая, она даже не пыталась прикрыться. Истерзанная, избитая, изнасилованная – какой позор! Она должна была что-то сделать, чтобы не позволить ему над собой надругаться. Как она могла допустить такое?..

Но что?! Что можно было сделать? Как помешать?

Роуз хотела умереть, здесь и сейчас. Смерть её не страшила. Жизнь казалось страшней. Но как умереть? Зубами вены не перегрызёшь. А осколком глиняного горшка вряд ли сделаешь это успешней?

Голова Роуз была как в огне. Боль в разбитом теле, в истерзанном лоне была так сильна, что не было сил двигаться. Да и зачем двигаться?

Никто не пришёл к ней на помощь. И никто не придёт. Если ты не спасёшь себя сам, то и спасённым не будешь.

За бортом продолжала плескаться вода, нашёптывая о том, что нужно уснуть, сбежать в мир сновидений из этого жестокого мира, отдохнуть, набраться сил.

– Мне не нужны силы, – тихо прошептала Роуз, словно споря с невидимым собеседником.

– Рано сдаваться. Слишком просто. Ты умрёшь, а он будет продолжать жить? Наслаждаться тем, что снова станет мучить кого-то другого? Ты должна отомстить.

Это было глупо. Чем она могла ему отомстить? Кто она такая? Никто. Пленница. Бесправная и бессильная.

«Ты должна отдохнуть, – продолжали нашёптывать волны, – должна отдохнуть».

Глава 9. Противостояние

Пребывая в полузабытьи, Роуз не могла с точностью сказать, сколько прошло времени до того, как дверь вновь открылась и появились слуги. Первый с вёдрами с горячей водой, второй – с подносом еды. Естественная скромность взяла вверх, и девушка натянула на обнажённое тело одеяло до самого подбородка.

– Каспаша, Тильдо приносить воду, как велел господин, – с поклоном проговорил невысокий человек с тёмным, как лакрица, лицо.

Следом за ним, с трудом втиснувшись в узкий проём каюты, двое мужчин втащили лохань для омовений.

– Господин велеть Тильдо делать всё, что пожелать госпожа, – жутко коверкая слова проговорил человечек с тёмным лицом.

– Я ничего не хочу. Оставьте меня, – равнодушно произнесла Роуз, кутаясь в одеяло.

– Тильдо возвратиться через час, чтобы убрать воду и еда за вами. Вы – кушать и купаться, иначе господин сильно злиться, – сверкая белыми яблоками глаз, поспешно проговорил мужчина. – Когда господин сильно злой, он страшный. Не надо злить.

Роуз ничего не ответила.

Как только слуги вышли, притворив за собой дверь, она заставила себя подняться. Горячая вода была как нельзя кстати. С остервенением девушка принялась соскабливать со своего тела следы недавней схватки, в которой она потерпела столь сокрушительное поражение. Жаль, что из памяти эти ненавистные мгновения смыть не получится.

Кое-как приведя себя в порядок, она вернулась на кровать и свернулась калачиком. К еде Роуз не притронулась. Во-первых, её мутило при одном только виде на неё, во-вторых – это была единственная форма протеста, доступная в её положении.

Вернувшись через час, Тильдо только поцокал языком, красноречивым взглядом окинув не тронутую еду, но ничего больше не сказав, молча удалился, унеся из комнаты всё лишнее.

Роуз вновь осталась в одиночестве. Первый шок проходил, но легче не становилось. Напротив, только теперь до неё стал доходить весь ужас её положения. Она была полностью во власти этого

чудовища, в его власти. И вряд ли то, что случилось накануне, останется единственным разом. Он будет приходить снова и снова – кто ему помешает. И раз за разом брать её силой.

От этой мысли Роуз подскочила на кровати, поднялась с неё и принялась метаться, как запертый в клетке зверь.

Нужно что-то делать! Нельзя позволить превратить ему себя в жертву, сломить её дух. Но, то ли она глупая, то ли слабая, но придумать ничего дельного, кроме как умереть, не получалось.

А умирать... умирать было страшно. Даже несмотря на то, что жизнь повернулась к ней самой тёмной своей стороной, несмотря на то, что держаться было не за что, несмотря на отвращение к самой себе и отсутствие надежды – умирать всё равно страшно.

Как это сделать? Уморить себя голодом?.. Это долго, а этот гнусный ублюдок наверняка явится вместе с закатом солнца. Как и любая нечисть.

Взгляд Роуз скользнул по постели и её осенило: вот же, оно, решение. А вон наверху крюк для масляной лампы. Она худенькая, он её выдержит. Не давая себе время на колебания и сомнений, девушка ловко скрутила жгут из простыней, сделав удавку.

Конечно, религия запрещает самоубийства, призывая к смирению. Но в её случае это вовсе не слабость – нельзя позволить повториться насилию. Этот человек, возможно, убийца её отца и сестры, не исключено, что и Вольф пал его жертвой. Подобная связь с убийцей не имеет право на существование.

Роуз, решительно встав на табурет, продела голову в петлю, внутренне холодея от ужаса. Осталось сделать только шаг.

«Господи, пощади мою душу грешную, – мысленно обратилась она к высшим силам. – Прости и защити».

Всё её существо протестовало против принятого решения. Воля к жизни боролась с принципами и упрямством. Роуз отказывалась подчиняться обстоятельствам, отказывалась смириться с положением пленницы и рабыни, которую тиран может использовать, как захочет. Если она не может жить так, как должна, то и никак не будет.

Но на чисто физическом уровне её тело не желало мириться с необходимостью расстаться с жизнью. Роуз боялась боли, боялась неизвестности – её в равной степени пугала возможность того, что

после смерти ничего нет, так и то, что её встретит строгий судья и спросит на то, что она собиралась сделать.

Девушка балансировала с петлёй на шее на краю табуретки, с колотящимся сердцем, никак не решаясь сделать последний шаг. Она хотела жить. Но продолжение существования виделось чередой унижений и... предательством. Позволять ситуации повториться, значит предать её чувства к Вольфу. Предать память отца.

Сделав глубокий вдох как будто собиралась нырять, Роуз решительно выбила табуретку из-под ног. Жгут огненным кольцом сжался вокруг шеи, перекрывая возможность дышать. Интуитивно она попыталась вернуть опору под ноги, но её не было.

В этот момент её охватил дикий ужас и в то же время торжество! Она смогла найти выход из ситуации...

Но ненадолго. Что за демон этот человек?! Словно стоял и ждал момента для красивого появления.

Уплывающее сознание мешало объективно оценивать происходящее, но для того, чтобы подхватить её на руки, ослабляя давление верёвки и вытащить девушку из петли, времени много не ушло.

Роуз, упав на пол, жадно хватало ртом воздух, как рыба, вытщенная из воды. Она судорожно хваталась за саднящее горло. А перед глазами алым пятном мелькали одежды её мучителя.

Не успела она отдышаться, как охнула – Айдаган наотмашь ударил её по лицу. От пощёчины загорелась сначала одна, потому – вторая щека.

– Будь ты проклят! – вырвалась с искусанных губ Роуз.

Он навис на ней равнодушной высокой башней, его ноги пригвоздили её юбку к полу. С полным самообладанием, он жёстко схватил девушку за волосы и рывком поставил на колени, заставив запрокинуть голову и глядеть в его ничего не выражающее, белёсое лицо.

– Что всё это значит? – на ледяном лице не дрогнул ни один мускул.

Ни лицо, а маска. Застывшее на нём спокойное равнодушие хуже самой жестокой злости.

– Вам что за дело?! Вы своё уже получили! – прохрипела Роуз.

Каждое слово больно скребло по горлу, и говорить громче не получалось.

– Ты посмела испортить мои простыни. К тому же ты и сама моя собственность. Если я захочу перерезать тебе горло, то сделаю это, а до того времени никакого своеволия я не потерплю.

– И что ты сделаешь? – с вызовом вскинула голову Роуз. – Убьёшь меня? – засмеялась она с язвительным отчаянием. – Или изнасилуешь?..

Смех примёрз к губам под тяжёлым, ледяным взглядом. Захлебнулся, словно рыданием.

Она испуганно сжалась, готовясь к очередному удару, когда он наклонился, чтобы подхватить под локоть и поставить на ноги.

– Я не стану тебя наказывать, – сообщил он голосом мягким, как шёлк или прохладным, как вода, – потому что сам не озвучил правила. Несправедливо наказывать человека за то, что ему не рассказали, правда? – проговорил он, мягко заправляя ей локон за ухо.

Роуз дёрнулась от протянутой к ней руки, но добилась лишь того, что руки мучителя оплели её талию железным кольцом.

– Правила очень простые и запомнить их несложно: ты делаешь только то, что я тебе разрешаю. Если я присылаю тебе поднос с едой – ты ешь; если я велю тебе принимать горячую ванну с лепестками роз и маслом сандала – ты так и делаешь. Если ты спишь на простынях, ты их не рвёшь и не портишь. Ты моя собственность и каждый волосок на твоей голове должен лежать так, как мне нравится. Ты не смеешь вредить себе, если я этого тебе не разрешу. Здесь всё понятно?

– Я не рабыня и повиноваться вам не собираюсь!

Белобрысый склонил голову к плечу и посмотрел на Роуз, чуть прищурившись:

– Ты знаешь, откуда берутся рабы?

– Рабами рождаются. Я – дочь графа Вестерлинга!..

– Когда ты не в силах отстоять собственные границы и независимость, когда признаёшь чужую силу, ты становишься рабом. Ах, да! Кажется, именно этим ты сейчас и занимаешься? – больно сжав её подбородок между указательным и большим пальцем принц Айдаган заставил Роуз запрокинуть голову.

Он был сильнее, чёрт бы взял его чёрную душу! Чисто физически – сильнее. Ей вновь пришлось подчиниться.

Его светлые, смеющиеся и злые глаза были так близко. Вырвать бы их! Заставить погаснуть навсегда!

– Отстаиваешься собственные границы и право на независимость? Отчаянная попытка, кому-то может даже показаться смелой. Но я с тобой не закончил. По-настоящему мы ещё даже и не начинали.

Теперь его пальцы больно впились в её челюсть, с явным намерением лишить возможности двигаться и унижить:

– Я озвучил правила, а теперь хочу, чтобы ты знала, что будет с тобой, если ты решишься меня послушаться. Понимаю, ты думаешь, что уже познала всё самое худшее и хуже быть не может. Но это мнение ошибочно, впрочем, как и большинство людских мнений. Запомни на будущее и не забывай – пока ты дышишь, всегда может стать хуже.

– Вы убили моих близких! Вы похитили меня! Лишили меня чести, смысла жизни, достойного будущего! Вы меня уничтожили! Чего ещё мне бояться?

– Чего бояться? Вопрос очень интересный, – с усмешкой проговорил он, впиваясь ледяным взглядом прямо в череп, заглядывая в глаза Роуз с демонической издёвкой на лице. – Как насчёт... темноты? – хмыкнул он. – На этом корабле, знаешь ли, на нижней палубе, что находится сейчас прямо под нами, становится очень-очень темно сразу же, как только уносят факел. А ещё мыши и крысы – они просто очаровательны. Даже при свете огней эти наглые твари норуют прошмыгнуть под ноги, а уж в темноте?... Я могу запереть тебя в трюме, оставив наедине с крысами.

Роуз презрительно дёрнула бровью:

– Уверена, общество крыс мне понравится больше вашего. Если уж выбор оставить за мной!

– А я уверен, что ты заблуждаешься. Ты просто не так близко общалась с крысами.

– Зато с вами – да. И уж лучше – крысы.

– Договорились. Не будешь жрать, отправлю тебя к ним в трюм. Хоть на что-то сгодятся твои тощие кости: пойдёшь им на корм. А посмеешь снова выкинуть нечто подобное тому, зачем я тебя застал, – глаза принца гневно сузились, а голос превратился в шипение, как у

змея, – то следующую ночь разделишь не со мной, а с моей матроснёй. Со всяким, кому приглянутся твои прелести. Ты меня поняла?

Роуз с ненавистью смотрела в породистое, порочное лицо.

– Ты. Меня. Поняла? – чуть громче, чеканя каждое слово, как драгоценное монету, повторил он, впиваясь пальцами в предплечья девушки, как клешнёй. – Я не слышу ответа.

– Катитесь в ад. Уверена, вас там заждались.

Он снова ударил её. Тыльной стороной руки. Наотмашь. Сначала по одной щеке, потом по другой. Лицо загорелось, будто его обожгли.

– Я предупредил вас, сударыня. И мои враги, и мои друзья знают, что слово я держу. А выбор – он за вами. И раз уж вы испортили свою постель, спать будете на дерюге. Увидимся вечером, прекрасная дама.

Дождавшись, пока он выйдет, Роуз вне себя от ярости схватила глиняный горшок и запустила его вслед ненавистному врагу.

Она не попала в дверь. Горшок разбился о деревянную перегородку, разлетевшись на осколки.

Судя по всему, они плыли в тёплом море. Очень тёплом. Вскоре к душевным терзаниям и удушающей злобе, не оставляющей Роуз ни на секунду, добавилась немилосердная духота, да такая, что под открытым платьем из тонкого ситца она с ног до головы покрылась солёным потом, будто её окунули в морскую воду. Одинаково невыносимо было и ходить по каюте, и ложиться на растерзанное ложе. К тому же всё у неё болело: и душа, и тело.

Мысль о наступающем вечере не приносила отдохновения, ведь вечером должен был появиться Проклятый Принц. Если бы только можно было просочиться сквозь решётку и выбраться из этой проклятой западни! Пусть даже ценой жизни!

Роуз подошла ближе к окну, пристально разглядывая цемент. Ей показался, держалась она не очень плотно. Можно было попытаться выцарапать глиняным осколком или пряжками от её туфель. Что она теряет, в конце концов. Времени у неё до вечера полно. Этим она и занялась. Работала усердно, упрямо и упорно, не покладая рук.

Когда решётка, наконец, поддалась, время клонилось к вечеру. Вся в цементной пыли, Роуз осторожно втянула её внутрь, просунув голову в образовавшееся отверстие. Наградой за упрямство и терпение ей стал глоток свежего прохладного вечернего воздуха. У линии

горизонта догорал великолепный пурпурно-алый закат, а вода внизу, у кормы корабля, казалась бездонно-чёрной.

Роуз понимала, что то, что она намерена сделать, по сути не отличается от того, что затевала утром. Выберется она в открытом море, где надеяться на спасение не приходится, но неизвестность, пусть даже с отсутствием шансов лучше, чем то, что должно было случиться через пару часов.

Всё что угодно было лучше.

Не колеблясь ни секунды, девушка принялась протискиваться в узкую щель окна. Голова и плечи прошли, но в какой-то момент поверилось, что дальше протиснуться не удастся. Висеть между небом и водой было глупо, одновременно смешно и жутко. Но потом, отдышавшись, Роуз вспомнила наставления, которые давал им в детстве отец: если прошла голова, всё тело пройдёт. Нужно только протискиваться правильно.

Она толкнулась вперёд изо всех сил, не обращая внимание на образующиеся ссадины. Платье её лопнуло и сползло с плеч, вместе с кожей, но зато Роуз почувствовала себя свободной!

Она сильно ударилась о воду, но всё же сознание не потеряла.

Море вокруг колыхалось и казалось живым. Оно светилось, наполненное какими-то маленькими светящимися организмами. Роуз казалось, что она движется в странном растворе из драгоценных камней.

Будь на неё привычное платье с объёмными юбками, они непременно утянули бы Роуз на дно. Лёгкий ситец, даже намкнув, не так сильно сковывал движение. Но вскоре её всё равно приходилось изо всех сил лупить руками и ногами по воде, чтобы удержаться на поверхности. Опять же, из чистого упрямства, потому что надежды доплыть до цели не было. Как собственно, и цели таковой, если исключить надежду избежать очередного ночного свидания с принцем, чтоб ему черты в огне пятки палили.

Чем больше Роуз уставала, тем сильнее и хаотичнее становились движения рук и ног, тем выше взметался фонтан пылающих фосфоресцирующих брызг.

Отчаянно барахтаясь в воде, она почти ничего вокруг себя не видела. Не слышала она и скрипа кожаных уключин, до тех пор, пока,

беспомощно взмахнув руками в последний раз, начала погружаться в воду почти с облегчением.

Но потом почувствовала, как её подхватили багром, подтянули к шлюпке и вытянули, отплевывающуюся от солёной воды, обессиленную и дрожащую в шлюпку.

– Она почти совсем мёртвый, мой каспадин, – проговорил темнокожий слуга, утром представившийся, как Тильдо.

– Почти – в этом слове есть существенная разница.

Роуз судорожно втянула сквозь сцепленные зубы воздух и тихонько чихнула.

– Будьте здоровы, моя прелесть, – насмешливо протянуло беловолосое чудовище. – Трудно поверить, но я сегодня во второй раз спас вашу молодую, прекрасную жизнь.

– Прекрасную?! Да вы что, издеваетесь?!

– Я удивляюсь. Да и как не дивиться? Я оставил вас запертой, едва ли не на цепи, а нахожу плавающей в море? Как вы выбрались? А главное – зачем? Даже опытные и сильные пловцы не отважатся на подобное безумие. Если бы не видел своими глазами, никогда бы не подумал, что женщина вообще способна проплыть такое расстояние. Тильдо? – вдруг резко изменив тон с насмешливо-мягкого на холодный и резкий, произнёс этот ненормальный. – Я не понимаю, почему ты сидишь и тарачишься на нас, распустив уши, вместо того, чтобы грести к кораблю?

– Да, мой каспадин! Тильдо уже грести! Грести изо всех сил!

Через четверть часа принц Айдаган грубо втащил свою жертву обратно корабль. На этот раз, к ужасу Роуз, вместо того, чтобы отвести её в то милое «гнездышко» из которого она выпорхнула, он приволок девушку к себе в каюту.

Заботясь о своём комфорте, принц Айдаган под свои личные нужды отвёл почти всю кормовую часть, из-за чего его каюта казалась непропорционально просторной, особенно, если сравнивать её с тем закутком, в котором обитала до сего момента Роуз.

Неторопливо сменив одежду, принц вальяжно устроился в глубоком кресле. Роуз, измученная и едва живая после всего пережитого, устало скорчилась на ковре, на том самом месте, куда её бросили втащившие сюда матросы.

Пряди её чёрных, в обычном своём состоянии роскошных волос теперь походили на мокрые водоросли и липли к лицу, шее и обнажённым плечам. Она наглоталась морской воды и нервничала, отчего тело её сотрясала мелкая дрожь.

Посверлив её какое-то время любопытным взглядом, словно она была неизвестным науке насекомым, мужчина протянул ей серебряную фляжку.

– Пейте, – велел он.

Роуз послушно взяла фляжку, подозрительно поведя носом. Пахло спиртным.

– Вам нужно согреться.

В общем, было бы неплохо, но, подстёгиваемая всё тем же бунтарским, непокорным духом отчаяния она демонстративно перевернула фляжку и вылила её содержимое прямо на пол.

В глазах принца зажёгся мрачный, злой огонёк, но, вопреки ожиданиям Роуз, он на этот раз не стал её бить. Видимо, было лень вставать из кресел.

– Я не удивлён. Разум и женщины редко совместимые понятия, – произнёс принц, усмехаясь. – Сегодня утром, кажется, я был недостаточно красноречив и недоходчиво разъяснил вам вашу участь. Могу я спросить, любопытство ради, чего вы хотите всем этим достичь?

– Свободы, – прохрипела Роуз полушёпотом непослушными губами. – Если вы не даёте мне умереть по собственной воли, рано или поздно вы всё равно выйдете из себя и прикончите меня. И это избавит меня от необходимости терпеть вашу лисью физиономию и ненавистные прикосновения.

Несколько длительных и томительных секунд он молча сверлил её взглядом.

– Дерзкая, непокорная, хоть и полуживая, – проговорил он, лениво растягивая слова, словно играя ими. – Что же мне делать с вами? Не в моих принципах сносить оскорбления безнаказанно. Но в то же время вы выглядите столь жалко, что... вызываете жалость даже у меня.

Роуз фыркнула.

– Я сказал что-то смешное?

– О, да! Мне кажется, вы плохо представляете себе те чувства, что обычно люди выражают этим словом.

– Вы правы, – улыбнулся он, показывая острые, как у вампира, клыки. – Жалость мне не ведома. Тем более, когда меня нарочно провоцируют. Я непременно накажу вас, как следует. Но позже. А пока, полагаю, вам нужно обсушиться. Что вы предпочтёте, моя прелестница? Чтобы я позвал слуг, дабы стащить с вас остатки этих тряпок? Или сделал это лично?

– Оставьте меня... – шарахнулась от него Роуз, вызвав у этого жестокого человека, явно наслаждающегося своей властью над ней и её беспомощностью, смех.

– Оставить? Как я могу вас оставить? На кого? Видите ли, какая жалость – кроме вас на корабле нет ни одной женщины. Вам готов прислуживать сам принц! А вы не цените своего счастья.

Он рассмеялся ещё громче, губы его растянулись в жестокой улыбке, обнажая прекрасные белые зубы, лишь резцы были немного длиннее остального идеально-ровного ряда.

Роуз с ужасом увидела, как он снова направляется к ней. Она ощущала себя голой и совершенно, совершенно беспомощной!

– Нет!... – это было похоже одновременно и на крик смертельно раненого животного и на отчаянную мольбу. – Нет, прошу вас!.. Прощу, не надо. Не делайте этого.

Он обхватил её руками и крепко прижал к себе:

– О, вы дрожите, моя прелесть? Замёрзли? Сейчас я тебя согрею.

У Роуз перехватило дыхание и это может быть, к лучшему. Так она не могла разразиться рыданиями, которые грозили задушить её.

– Что же вы смолкли, моя сладкоголосая птичка? Мне так нравилось слышать ваши мольбы! Это изрядно заводит.

Он приподнял Роуз с такой лёгкостью, словно она была не тяжелее куклы и бросил её на свою кровать.

– Я вас ненавижу! – зашипела Роуз. – Ненавижу всем сердцем! И, если переживу всё это, клянусь жизнь, вы заплатите! Заплатите за всё, что со мной сделали!

– А что я с тобой сделал? – ухмыльнулся он, срывая с себя одежду.

– Вы самое презренное существо из всех, кого я знала!

– Рискну предположить, что список недлинный. Но довольно куртуазных речей, миледи. Мне не терпится вновь сжать вас в своих объятиях.

Роуз сжала зубы и закрыв глаза, откинулась на подушки, комкая пальцами простыни. Сопротивляться бессмысленно. Это приведёт лишь к ещё большим унижениям.

«Меня здесь нет. Меня здесь нет. Нужно просто перетерпеть это – всё равно или поздно заканчивается».

Это совокупление приносило лишь боль и страдание, но чем больше она противилась, тем сильнее страдала. Если такова её горькая судьба – он выпьет эту чашу.

Да, она проиграла очередной бой. Но война ещё не закончилась. Она ещё толком даже не начиналась.

Роуз ещё не знала, что будет делать, но она не сдастся. И выход найдёт. Она ещё переживёт это гадкое чудовище, для которого женщина – не больше, чем сосуд для удовольствия. Он брал её, как берут крепость – без снисхождения, без малейшей толики нежности: жёстко и грубо удовлетворяя свои низменные страсти.

Закончив, приподнялся над неё на локтях, оглядывая с гадкой усмешкой:

– Ну, прелесть моя, сегодняшние злоключения, кажется, пошли вам на пользу? Вы словно поумнели? Я предполагал, что так и будет. Клянусь, что, если в следующий раз вы не станете мне перечить, а проявите кротость и смирение я, может быть, даже покажу вам, что от этого процесса можно получать удовольствие.

– Удовольствие?.. С вами? – Роуз словно выплёвывала слова. – Да я скорее умру! Вы убьёте меня?

– Нет, – раздражённо сказал он. – Я предпочту дрессировать вас до тех пор, пока мы не придём к нужному мне результату. Чем больше вы дёргаетесь, тем больше мне нравится эта игра. Я люблю приручать непокорных зверей и женщин. Вы не первая упрямая сучка в моей жизни. И не последняя. Но всё всегда заканчивается одинаково – любая псина, если правильно с ней обращаться, рано или поздно начинает лизать руки.

– Я не псина, – вызывающе повернулась к нему Роуз. – И скорее солнце взойдёт на закате и начнёт двигаться на восход. Я никогда вам не покорюсь.

– Скоро вы будете моей покорной рабыней. Можете плакать, кричать и проклинать меня, сколько вашей душе угодно. Кроме меня вас никто не услышит, а мне – всё равно.

Он вновь засмеялся и смех его был словно наждак, которым скребут по коже.

«Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу», – повторяла про себя Роуз.

Он даже не вытолкнул её из своей постели. Просто повернулся к ней спиной. А у Роуз не оставалось сил, чтобы продолжать разговор. Усталость и безразличие тяжело навалились на неё, совсем как проклятый принц за минуту до этого. Напряжение жуткого дня, усталость, гудящая в мышцах, грубый секс с этим чудовищем – всё это полностью истощило её энергию. Силы оставили её – физические и духовные.

Она осталась лежать рядом с ним. Постель была мягкой, одеяло тёплым, в его каюте было много воздуха, а начини она новое сражение, с него станется отправить её к крысам.

Крысы пока подождут. Она слишком устала. Её надо отдохнуть.

Глава 10. Укрощение

Лёжа рядом с ненавистным любовником, навязанной ей обстоятельствами и судьбой, Роуз боялась не то, что лишний раз пошевелиться – вздохнуть поглубже, лишь бы не спровоцировать очередных ненавистных объятий.

Обессиленная, она пыталась задремать, но полноценный сон не шёл к ней, она, как в колыбели, качалась в полузабытье. От неудобной позы грозило свести судорогой всё тело.

Иногда она бросала в сторону проклятого принца ненавидящий взгляд, хотя бы для того, чтобы убедиться, что он спит и сейчас для неё угрозы не представляет. Каждый раз, стоило ей взглянуть на его спину, Роуз мутило от презрения и ненависти.

Судно покачивалось на морских волнах. Время от времени доносилось тонкое, птичье поскрипывание рангоута, гроыхала штурвальная цепь.

Это казалось таким странным и диким – ненавидеть человека лютой ненавистью и продолжать лежать рядом с ним, словно добропорядочная супруга. Оправдывает ли Роуз то, что она так устала, что даже моргать тяжело? Оправдание ли это для её слабости и трусости?

Спит ли он сейчас или просто делает вид, чтобы исподтишка наблюдать за ней самой?

Роуз, осторожно приподнявшись на локтях, принялась оглядывать комнату, одновременно с тем размышляя, что же ей делать дальше? План был примитивен и прост. Она знала, что многие дворяне держат кинжалы под подушкой – на всякий случай. Почему-то оказалось, что Лейнор Айдаган не исключение. Что, если попытаться завладеть оружием и... и перерезать этой твари горло? Да, понятное дело, ей самой долго после этого не протянуть, скорее всего, убьют. И даже жестоко, если она сама, не набравшись храбрости, не шагнёт вослед тому, кого замышляла прикончить.

Ужасно хотелось спать. И разум говорил, что если она сейчас не отдохнёт, то завтра... если всё получится, завтра Роуз всё будет уже без разницы, а этот белобрысый монстр получит по заслугам.

Осторожно, боясь сделать лишнее движение, девушка села на колени и, едва сдерживая себя, потянулась к подушке, на которой покоилась белокурая голова настолько злобного принца, что прекрасным уже язык его называть не поворачивался. В какой-то момент корабль качнуло, это движение приподняло угол подушки, и Роуз молниеносным движением схватила холодную, отделанную серебром ручку кинжала.

Острый клинок блеснул голубым отливом в темноте. Словно только этого и дожидаясь, проклятый принц перевернулся с правого бока на спину. Рука его расслабленно лежала над головой, длинные пушистые ресницы отбрасывали густую тень на щёки, белые волосы разметались вокруг лица.

Роуз нервно сглотнула, глядя на уязвимую, кажущуюся такой тонкой и бледной, шею. Весь он был тонкий и бледный. Если не знать, на что эта безжалостная тварь способна, можно подумать, что он такой изнеженный, что у него не хватит сил расколоть миндаль.

Роуз задышала чаще, представляя, как острый клинок вонзается в шею, обагрывая кровью.

Она никогда и никого не лишала жизни – даже курицу. А тут человек... спящий. Нападать на спящего низко. Нож в руке её задрожал.

Всего одно движение! Всего одно – и она будет отомщена и свободна. Негодяй заплатит за то, что отнял жизнь у тех, кого она любила; за то, что забрал её честь. Она – Вестерлинг, и она не побоится ни отнять жизнь, ни отдать её!

Никогда в жизни Роуз не представляла себе ситуацию более отчётливо, чем сейчас. Убив Лейнора Айдагана она не сможет достичь свободы. Дверь заперта снаружи, а за ней – его люди...

Почему она медлит? Даже сильнее, чем, когда надевала петлю на шею? Она ненавидит его – всем сердцем, каждой клеточкой своего тела и души. Никого никогда в своей жизни прежде Роуз так не презирала. Так почему поднять руку на него ей тяжелее, чем на себя саму?

Потому что он спит. Потому что бить в спину подло. А разбудить его – заранее заведомо проиграть.

Преодолевая себя, она склонилась над ним. Острие ножа дрогнуло, коснувшись кожи на шее.

И тут она поняла, что Айдаган распахнул глаза и смотрит на неё. Без всякого выражения, но вполне осмысленно. К её искренней досаде, испуганным он не выглядел. Его проклятая самоуверенность по-прежнему пребывала с ним.

– Только дёрнетесь! – шепотом приказала Роуз. – И, клянусь, я вгоню клинок вам в глотку по самую рукоять.

– То есть, – с учтивой насмешкой прилетело назад, – если я буду лежать тихо, как младенец, ты просто немного поддержишь нож у моего горла, а потом тихонько вернёшь его на место? – язвительно приподнял он бровь.

– Замолчите!

– С ножом ты даже прекраснее, чем безоружная. Это так возбуждающе! Охота на лань – это для простачков. То ли дело одержать победу над хищником?

Корабль кренился то в одну, то в другую сторону. Достаточно было одного неловкого толчка, чтобы навсегда прервать эти язвительные, высокомерные речи.

– Кем вам приятнее себе воображать, леди Вестерлинг? Пантерой? Львицей? Волчицей? Или, может быть... – он многозначительно усмехнулся, – медведицей? Хотя последнее вряд ли. Не слишком изящно. И Бэйр, с учётом всех обстоятельств, вам вряд ли теперь удастся стать?

Она надавила на нож и по его шее протянулась тонкая струйка крови. Ненависть исказила черты девушки. Она сгорала от желания убить эту тварь! И... и не могла, никак не могла решиться оборвать эту грязную, презренную, никому ненужную жизнь!

Айдаган запрокинул голову назад, с вызовом подставляя горло под её кинжал. Глаза его насмешливо блеснули.

– Люблю жестоких женщин. Но только при условии, что они действительно жестоки.

– Я убью вас сегодня! – прошипела Роуз.

И в ответ получила очередную насмешливую, высокомерную гримасу:

– Ты собираешься убивать меня взглядом? Или острым языком? Только вот вряд ли задуманное у тебя получится, моя нежная. Так это не работает. Хочешь подскажу, что нужно сделать? Перестать тянуть время и просто нажать на рукоять. Тогда сталь сама войдёт в горло.

Он смеялся над ней, откровенно насмехался.

– Хотите убедить меня, что вы не жалкий трус? – шипела Роуз. – Что вы не боитесь смерти?

– Меня упрекнуть можно во многом. Но даже самые злейшие мои враги никогда не упрекали меня в трусости. Что же касается смерти?.. Никогда не понимал страха перед ней. Пока я дышу – она далеко, когда же придёт – далеко буду я. Если вообще где-то буду. В любом случае смерть неизбежна. Она придёт ко всем. Даже такая жалкая сикуха, как ты, пыталась смотреть ей в глаза. Неужели ты считаешь меня более жалким, чем есть сама?

Глаза его жёстко, насмешливо блестели.

В этот момент она была готова убить его! И убила бы. Если бы смогла. Беда в том, что всё это было игрой в кошки-мышки. Даже с приставленным к горлу ножом принц играючи выбил нож у неё из рук. А потом, грубо схватив за горло, рывком поставил на колени. Его пальцы едва оставляли щёлку для вдоха, вливающегося в лёгкие тонкой струйкой.

Он приблизил своё лицо к лицу Роуз так, что их скулы почти соприкасались и зашипел в ответ:

– Неугомонная глупая девица, ну, почему тебе не сидится спокойно? Всё, что от тебя требуется – просто смириться.

– Просто смириться? – дёрнулась Роуз, игнорируя боль от впившихся в её лицо пальцев, боль в позвоночник и во всё тело. – Я не смирюсь. Лучше умру. Или убью – как получится.

– Пока что-то ты ни в чём не преуспела, – с пренебрежением прокомментировал услышанное он. – Кроме одного: испортила нам обоим сладкий сон. Себе – так совершенно точно. Мне казалось, что сегодня утром я был вполне убедителен, когда рассказывал, что ждёт тебя за послушание? Жаль, что это было не так. Жаль, что моих слов оказалось недостаточно. Жаль, что моя постель показалась тебе не так привлекательна, как трюм. Потому что именно туда ты сейчас и отправишься.

Схватив девушку в охапку, принц рывком сорвал её с постели и швырнул на пол. После чего дёрнул звонок. И ответ пришёл незамедлительно в виде услужливых матросов во главе с Тильбо.

– Бросьте её вниз. К крысам. В трюм. Пусть посидит там немножко, подумает о своём дурном поведении до вечера. Буду очень

надеяться, что леди одумается. Жаль делиться таким милым телом со всей командой, – он грубо сжал оголённую грудь девушки. – Не вынуждай меня это делать.

– Катись к дьяволу! – крикнула Роуз.

Она кричала и сопротивлялась чисто из любви к искусству, прекрасно понимая, что с несколькими мужчинами ей, слабой девушке, ни за что не совладать.

Заставив её спуститься на пролёт по деревянной лестнице, беспощадные и немые исполнители воли жестокого принца остановились перед деревянной дверью, щедро обитой железом. Тильбо вытащил связку ключей и повернул лязгнувший замок.

Роуз замешкалась на пороге, пытаясь уцепиться хоть за что-нибудь, но не преуспела в этом. Дверь распахнули, её втокнули внутрь и заперли. В темноте. Кромешной. Где не было даже маленького зарешёченного окошечка под потолком. Не был и соломы для лежанки, которую обычно даже собакам бросают.

Роуз упала на пол. Было тихо, как в могиле. Хотя, нет – в могиле не плещут волны и не скрипит такелаж и канаты.

Что ж? По-крайней мере её не избили и не заковали в цепи. А в трюме даже не плохо. По-крайней мере крысиная рожа белобрысого принца перед ней не маячит.

Уставшая и разбитая, Роуз быстро уснула. А когда проснулась, обнаружила рядом с собой медный поднос с горящей свечой. От подноса разносился аппетитный запах кофе с южных островов. Рядом с чашкой из дорогого фарфора стояла не менее дорогое блюдо с медовыми оладьями.

Роуз не ела уже третьи сутки. Живот предательски заурчал. Особенно возбуждал желание ароматный кофе... искушение было непреодолимым. Чтобы не поддаться, девушка изо всех сил ударила по подносу ногой – лепёшки упали на грязный пол, кофе пролился. Всё в ней протестовало против такого решения. Организм, молодой и здоровый, пытался выжить.

Но она не сдастся. Не даст проклятому иноземцу и насильнику сломить себя. Не станет играть по его правилам. Ей совершенно нечего терять. А жизнь ей больше не дорога.

Корабль качало. От истощения, нервного перенапряжения, качки и скуки девушка то и дело впадала в болезненную дремоту, из которой её

вырвал звук приближающихся шагов. Ключ вновь заскрежетал в замке. Тильдо, увидев беспорядок, учинённый пленницей, поцокал языком:

– Хазявин будет не доволен своей женщиной!

– Я не его женщина, – равнодушно возразила Роуз.

– Хазявин вас наказать. Зачем нарочно гневить мужчину? Разве ты хочешь, чтобы его твоя бить?..

Роуз не снисошла до ответа.

Тильбо, собрав остатки еды, удалился, ворча что-то себе под нос.

Пока сохранялась прохлада после ночи, жажда не была мучительной. Но чем ярче разгоралось солнце, тем сильнее становились её терзания. Казалось, за кружку прохладной воды отдашь остатки чести и достоинства. Но, по счастью, подобного вопроса и не стояло – никто её не навещал. Казалось, все забыли о существовании Роуз. И её это не трогало.

Она верила – нужно потерпеть ещё чуть-чуть, и она догонит отца и сестру на дороге в Страну Вечного Лета.

Счёт времени был потерян. Роуз казалось, что она находится здесь целую вечность.

И снова в замке заскрежетали ключи. В тот же момент дверь открылась, пропуская лучи света, что больно ударили по глазам, заставляя прикрываться ладонью. Сапоги из дорогой крашенной кожи неторопливо спускались по ступенькам – остальное было выше взгляда. Роуз не стала поднимать глаз.

Её мучитель остановился в нескольких шагах. Весь в дорогах шелках, распомаженный, как женщина, надушенный, полный сил и сарказма.

– Добрый вечер, – сладкий голосом проговорил он. – Сегодня ты выглядишь... просто ужасно. И в этом лишь твоя вина. Кто бы мог подумать, что ты столь откровенно глупа.

Роуз отвернула от него лицо, уставившись в стенку. Всем видом показывая, что не намерена поддерживать беседу.

– Скажи, тебе нравится быть грязной, голодной и избитой? Ведь всё это совсем не обязательно? У меня достаточно красивой одежды, еды, воды. Даже благовонных масел и душистого мыла в избытке. Ты, конечно, молода и красива, но некоторые испытания оставляют неизгладимый след на внешности. По опыту знаю, чем красивее женщина, тем более хрупкая её красота, тем легче её потерять.

Роуз снова молчала, игнорируя слова собеседника.

Если хочет её такую: грязную, жалкую, истощённую – пусть берёт. Ей всё равно. Она на этом свете всё равно долго не задержится.

– Так, значит? – с явным раздражением проговорил принц. – Хочешь сдохнуть в этом трюме?

– Лучше сдохнуть, чем быть вашей игрушкой, – равнодушно проговорила Роуз, даже не взглянув на своего мучителя.

– Как пожелаешь. Ты ошибаешься, считая, что кто-то станет тебя уговаривать. Быть по сему, – проговорил он.

И вышел.

Роуз снова осталась одна.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем ей показалось, что она видит два глаза, сверкающих в темноте. День давно остался позади. Теперь в темнице не было жарко – было влажно и холодно, и с каждым часом трюм всё больше напоминал могилу.

Из дремоты Роуз вырвал странный мягкий звук – будто что-то мягкое шлёпнулось неподалёку от неё.

С сильно бьющимся сердцем она вскочила на ноги, пытаясь определить источник звука. Что-то живое было рядом с ней – Роуз это чувствовала. Это неведомое нечто смотрело на неё не одной парой глаз. Светящиеся, даже в почти крошечном мраке.

А потом нечто мягкое и жилистое проскочило прямо по её ноге. Вскрикнув, Роуз попыталась добраться до двери. Она почувствовала, как коготки цепляются за её голые ноги и обрывки юбок. Она попробовала отшвырнуть животное ногой, но вместо одной, на ней висело теперь несколько тварей.

Темнота скрывала происходящее, но обостряло фантазию, множила страхи.

Когда же одна из крыс упала её на спину, Роуз заорала, как сумасшедшая:

– Нет! Только не это! Помогите! Помогите! Выпустите меня отсюда! Выпустите!

Дверь быстро растворилась, будто тот, кто был за ней, только этого и ждал. Свет факела, ворвавшийся в помещение, заставил Роуз снова закричать от ужаса, потому что весь пол, казалось, шевелился от крыс, которых Тильдо разгонял факелом и плетью.

Тильдо вытянул Роуз наружу. Девушка была настолько вне себя от ужаса, что, упав на колени, не сразу заставила себя подняться, корчась на полу.

Принц Айдаган с ледяным лицом наблюдал, как она ползала, побеждённая.

– Ну, вот, моя милая пташка, – рот его оскалился, как у черепа, – и на тебя нашлась управа. Рано или поздно она находится на всех. Рано или поздно слабость всегда берёт вверх над силой воли. Я рад, что ты сломалась на крысах и мне не пришлось делить твоё нежное тело с матроснёй. Мы избежим этого, если ты пообещаешь мне быть послушной.

Присев рядом с всхлипывающей девушкой, он снова ухватил пальцами её подбородок, заставляя поднять голову:

– Ты будешь послушной?

Роуз, дрожа, никак не могла заставить себя поднять на него глаза.

– Ты будешь послушной? – с нажимом повторил он.

И вновь нарвавшись на молчание, со злостью выпрямился:

– Это самая упрямая баба, которую я только встречал. Бросьте её обратно.

– Нет! – закричала Роуз. – Я буду... буду покорной. Только не крысы! Умоляю вас.

– Хорошо, – расплылся в довольной улыбке принц.

Роуз вернули в её первую комнату. После того ужаса, она, как могла, старалась быть покорной. Она ела, оделась в те платья, что ей принесли, принимала ванну. А в промежутке часами лежала в унынии, продолжая глядеть в пустоту.

Он всё-таки сломал её и, поломанную, заставил жить.

Что сказать? Принц Айдаган имел богатый жизненный опыт и умел подавлять бунты.

Роуз не оставляло чувство что она, настоящая, умерла. А вместо привычной Роуз в её теле поселилась странная незнакомка. Она ещё не знала, какой она будет. Но чувствовала, что, когда та окрепнет, она заставит виновника заплатить за всё.

Глава 11. Невольница

– Даже если вы ненавидите меня, этот кусок отличной ветчины ни в чём не виноват. С вашей стороны было бы разумней его не игнорировать.

Роуз подняла на принца, сидящего напротив неё за столом, взгляд.

Если бы только взгляды могли убивать! Он уже был бы мёртв и не раз.

Принц Айдаган был прекрасно одет, завит и находился в не менее прекрасном расположении духа. Сегодня он решил быть любезным. Что ж? Разве она вправе ему это запретить.

– Вы не любите ветчину, леди Вестерлинг? – вилка с ножом опасно замерли в его руках.

Роуз, вздохнув, потянулась за своим столовым прибором.

– Так-то лучше, – удовлетворённо кивнул ей её собеседник поневоле, – а то мне было, показалось, что мы возвращаемся к старому? Не хотелось бы портить себе аппетит напоминанием в тёмном трюме. Ешьте, Роуз. Глупо отказываться от вкусной еды. Поверьте, муки голода малопривлекательны.

– Что такой человек, как вы, может знать о голоде? – холодно спросила Роуз.

– Больше, чем вы думаете, – помрачнел он. – И я не скучаю по тем мрачным временам, когда с ним познакомился. Вы, должно быть воображаете, что, немного попостившись от обиды, можете судить о том, что такое мучиться от отсутствия еды день за днём, не имея возможности эти муки утолить? Но в вашем случае вся проблемы была в простом упрямстве. Вы знали, что в любой момент можете перестать капризничать... когда еды нет – совсем нет, – это не совсем тоже, что временная аскеза.

– Как будто вы когда-нибудь голодали, – тихо, с презрением, проговорила Роуз, стараясь не смотреть на своего визави.

– Представьте себе, – едва уловимо пожал он плечами. – Когда я был... ну, не скажу маленький, но несколько моложе, чем теперь, город под моим патронатом, где я выполнял обязанности герцога, был взят в осаду. Отец приказал держать оборону и не сдавать город. Мы

продержались почти год. Когда осаду в городе сняли, не осталось ни лошадей, ни кошек, ни собак, ни крыс. Даже голубей не было. На самом деле голуби исчезли даже раньше. Кстати, поговаривали и о канибализме...

– Перестаньте! – возмущённо отодвинула от себя тарелку Роуз. – Ваши речи не способны добавить аппетита.

– Вы слишком впечатлительны. Или вам нравится делать вид, что вы таковы?

– Чего вы хотите сообщить вашей речью? Что у вас, как и других смертных, были свои невзгоды? Что ваша жестокость к другим есть следствие тяжёлого прошлого, а ваши рефлексy воспитаны войной и насилием? Что вы способны заботиться о целом городе? Что я должна услышать в ваших словах?

Усмешка искривила красивое лицо принца, делая его совсем непривлекательным:

– Вы должны услышать в моих словах лишь то, что в них есть. Не больше, ни меньше.

Роуз в раздражении отбросила от себя вилку. Как она не старалась, никак не могла подавить эти вспышки гнева, часто иррациональные, способные лишь навредить:

– Зачем всё это? Эти вечерние разговоры? Эта показная любезность? Это платье? Свечи?.. Вся эта бутафория?

– Вы предпочли бы обойтись без этого? Красивые вещи, вкусная еда – всё это кажется вам излишним? Предпочитаете, чтобы я грубо задрал вам юбки и отодрал, как козу?

– Да, – вздёрнула она подбородок.

И снова он усмехнулся в ответ:

– Так было бы проще меня ненавидеть?

– Мне это в любом случае делать легко.

– В женщинах с характером есть своя изюминка, но, когда изюма слишком много... – многозначительно выгнул он бровь. – В ваших интересах было бы проявить любезность. Сейчас, когда я скучаю по обществу красивых, изысканных, умнейший женщин, к которым привык – кто знает? Может быть, я бы сумел к вам привязаться. Вдруг это бы смягчило вашу незавидную участь.

– Ваша привязанность мне совершенно без надобности. Я вынуждена терпеть ваше общество. И я терплю.

– Как скучно, – поморщился он. – Вы скучны.

– Мне с вами тоже не весело, если уж на то пошло, – фыркнула Роуз.

– Стоит ли напомнить о том, что моя жизнь не зависит от вашей воли, в то время как наоборот...

Роуз показательно зевнула, прикрывая губы рукой из вежливости. Тонкие брови Айдагана гневливо сошлись над узкой переносицей.

– Ничто не в состоянии укротить вашу гордыню? – сузил он глаза и взгляд его похолодел.

– Мы оба с вами знаем, что это, увы, не так.

– Как вы думаете, что с вами будет, когда мы достигнем конца нашего путешествия? – с обманчивой мягкостью проговорил он.

Пришёл черёд Роуз хмуриться:

– Полагаю, какая-нибудь очередная неприятность. Добра-то от вас ждать не приходится.

– Я мог бы оставить вас рядом с собой, будь вы более... милой. А могу продать, сбавив работорговцам на Байтане. И тогда, в очередных кандалах, с очередным хозяином, у тебя будет повод и шанс ещё раз повторить урок покорности.

– Полагаю, вы правы, – кивнула Роуз. – Но в моём случае неизвестность лучше известного.

– Как же вы ещё наивны! На самом деле я ношусь с вами, как нянька с младенцем, и всё это вы принимаете с совершеннейшей неблагодарностью. Даже сам не знаю, почему я всё это терплю? Наверное, потому, что мне нравится ваше хорошенькое личико. Тот, кому я могу вас продать, может быть не так добр.

– Кто угодно будет лучше вас.

– Вот как? – кажется, её слова его уязвили. – Могу я спросить – почему?

– Спросить можете. И я даже отвечу.

– Сделайте такую милость, – насмешливо кивнул он.

– «Кто угодно», кем бы он не был, не убивал моих родных! Не похищал меня и не насиловал...

– О! Сколько страсти. Но, чисто технически – я тоже не убивал твоих родных.

Роуз сжала кулаки на коленях, пытаясь сдержаться. Мало того, что мерзавец разбил её жизнь, так он ещё над ней и насмехается.

Принц Айдаган потянулся на новой порцией вина:

– Скажи, с чего ты вообще так уверена, что они мертвы?

– Вам это доставляет удовольствие?

– Что именно? – уточнил он.

– Эти жестокие насмешки.

– А я не насмехаюсь. Я искренне интересуюсь: с чего ты это взяла.

– Я собственными глазами видела, как ваши люди напали на моего отца, сестру, сэра Бэйра, его людей.

– Ну, напали. Даже с обнажёнными клинками. Но с чего ты решила, что всем там, кроме тебя, перерезали глотки? Твой отец слывёт неплохим воином, я уже промолчу про лорда-медведя. Ты всерьёз думаешь, что простые наёмники способны с ними совладать?

Роуз замерла, боясь дышать. Ей так хотелось верить... но она понимала, что он всего лишь продолжает играть с ней – жестоко, как кот с мышкой. Придавит лапкой, выпустит когти, царапнет – потом отпустит. Но рано или поздно итог будет один: кот мышку убьёт.

– Ты ведь не видела никого мёртвым.

– Зачем вам было подсылать к нам убийц, если вы не хотели ничьей смерти.

– Затем, что я организовал похищение, – словно бы растолковывая младенцу очевидные вещи, с нажимом проговорил Лейнор Айдаган. – Конечно, твои родные могли пострадать, но приказа убивать их я не давал.

– Вы едва ли могли вспомнить моё лицо, – задумчиво проговорила Роуз, наконец-то поднимая бархатистые тёмные глаза на собеседника. – Для вас я была невидимка из толпы. Зачем?..

Сцепив руки в замок и облокотившись на стол, принц, чуть склонив голову, вопросительно взглянул на девушку:

– Может, попробуешь догадаться?

– Что тут гадать? Вы же сами сказали мне, что всё дело в Вольфе?

– Ну, да, в Вольфе. Хотя, если подумать, не столько в нём, сколько в прекрасной и доброй Эллинии, которая, на самом-то деле несколько и не добра, – с флегматичным видом принц отправил очередной кусок в рот и вновь перевёл взгляд на Роуз. – Мне грустно об этом говорить, но всего этого могло бы и не быть, если бы, – он вздохнул с притворной тяжестью, – если бы только я был чуточку менее пьян или

лучше бы играл в «Фараона» в одну роковую ночь незадолго да нашей с тобой встречи.

Роуз моргнула в недоумении.

– Я...

– Ты не понимаешь, не так ли? Но на самом деле всё просто. Эллиния не готова была опустить своего юного лорда Бэйра, а его покорность в случае с женитьбой на тебе раздосадовала мою прекрасную тётушку. Это – мягко говоря. Эллиния не привыкла, чтобы ею пренебрегали. Она всегда номер один, всегда вне конкуренции. А тут какая-то простушка из Захолустного Леса?.. Но глупый волчонок увлекся своей маленькой невестушкой настолько, что даже не счёл нужным ответить на письма своей госпожи. Эллиния почувствовала себя уязвлённой и, думаю, в этот самый момент твоя судьба была решена. Если не вмешался я, кузина нашла бы на эту неблагоприятную роль ещё кого-нибудь.

– Но это был не кто-нибудь – это были вы! И чтобы вы сейчас не говорили...

– Ты по-прежнему будешь надувать губы, словно маленькая девочка, фыркать на еду и бросать на меня презрительные взгляды? Правильно я понимаю твои намерения? Послушай, Роуз, – протерев губы салфеткой, принц Айдаган отбросил её на стол, явно борясь с очередным приступом раздражения – ты видишь во мне врага, лишившего тебя заслуженного счастья, счастья которого ты заслуживала. Сейчас ты несчастна и упиваешься этим, но всё – счастье или несчастье, – оно существует лишь в нашей голове. Сейчас мне и самому почти жаль, что я ввязался в эту игру, но... ничего не поделать. Всё есть так, как есть. Ты уже не сможешь стать леди Бэйр, а если и станешь, думаешь, моя тень покинет ваше супружеское ложе? Нет, она станет разделять вас. Сейчас ты этого не примешь и не признаешь, сейчас ты цепляешься за свою любовь к Вольфу Бэйру, как за спасательный плот, но ты (можешь мне не верить, если хочешь) на самом деле не так уж сильно его любишь. Пройдёт ещё немного времени, ты и лица его не вспомнишь.

– Вспомню, – с тихим упрямством возразила Роуз.

– Только то, каким его воображаешь – не тем, какой он есть настоящий. Потому что его настоящего ты знаешь даже хуже меня.

– Я знаю его! – голос Роуз едва не сорвался на крик.

– О, конечно, – с мягким сарказмом проговорил принц. – Конечно, знаешь! Ты же видела его целых... пять? Десять?.. Пятнадцать? – сколько раз? Готов побиться об заклад, ты мечтала, грезя о вашей супружеской жизни, воображая себя хозяйкой замка. Но мечты редко совпадают с реальностью. Хочешь знать, что было бы в реальности? Скорее всего твоя свадьба действительно бы совпадала с твоими фантазиями. Ох, уж эти свадьбы! Утешительный подарок судьбы мечтательным девам – последняя её улыбка. Это как бабье лето перед заморозками. Мне всегда казалось в этом ритуале, где девушек обряжают в белое, словно в саван, нечто сходное с похоронной Тризной. Вы принесли бы нерушимые клятвы любви и верности. И ваша первая брачная ночь была бы не такой, как у нас – он был бы с тобой нежен. Наверное. А потом он увёз бы тебя в свой далёкий замок, находящийся в далёком-далёком краю заснеженных суровых гор, где обитают белые барсы и вымораживающие один взглядом душу василиски. В этом ледяном царстве он бы оставил тебя в качестве своей законной супруги, чтобы управлять хозяйством наравне с его экономом. Ну, или может быть даже чуточку выше статусом – поначалу, пока ты ещё достаточно свежа и разогреваешь кровь холодными и длинными зимними ночами. Но я не думаю, чтобы сам Бэйр задержался рядом с тобой надолго. Ему бы быстро наскучили сначала холод, потом ночь, а потом и ты. Он светский человек и привык к столичным увеселениям, а что могла бы предложить ему в качестве альтернативных развлечений? Свою неискушённую любовь? Пф-ф! – покачал он головой. – Не думаю, чтобы этого хватило. Счастье ушло бы от тебя так же неожиданно, как явилось.

– Наверное, мне стоит поблагодарить вас за то, что избавили меня от столь горькой участи? – с ядовитым сарказмом, полным презрения, отозвалась Роуз. – Вы подарили мне счастливый шанс стать наложницей, вместо удела законной супруги, а я столь недалёковидна, что не могу оценить оказанной мне чести.

– Брак – кандалы для женщины. Клетка, в которую есть вход и из которой нет выхода. Я могу подарить тебе всё то, о чём женщины только мечтают: богатство, жизнь, полную событий, власть.

– Можете. Только я хотела не богатства и не власти. И наш сегодняшний разговор для меня лишь ещё один повод скорбеть об

утраченном. Не понимаю, честно, зачем вы ведёте все эти разговоры? Пытайтесь что-то мне объяснить?

– Я хочу, чтобы ты поняла, что происходит. И не находила врага там, где можешь найти если не друга, то влиятельного покровителя.

– Я соглашаюсь терпеть всё это лишь потому, что не вижу другого выхода. Я отказываюсь видеть покровителя там, где нахожу только мучителя, похитителя и врага. Неужели вы всерьёз можете думать, что пары фраз, сказанных более ласковым голосом, хватит для того, чтобы я забыла об унижениях и боли, которую мне причинили ваши руки? За кого же вы меня принимаете?

– За женщину, которой к лицу слабость и хитрость. Только глупцы способны ждать счастья от брака – брак всегда выгода! А женщина должна уметь приспособливаться и склоняться перед обстоятельствами.

– Больше склониться чем сейчас я уже не могу, – холодно ответила Роуз.

– Больше и не нужно.

Принц Айдаган неторопливо поднялся и не спеша приблизился. Его руки тяжело легли на плечи Роуз, словно плита:

– У тебя будет всё, что ты пожелаешь. Кроме одного – свободы. Ты никогда не вернёшься к своему прошлому. Придёт время, и ты будешь принадлежать мне душой так же, как уже принадлежишь телом.

– Никогда! – произнесла Роуз со всем страстным пылом, на который только оказалась способна.

Но принц Айдаган лишь усмехнулся в ответ:

– Никогда – это слишком долго. Не стоит зарекаться. И вот мой первый тебе урок. Иногда наше тело способно подчиняться не нашей воле, а чужой, как это не прискорбно.

– Нет! – в очередной раз попыталась она выскользнуть из его рук, уже по опыту зная, что он одержит победу.

Чем больше она сопротивлялась, тем мучительнее всё происходило.

– Вы упрямы как мул или ослица, – гримаса плохо контролируемого гнева появилась на его лице. – Ничто не способно вам образумить?

– Ваши доводы не кажутся мне разумными!

– Вам нравится раз за разом злить меня, а потом пить мой гнев горькими глотками?

– В свете сложившихся обстоятельств горьким это поило принимать лучше всего!

– Будь по-вашему. Ничто не лечит лучше горького лекарства.

Он схватил её за голову, приблизил её лицо к своему и сжал так, что у Роуз зашумело в ушах. Заранее зная о безуспешности своей попытки, девушка попыталась оттолкнуть принца, но добила только того, что ободрала пальцы о металлические пластины на его груди.

Она стонала от боли, а он лишь зло смеялся.

Когда он поднял её и бросил на кровать, она принялась бороться изо всех сил и снова укусила его. Даже пару раз.

– Пустите меня! Пустите! – визжала Роуз. – Я вас ненавижу! Как я ненавижу вас! Когда-нибудь... О! Когда-нибудь вы мне за всё ответите!

Понимая, что ей его ни за что не одолеть, Роуз перестала сопротивляться, застыв куклой в его руках.

Несмотря на ярость и страсть, владевшие им в этот момент, принца Айдаган не мог не почувствовать резкой перемены в её настроении. Умерив свой пыл, он смерил девушку вопросительным взглядом:

– Я сделал вам больно?

Пришёл её черед смеяться. Горько.

– В который из наших с вами встреч?

Она вдруг ощутила прикосновение к своей щеке – почти нежное.

– Дьявол вас заberi! – прорычал он вслед за тем и, резко поднявшись, одернув на себе одежду, вышел из каюты, оставив Роуз с недоумением смотреть ему вслед.

Он её не тронул?.. Вряд ли это можно было считать победой, но, до сих пор он никогда не оставлял её нетронутой, не интересовался настроением, эмоциями, чувствами. Так отчего же её не оставляет неприятное чувство, словно последнее слово осталось отнюдь не за ней?

Роуз подошла к окну и, кутаясь в шаль, уставилась в небо. Отсюда мало что можно было разглядеть и, не слишком уверено, она подошла к входной двери. К её крайнему удивлению последняя оказалась не заперта. Хотя... что означала распахнутая дверь? Куда ей было бежать? Они посреди океана. И если каюту и комната казались ей хоть и злом,

но злом знакомым, то корабль... кто его знает, что за люди там, наверху? С другой стороны ей настолько надоело созерцать четыре стены и так хотелось вздохнуть свежего воздуха, что Роуз рискнула. Ей ведь не воспрещалось подниматься на палубу?

Осторожно толкнув дверь, щурясь от дневного света, пусть и пасмурного, девушка шагнула на палубу. Прямо над мачтами, среди глубокой черноты ночного неба, она увидела россыпь звёзд. Воды тёплого моря чуть фосфоресцировали за бортом. Ветер время от времени принимался свистеть в снастях, наполняя чуть зарифлённые паруса. Стайка морских летучих рыбок время от времени проносилась на круглых, похожих на плоённые воротнички, крылышках над морской зыбью и снова с плеском возвращалась в пучину.

Принц Айдаган стоял у накренившегося бушприта словно летящего над волной судна. Светлые волосы его плыли за его спиной серебряным облаком. Он напряжённо вглядывался вперёд, прикладывая к глазу подзорную трубу.

Роуз, подойдя, встала рядом.

– Любуетесь на ночные красоты морских просторов, ваше высочество? – насмешливо протянул Роуз.

Опустив подзорную трубу он несколько коротких секунд посмотрел на неё без всякого выражения, а потом ровным голосом произнёс:

– Взгляните.

Роуз приняла трубу и приложила её к правому глазу – ей было любопытно. Она слышала о таких вещах, но никогда прежде ей не приходилось смотреть в окуляры.

– Куда я должна смотреть?

– На линию горизонта.

Между небо и землёй дрожала узкая алая полоса.

– Что это? Закат?.. – не поняла Роуз и тут же сама устыдилась своего вопроса – солнце успело зайти около двух часов назад. – Нет, это не закат, – с забившимся сердцем проговорила она. – Что это?

– Пожар.

Словно только и дожидаясь этого слова крик дозорного: «Пожар на горизонте, прямо по курсу!», – поднял на ноги всю команду.

Полуголые матросы высыпали на палубу. Подгоняемые свистом боцмана и бранью капитана, все бросились к снастям.

Корабль, разворачиваясь под всею парусами, ложился на обратный курс.

– Живее! Живее! – раздавалось со всех сторон.

– Почему все так всполошились? – с любопытством, удивившим её саму, спросила Роуз и принца.

– Потому что впереди морской бой. Мы не знаем, кто там дерётся и не собираемся вступать в любой противостояние. Поэтому лучше уйти.

– Морской бой? – Роуз вновь взглянула в подзорную трубу.

Теперь, когда они подошли ближе, несмотря на все старания команды, было видно в зловещем розовом зареве что не один, а целых три костра поднимают к небу отвесные столбы пламени. Марево было далёким, а тьма вскоре стала непроглядной – надвигающаяся грозная туча поглотила луну.

– Дьявол! Давление на барометре падает! Никогда не видел его таким низким! – взвыл громовым голосом капитан. – Грядёт буря!

Роуз испуганно поёжилась. Ветер стих, паруса корабля вдруг резко обвисли, словно грудь у старухи. Предгрозовой штиль заставил судно лечь в мёртвый дрейф.

В этой зловещей тишине звучали далёкие залпы. И не поймёшь так сразу, что это – раскаты далёкого грома или отзвуки канонады?

Облокотившись на поручни, Роуз с улыбкой смотрела на приближающуюся бурю. Предгрозовой штиль, ровное катящиеся волны океанской мёртвой зыби, далёкое огненное зарево – смерть была повсюду. Будь с ней рядом другим люди, она бы переживала и боялась, но сейчас она с улыбкой приветствовала грядущий хаос.

Неизвестно, что несла ей судьба. Но чтобы там не приближалось, оно не могла быть хуже, чем то, что было до этого.

Туча, надвигающаяся на них, была черней ночи, по которой она расплзалась и чем-то напоминала чудовище, собирающееся поглотить весь мир.

Налетела волна пронизывающего холода, вспенивая волны, поднимая ветер – тот запел свой боевой клич, раскачивая снасти.

Перепуганные матросы с суеверным ужасом поглядывали на небо.

– Леди Вестерлинг, – вежливо обратился к ней принц Айдаган, – думаю, вам лучше укрыться в каюте.

Шквал растрепал его волосы, улыбка вновь превратилась в жуткий звериный оскал.

Капитан продолжал отдавать приказания:

– Поднять фок и бизань! Спустить драйперы у нижних парусов!

Теперь они больше не дрейфовали – корабль разгонялся по ветру, подгоняемый могучими воздушными потоками.

Иссиня-чёрная туча надвигалась – ближе и ближе. О маячивших где-то впереди горящих кораблях все позабыли.

– Отведите девушку под палубу к основанию грот-мачты. Там меньше качает.

Один из матросов подхватил Роуз под руку и увлёл за собой к середине корабля, цепляясь за снасти.

Первая волна, достаточно высокая для того, чтобы захлестнуть корабль, окатила их с ног до головы, заставляя покачнуться. Если бы мужчина не поддерживать её, Роуз сбило бы с ног.

Она больше не улыбалась. Она передумала приветствовать Хаос. Принц прав – знакомый ужас лучше незнакомого.

– Крепитесь, леди. Это только начало. Никому не по душе это светопреставление, но ничего не попишешь. Да смилуются боги над нашими грешными душами!

С этой «одобряющей» речью он подтолкнул её к открытому люку и, обдаваемая солёными брызгами, Роуз охотно в нём исчезла.

Глава 12. Шторм

Даже не видя того, как море катит пенистые валы, Роуз ощущала это каждой клеточкой своего тела – корабль, словно взбесившийся скакун хаотично прыгал с гребня волны на гребень. Словно откуда-то из поднебесья, словно голос разгневанного божества, нёсся низкий глухой гул, то вплетающийся, то перекрывающий скрипы корабельных снастей и пронзительные людские выкрики.

– Убирайте паруса! Убирайте! Или, клянусь всеми демонами преисподней, нас перевернёт, словно пробку, – достиг ушей Роуз дикий крик капитана.

Роуз казалось, что после всего того, что она пережила, она разучилась испытывать страх. Но поняла, что ошиблась. Медведь, принц, насилие, нападение – всё это было известно и понятно. Но эта пляшущая под днищем корабля зыбь, этот странный непонятный рокот – из мира словно исчезла опора. Не на что было встать и опереться – всё зыбко и неизвестно.

Ветер свистел нещадно, он залетал даже сюда, в трюм. Небо больше не рокотало – она взорвалось громами, рокочущими страшнее любого хищника. А качка была такая, что Роуз то и дело швыряло из стороны в сторону, пару рас с такой силой, что она едва не сломала себе руку.

– Всем лечь на палубу и держаться!!! – в голосе наверху звучали ужас и отчаяние.

Ухватившись за обвитый вокруг основания мачты канат, Роуз упала на колени, одновременно и боясь знать, что там, сейчас, наверху, и представляя...

Корабль толкнуло с неистовой силой и поволокло, укладывая на бок. Сверху, в проём трюма, несмотря на закрытый люк, ливнем хлынули потоки воды. Теперь человеческое творение выглядело не более, чем жалкой скорлупкой в руках у великана и великан вертел ей, как хотел.

Роуз неистово взмолилась всем богам о прекращении этого ужаса, но её продолжало швырять из стороны в сторону. Иногда ей казалось, что там, наверху, все уже мертвы. Она принималась кричать, даже,

подползя к люку, стучала в него, но очередная волна заставила её рухнуть вниз.

Корабль постепенно выпрямился и теперь словно бы попрыгивал на месте, как поплавок. После дикого треска и грома мир словно лишился звуков, его будто окутало ватой, но едва ли это была добрая тишина.

Вверху заскрежетал засов. По ступеням вниз спустился принц Айдаган, держа в поднятой руке маслянистый фонарь. Взгляде его скользил по сторонам, явно ища девушку.

Дрожа, Роуз поднялась на ноги. При виде её лицо принца осветилось улыбкой:

- Слава богу, вы целы, леди Вестерлинг.
- Буря прошла? – с надеждой спросила девушка.
- Надеюсь на то, что господь смилостивился над нами.

На трясущихся ногах Роуз почти выползла на палубу. Картина разрушений, представшая её взору, повергла её в ужас: фальшборт начисто снесён, все мачты изломаны, ванты изодраны в клочья. От каюты принца, служившей Роуз темницей, остались лишь изломанные клочья – её снесло одной из упавших мачт. Даже руля у корабля не было – его вывернуло и унесло в океан.

Море ещё шумело, хоть ливень и прекратился.

Не глядя, она почувствовала, как принц Айдаган встал рядом с ней, окидывая взглядом печальную картину.

– Боги смилостивятся, говорите? – с тенью сарказма проговорила Роуз. – Что-то не похоже на то. – Я мало смыслю в мореходстве, но представляется, что без руля и парусов мы теперь просто игрушка для волн.

– И беспомощны перед бескрайним океаном, – бесстрастно сообщил принц. – Помимо меня и вас, выжили ещё трое матросов, – сухо сообщил «радостную» новость он. – Расклады в этой жизни случались и получше. Но есть и кое-что хорошее, леди.

Перехватив её вопросительный взгляд, принц выгнул бровь:

– Мы выжили.

В первый момент Роуз была с ним согласна. Выжить – это хорошо, но иногда... этого мало.

Что может корабль, ставший игрушкой волн? Только дрейфовать по течению.

Обшарив всё вокруг, удалось найти немного солонины. Запасов воды осталось чуть-чуть – бочки разбились во время сильной качки.

Всё свободное время (а оно всё было ничем не занято), они сидели на палубе, вглядываясь в бескрайнюю водную гладь, в надежде увидеть либо парус другого корабля, либо полоску земли.

Все различия между леди, матросом и принцем теперь исчезли. Какая разница, кто ты? Всем одинаково доставался кусок солонины, глоток воды и куча работы.

Впрочем, главенствующее положение принцам достаётся не просто так. Власть у них в крови. Именно Айдаган решал, что они будут сейчас делать: искать провизию ли в трюме, там же заделывать течь, рассчитывал количество ужина.

Случившееся словно подвело черту под старыми отношениями. Принц больше не пытался предъявить права на Роуз, а она – нет, ничего не забыла, – но словно отодвинула от себя прошлое, решив жить настоящим. Когда они спали на палубе (а больше спать всё равно было негде) приходилось ложиться рядом и, озябнув, Роуз прижималась к принцу Лейнору.

Иногда, украдкой наблюдая за принцем за работой, Роуз с каким-то злым удовлетворением отмечала, что солнце и вода словно выжигают из него прекрасного принца, и он словно больше становится самим собой. Бледная кожа на его лице обветрела и грубела на глазах, ветер развеивал по-прежнему длинные, но слипшиеся от морской воды и грязи, волосы, потускневшие. Теперь вместо серебра они светились серостью.

Думать о том, во что невзгоды превратили её внешность, Роуз отказывалась.

На третье после шторма утро один из матросов стал громко вопить про морского чудовище в воде. Спросонья Роуз, поддавшись панике, вцепилась в руку Айдагана.

Страхнув её с себя, он невозмутимо подошёл к борту, какое-то время, прищурившись, вглядывался в волны, а потом, вздохнув, покачал головой:

– Увы, но нет.

– Увы? – опешил матрос.

– Любое чудовище можно попытаться сделать добычей.

– Чем же мы стали бы убивать чудовище? – насмешливо сощурилась Роуз. – У нас ни весла, ни гарпунов, ни крюков.

– Не вижу смысла обсуждать то, чего нет. Это жалкие обломки другого судна. Ничего удивительного – мы сами видели другие каравеллы незадолго до шторма. Мы были целы, и нам не удалось его пережить.

Роуз смотрела на останки киля перевёрнутого неизвестного корабля с безмерной грустью. Как долго удастся им ещё продержаться на плаву до того, как они разделят участь этих несчастных?

Вокруг только водная гладь. Корабль качало. Разболтанный корпус жалобно скрипел. Вечерело. Баюкаемая шёпотом волн и лёгкой качкой, Роуз смотрела, как на небе загораются первые звёзды. Во тьме ей представлялось лицо Вольфа – красивое, со смуглой гладкой кожей, с чёрными бровями вразлёт и сверкающими чёрными глазами в длинных ресницах.

Судьба жестокого посмеялась над ней. Почти дала прикоснуться к счастью, а потом вырвала это счастье из рук. И теперь настоящий Вольф для неё также недосыгаем, как его лик, нарисованный на звёздном полотне ночи.

Если он жив (а в глубине души она была уверена, что это именно так), то думает ли он ещё о ней? Пытается ли её отыскать? Или легко смирился с потерей невесты, которую знал столь недолго? Мужская страсть горяча, но недолговечна – часто говорила старая, ныне покойная нянюшка Роуз и Анабель, – чтобы пламя мужской любви не гасло, женщина должна быть рядом и всё время подкармливать огонь дровами: быть всегда соблазнительной и всегда рядом.

Некстати пришли на ум насмешливые слова Айдагана: «Ты знала его меньше месяца. Можно ли по-настоящему узнать и полюбить человека всего за один месяц? Нет, леди Вестерлинг, вы любите не Вольфа Бэйра, а свою мечту о нём. Которая может не совпадать с действительностью».

Но эта мечта могла стать реальностью. А вместо свадьбы, её забросили в бескрайний океан в обществе принца, которого бы она ненавидела, если бы не устала и ей не надоело. Какой смысл сейчас его ненавидеть? Тратить на это последние силы. Вот когда они выберутся – она вернётся к мысли о мести. Сейчас нужно выжить и...

– Светлая Мать, Пречистая Богиня! – разорвал тишину дикий крик, вырывая Роуз из полудрёмы. – Мы на краю света! Мы у входа в преисподнюю! Море – горит!!!

С сильно забившимся сердцем Роуз вскочила на ноги и бросилась на крик. Она стала свидетелем не слишком приятного зрелища. Матрос, словно обезумев от страха, стремился броситься в океан, а принц Айдаган удерживал бесноватого силой, оттаскивая его от борта.

– Успокойся немедленно! – рявкнул он на того.

Но матрос продолжал вопить, как безумный:

– Мы не просто погибнем – мы живыми окажемся в аду! Это Адский Врата. Это Адские врата – разве вы не видите? Господь и Благая Богиня, защитите и примите наши грешные души!

Бросив взгляд на воду, Роуз почувствовала, что ей тоже хочется завизжать – море светилось холодным огнём, будто под водой была огромная луна. Голубовато-фиолетовое платиновое свечение казалось мёртвым и шло откуда-то из глубины.

– Успокойтесь немедленно, или я вас сейчас прирежу, – пообещал принц ледяным голосом. – Море не горит – всё дело всего лишь в маленьких микроорганизмах, которые шторм заставил подняться к поверхности. Это нечто вроде светлячков на земле. Ничего страшного не происходит, уверяю вас.

– Море требует жертв. Оно расстилает для нас свой саван. Это знамение, – словно не слыша того, что ему было сказано, продолжал бормотать матрос. – Будет новая буря, которую никому не пережить. Никому.

– Да замолчите уже! – сорвалась Роуз и мужчины, повернув головы, оба посмотрели на неё так, словно видели впервые.

В фосфорическом свечении моря все они казались не более, чем призраками. Будто светились сами. Наверное, и её фигуру окутало тем же холодным маревом и потому у них сейчас такие лица?

– Даже если будет новая буря, даже если мы все умрём – какой смысл закатывать сейчас истерики? Что это изменит? Всё, что нам остаётся – это бороться. И мы будем бороться. Если боги будут к нам благосклонны – мы выиграем; если нет – проиграем. В любом случае криками ничего не изменишь.

Пристыженный, матрос взял себя в руки.

Подойдя к носу корабля, Роуз села на палубу и, обхватив колени руками, устремила взгляд вдаль.

Когда Айдаган приблизился к ней, она подняла на него печальный взгляд:

– Вы думаете, в итоге мы умрём?

– Только у богов, если они существуют, есть ответ на ваш вопрос. Но есть и хорошая сторона... никогда прежде я не видел такой красоты. Зловещей, грозной, мёртвой – но красоты.

Присев рядом с Роуз на корточки, он попытался взять её за руку, но она отдёргнула её, как от кипятка.

Принц вздохнул:

– Я никогда в своей жизни ни о чём не жалел.

– Я тоже, – зло взглянула на него Роуз. – Но думаю, это у нас с вами по разным причинам. Вы не жалели, потому, что не знакомы с Совестью, а я – потому, что никогда не поступала вопреки ей.

– Возможно, я удивлю вас, леди Вестерлинг, если скажу, что мало встречал в жизни людей высокомерней и заносчивей вас? Высокомерие и заносчивость свойственно всем праведникам. Они черпают её в горделивом убеждении своей исключительно возвышенной позиции над другими людьми.

– Дело не в высокомерии, поверьте, – с сарказмом проговорила Роуз, смерив собеседника ироничным взглядом. – А кое в чём другом.

– Возможно, наш друг прав и жить нам осталось каких-то несколько часов, миледи. Могу я просить вас о такой милости, как прощение?

Роуз растерянно взглянула на принца:

– Вы просите у меня прощение?

– Да.

Несколько коротких секунд девушка прислушивалась к себе, пытаясь понять, что она чувствует. Чувствовала она злость:

– Прощение даруется после искупления грехов, всё остальное – ложь, ваше высочество.

– Мы на краю гибели. Вы могли бы быть милосерднее.

– Если бы милосерднее ко мне были вы, я бы не оказалась на краю гибели. К тому же я не хочу лгать на краю гибели – ни вам, ни богам. В глубине души по отношению к вам во мне живут обида, боль

и жажда отмщения. Пока я это чувствую, я не могу говорить о прощении.

– Значит, искупление грехов? – вопросительной дугой выгнул бровь принц.

– Вы давно не маленький мальчик. Прощение извинениями не заслужить.

– Вы предлагаете мне служить вам? – теперь и в его голосе зазвучало высокомерие.

– Я ничего не предлагаю. Вовсе не я завела этот разговор.

– Значит, мы враги, – медленно проговорил принц. – И если через час грянет буря, я могу не заботиться вашем спасении. Всё верно?

– Вы вольны поступать так, как вам повелевает ваша Совесть.

– Как мной может повелевать то, чего, по вашим словам, у меня нет? – насмешливо протянул он.

– Поступайте, как хотите. Моё мнение не должно вас волновать.

– Как прикажете, миледи, – отвесил он ей шутовской поклон.

Море погасло внезапно. Так же, как загорелось. А потом та самая туча, которая уже проходила над их головами, решила вернуться обратно.

– На этот раз нам не выжить, – лепетал матрос. – Мы ничего не можем предпринять для своего спасения. Совсем ничего. Только молиться.

– Ступайте снова в трюм, – хмуро велел принц Айдаган, как только море вновь начало штормить.

– Сами ступайте, – огрызнулась Роуз. – Я не хочу сдохнуть в темноте, словно крыса. Кстати, о крысах, куда они все подевались? Их там было тысячи?

– Не было, миледи. То была лишь иллюзия.

– Что?!

– В наших краях много магов-менталистов, способных заставить увидеть то, чего на самом деле нет.

– Может быть этого шторма тоже нет? – с холодным смешком проговорила Роуз.

– Хотелось бы мне, чтобы это было так.

Словно в подтверждении его слов водный вал обрушился на палубу, окатывая её солёной водой, делая скользкой, как лёд.

Роуз оглушило потоками воды, отбросила назад, возможно, и вовсе смыло бы за борт, не успей принц схватить её за руку и втолкнуть в небольшой углубление у кормы.

– Держитесь! – проревел он, соревнуясь в поднявшемся ветром.

– Когда же всё это кончится? – в отчаянии простонала Роуз.

– Набирайте в лёгкие больше воздуха, как только заметите новую волну, – приказал принц. – Молния два раза в одной место не бьёт, предыдущая буря была сильнее. Пережили её, переживём и эту.

Роуз набрала столько воздуха, сколько смогла, опуская голову ему на грудь и цепляясь руками за что могла. Новая волна накрыла их с головой. Если бы не проклятый принц, который удерживал их на месте, она бы уже погибла. Ну, или была бы в открытом море, лишившись даже столько нетвёрдой опоры, как этот утлый клочок дерева.

На самом деле молния бьёт в одно и то же место, и два, и три – столько раз, сколько захочет. Всё остальное человек придумал себе в утешение.

– Сэр! – проорал матрос, выползая их трюма, куда Айдаган пытался запихнуть Роуз. – Трюм наполняется водой! Это... это конец!

Не отпуская Роуз, волоча её, спотыкающуюся сквозь хлещущий ливень и свистящий ветер, Айдаган дотащился до трюма, где хранились последние жалкие остатки провианты и пресной воды.

Заглянув вниз, Роуз увидела плещущуюся в темноте чёрную воду. Корабль качнулся и, не удержавшись на ногах, Роуз и Айдаган рухнули вниз, каким-то чудом не сломав себе шею.

В воду они погрузились с головой, но, когда удалось подняться на ноги, выяснилось, что вода доходит лишь до груди.

За бортами рокотали волны и бились, словно чудовища, поставившие себе целью добраться до добычи во чтобы то ни стало.

– Вы слышите? – раздался тихий голос Айдагана.

– Что именно?

– Журчание?..

Затихнув, замерев, Роуз поняла, что он прав. Вода журчала тихо, как ласковый ручей по траве....

Только не было тут травы. И ручья. Это расшатанные качкой доски внутренней обшивки дали течь, образуя множество щелей, через которую вода и заполняла собой трюм.

– Скоро корабль осядет и ляжет в сторону кормы, – деловито проговорил Айдаган. – Мы погружаемся в пучину. Любая волна сможет опрокинуть отяжелевшее судно. Давайте-ка выбираться отсюда, моя красавица.

– Я не ваша красавица...

– Это нюансы... Можно было бы попробовать залатать пробоины, откачать воду...но щелей слишком много, а латать нечем.

Он говорил совершенно спокойно. Лишь голос его слегка охрип.

– Давайте выбираться отсюда – немедленно. Если суждено погибнуть, я хочу видеть свою смерть в глаза.

Против этого Роуз возражать не стала. На четвереньках, цепляясь за всё, что только попадалась под руки и могло быть использовано, как опора, поддерживая и опираясь друг на друга, они выбрались наверх.

Корабль и впрямь осел.

И в этот момент откуда-то сверху, с остатков вант донёлся неистовый, радостный крик:

– Земля! Смотрите, земля!!!

Оба повернули голову, а потом обменялись радостными взглядами – сомнений быть не могло. То, что поначалу они принимали за одну из наползающих туч, было длинной, слегка всхолмленной полосой суши.

– Что это может быть за берег? – с жадной надеждой спросила Роуз, бездумно цепляясь за плечо Айдагана.

– Не знаю. Если мы не сильно отклонились от курса, это может быть один из островов Жемчужной Гряды.

– Течение ведь влечёт нас к берегу, да?

Теперь, когда спасение можно было увидеть невооружённым взглядом, умирать особенно не хотелось.

– Мы сумеем дотянуть до суши?

– Вы же сами видите, Роуз, эти обломки с каждой минутой кренятся всё сильнее. Ещё немного и мы ляжем на бок. Берег ещё далёк, так долго, боюсь, нам не продержаться.

– Что же нам делать? – почти в отчаянии спросила Роуз.

– Придётся плыть.

– Сквозь шторм?! В такую даль?! Это немыслимо, невероятно и, боюсь, бесполезно.

– Как будет угодно миледи. Лично я – рискну.

– Вы оставите меня здесь? Бросите?..

– Что вас так удивляет? Вы же сами настаивали на том, что вы – не моя красавица. А я не белый рыцарь из сонетов, чтобы взять и вот так просто умереть рядом с прекрасной дамой.

– Вы мерзавец!

– А вы, вместо того, чтобы ругаться, можете составить мне компанию. То, что вы отлично умеете держаться на воде, я видел. Давайте, следуйте за мной!

Но Роуз словно окаменела. Ужас перед чернотой и бездной, перед волнами, перед смертью навалились разом и словно парализовали.

– Корабль тонет! – рявкнул на неё принц. – Это наш единственный шанс спастись. Вы тут играли со смертью просто так, так что теперь, давайте, сыграйте ещё разок – чтобы выжить.

– Хорошо, – облизав солёные губы, кивнула Роуз.

И, сцепив руки, они бросились в бушующие волны, не слишком надеясь выжить.

Роуз отлично умела плавать, но только в тихих волнах озера или в реке, чьё течение, хоть и было признано сильным, всё же ни в какое сравнение ни шло с этой дикой пляской бешеной зыби.

Их накрыло волной, но секунду спустя они вновь оказались на поверхности.

Роуз отплёвывалась от солёной, раздирающей горло, как когтями, воды.

– Держитесь! Я с вами, – срывающимся голосом, тоже отплёвываясь, проговорил принц.

Оглянувшись, в пяти десятках шагов от себя, они увидели запрокидывающийся корпус тонущих останков корабля.

– Не смотрите туда, – прохрипел принц. – Не смотрите. Это лишает мужества.

– Мы... мы ведь всё равно умрём...

– Да чёрта с два я позволю себе или вам умереть, когда земля совсем близко. Смотрите, волны уже не такие крутые. Держитесь и не сдавайтесь – последнее вы отлично умеете, сам убедился. Боритесь. Мы выберемся. Обещаю.

Роуз уже было мало подбадривающих речей. Она чувствовала себя совсем измученной. Потом их вновь накрыло волной.

Когда Роуз вынырнула, она не обнаружила рядом с собой принца.

– Айдаган! Айдаган, где вы?!.. Где ты, чёрт побери твою проклятую душу! – неистово закричала она.

– Я здесь... здесь...

Ей захотелось разрыдаться от облегчения, когда она заметила его, барахтающегося неподалёку.

– Плывите к берегу, миледи!.. – прохрипел он перед тем, как снова начал погружаться в пучину.

Ругаясь так, что кузнец и сапожник в её родном замке покраснели бы, Роуз из последних сил подплыла, успев схватить длинные серебристые волосы, водорослями белеющим в воде и, рванув за них изо всех сил, вытащить потерявшего сознания принца на поверхность.

Принц не подавал признаков жизни, но она всё равно старалась поддерживать его голову над водой. Человеческое тело легче в воде, но не утонуть самой и не дать захлебнуться в бушующих волнах принцу, которого ненавидишь...

Зачем она его спасает? Сама судьба дала ей такое право. Ей даже делать ничего не нужно! Просто спастись самой.

Но... нет, дело не в её доброте и великодушие! Черт возьми, не в этом! Если она выплывет, а острова необитаемы, одной ей не выжить. Но страшнее не это – до того, как она погибнет, ей придётся жить. В полном одиночестве.

Уж лучше враг.

Или лучше утонуть вместе.

Сжав зубы, матерясь и плача, Роуз, дивилась тому, что до сих пор ещё не пошла ко дну, несмотря на то, что руки одеревенели, а ногу сводила судорога. словно смерть с насмешкой смотрела на её попытки каждый раз и... отступала.

Море, словно смирившись, очередной волной не столько накрыло, сколько, подхватив, поволокло, подталкивая к берегу. Роуз оставалось лишь крепче держаться за Айдагана.

Почувствовав под ногами землю, она не испытала ничего, кроме удивления.

Та же волна, что подтолкнула к берегу, теперь с невероятной силой принялась тянуть её назад и, наверное, утянула бы, не успей Роуз ухватиться за осколок скалы.

Когда вода ушла, Роуз осталась стоять в воде по пояс.

Непонятно где и как она нашла в себе силы сделать сначала несколько шагов, задыхаясь и кашляя, волоча за собой бесчувственное, не исключено, что уже мёртвое тело принца-насильника.

Обессилов, девушка упала на песок, смешанный с водорослями и, перевернувшись на спину, уставилась на голубое небо.

Уже рассвело? Как странно! Она и не заметила.

Глава 13. Остров

Момент, в который Роуз потеряла сознание, как-то плавно слился для неё с волнами. Когда она пришла в себя рокот волн, словно навязчивая песня, продолжал рокотать в ушах.

Терять сознание девушке раньше не приходилось, поэтому это состояние казалось...даже не странным – неопишущим. Она осознавала, кто она, но в памяти прошлое всплывало фрагментарно. И в её разуме никак не укладывалось – почему она лежит на песке и что это за странные деревья, похожие на длинные зонты, колышут жирные листья в пронзительной синеве безоблачного неба.

Тело было словно не её. Оно плохо слушалось. Пришлось приложить усилия, чтобы сесть, прислонившись к стволу странного дерева, резной листвой которого она любовалась только что.

– Очнулась, наконец, – прозвучало без вопросительной интонации, как утверждение.

В первый момент Роуз никак не могла вспомнить, кто перед ней. А потом словно молния пронзила её сознание, вырывая из полусонного состояния. Она вспомнила, что они два несчастных выживших на краю света.

Принц Лейнор сбросил с себя мокрую одежду, оставшись в одни только штанах – даже ботинки его сохли в нескольких шагах на ярко-белом песке. Голый бледный торс оказался полностью открыт для любого любопытного взгляда, что едва ли было разумно. Не из-за оскорблённого целомудрия – из-за слишком яркого, активного солнца, способного оставить жестокие ожоги и на более смуглой коже.

Сидя рядом, принц при помощи ножа пытался вскрыть нечто большое и круглое.

– Что вы делаете? – поинтересовалась Роуз.

Голос её звучал хрипло, будто она несколько дней пролежала с больным горлом.

– Это орехи. Их содержимое можно пить. А мягкие ткани – есть, – раздражённо отбросив с лица налипающие пряди длинных волос, утративших своё дивное великолепие, ответил принц.

Да, похоже слов благодарности от него она вряд ли дожждётся. Да и не больно-то хотелось.

– Какой полезный фрукт. Только вы уверены, что это он.

– Вполне, – кивнул Лейнор. – Есть только одна маленькая неприятность. Я плохо умею раскалывать орехи.

– Если там жидкость, вам не стоит раскалывать скорлупу. Вполне достаточно будет сделать отверстие.

– Шикарная мысль! Она первой пришла мне в голову, но... видишь ли? У меня есть вот этот кинжал – он продемонстрировал ей острый длинный стилет. – И вот эта шпага.

– Отлично, – кивнула Роуз, воспринявшая духом от такой новости. – У нас есть оружие. Каким-то чудом мы не потеряли его в волнах. Боги на нашей стороне.

Принц, прищурившись, пристально смотрел на Роуз, на мгновение перестав терзать несчастный плод.

– Вы правда так думаете? – с иронией протянул он. – Мы одни, на краю света, фактически без ничего. Боги на нашей стороне? Вы уверены?

– Вы, принцы, редко бываете довольны жизнью. Но – да! Я уверена. Мы прошли через шторм на разбитом в щепы корабле и нам посчастливилось выжить. Вы предпочли бы утонуть с остальными?

Похоже, её слова заставили его задуматься:

– Откровенно говоря, я не знаю, – снова с досадой отбросил он липнувшие на глаза липкие волосы. – Мне нравилось жить так, как я привык. И если уж смерть неминуема, я бы предпочёл, чтобы она пришла быстро и достойно. Вести жалкое существование на острове, где, возможно, нет ни воды, ни еды...

– Уверена, что вода найдётся. Раз есть растительность, то не может не быть пресной воды. Но да, за существование придётся побороться. Здесь нет ни слуг, ни оруженосцев. Только вы и я.

Их взгляды встретились. Стальные, слишком светлые глаза принца не мигая глядели на неё, но если он надеялся её смутить...

– Вы не думаете, что всё это: шторм, бедствие и то, что выжили лишь мы двое – всё это ваша кара. За меня, – с вызовом проговорила Роуз.

Кривая усмешка скривила губы принца:

– Откровенно говоря – не думал.

В этот момент орех раскололся в его тонких руках. Одна половинка перевернулась, проливая драгоценную жидкость на горячий, раскалённый песок, вторую принцу удалось удержать в ладонях.

Он выругался.

Роуз с досадой и жадностью смотрела на мокрую дорожку, оставленную соком на песке. К ней сразу потянулась ниточка муравьёв.

Только сейчас она почувствовала острый приступ жажды.

Лейнор, держа скорлупку обеими руками бережно, как чашу, поднёс её к губам и сделал несколько глотков, всё это время не отрывая холодных, как лёд, глаз, от Роуз.

Она взгляда не отводила.

Когда он протянул скорлупу ей, Роуз не смогла сдержать удивления.

– Пейте. Не тонкие южные вина – сладкое пойло! – но лучше, чем ничего.

Уговаривать себя Роуз не заставила. Жажда уже начинала досаждать ей, а те несколько глотков ценной жидкости, что удалось добыть, скорее разжигали, чем утоляли её.

Пока она пила, принц ножом настрогал несколько ломтиков из сердцевины фрукта. На вкус он был кисло-сладким. Роуз он понравился. Но на двоих пиршество слишком быстро закончилось.

– Как вы себя чувствуете? – спросил принц без особой заботы в голосе.

– Вроде нормально.

– Идти сможете?

– Конечно.

– Возможно, идти придётся долго. До заката нам нужно найти более или менее пригодное для ночлега место. А до этого осмотреться и понять, что это за место и какие опасности на нём могут подстерегать. Неплохо бы так же пополнить запасы воды.

План был понятен и разумен. Возражать Роуз не видела смысла.

Пока она лежала без сознания, юбки её успели обсохнуть.

Когда Айдаган, окинув её очередным взглядом, вдруг резко нагнулся и с двух сторон разрезал материю почти до самого бедра, она едва удержалась от испуганного возгласа.

– Что вы делаете? – спросила она, и в голосе её прозвучало изумлённое возмущение.

– Скорее всего нам придётся идти по высоким зарослям травы или кустам. Во-первых, в этих юбках вам будет банально неудобно, а во-вторых, это может быть опасно: в траве могут быть ядовитые гады, змеи или пауки. Так что подвяжите ваши тряпки повыше.

И это тоже показалось резонным. В любом случае, как и с потерей её невинности, плакать и возражать поздно, остаётся только смириться и двигаться вперёд.

– Возьми, – протянул он ей стилет.

– Зачем?

– На всякий случай. Себе оставлю шпагу. Это, конечно, не ахти какое, но оружие.

Они двинулись по песку, горячему настолько, что это чувствовалось даже через обувь. Ноги вязли, и каждый шаг давался с усилием. Но вскоре почта стала более твёрдой и каменистой, к тому же она поднималась.

– Это скалы? – пристроив руки козырьком к глазам и запрокидывая голову, посмотрела на выросших над деревьями серых исполинов, Роуз.

– А что же ещё. Надеюсь, в них мы сумеем найти нечто вроде пещер. Разведём огонь у входа, это до какой-то степени послужит защитой от хищников, если последние здесь обитают. Если не найдём подходящей пещеры, придётся лезть на дерево. Но последние кажутся ненадёжным пристанищем. На деревьях часто живут ядовитые змеи. Да и от пантеры от них не особенно-то спрячешься.

– Здесь есть пантеры?

– Я не знаю. Надеюсь, что нет.

– Вы это слышите?! – возбуждённо блестя глазами, проговорила Роуз.

– Что именно? – остановился, прислушиваясь, Атайран.

Судя по выражению глаз, он тоже услышал этот звук и лицо его просветлело.

– Гул водопада? Значит, вода здесь совсем неподалёку! Идёмте, – подхватив девушку под руку, он увлёк её в сторону усиливающегося с каждым шагом, звука.

Поначалу им обоим приходилось напрягать слух, но вскоре звуки падающей воды сделались громкими и хорошо различимыми. Скалы поднимались совсем рядом, поросшие высокими деревьями.

– Как красиво! – замерла Роуз, в восхищении глядя на открывшуюся ей идеально-округлую чашу озера, в которое сверху, словно с неба, низвергалась вода, неся гул и насыщая воздух благодатной влагой. – Кажется, теперь можно пить сколько хочешь?

– Давайте не будет торопиться, – предложил Айдаган. – Сделаем несколько глотков для начала.

Но вода казалось чистой и была на вкус словно сладкой от трав. Или мучающей Роуз последние часы жажды.

– Вы рискуете, – вновь сощурился принц.

– Знаю. Но каждый вправе делать свой выбор. Я не хочу умирать от жажды.

Принц отбросил сдержанность и последовал примеру Роуз.

Чтобы напиться, молодым людям пришлось ближе подойти к воде. Айдаган зорким взглядом окидывая окрестности, заметил выступ в скале.

– Мне кажется, я нашёл необходимую нам пещеру, – проговорил он удовлетворённо. – Идёмте, миледи.

– Куда? – заколебалась Роуз.

– Доверьтесь мне.

– После всего, чтобы было?

– Ну, теперь вам уже гораздо меньше есть, что терять, – с наглой усмешкой проговорил он и, сделав пару шагов по неровным камням, рискуя упасть с узкого карниза вниз, прямо в воду, исчез за пеленой воды. – Смелее, Роуз! Тут безопасно! – раздался его довольный голос словно из недр земли.

Последовав за ним, Роуз шагнула в неглубокую пещеру, представляющей собой словно комнату из трёх стен, а четвёртой служил водопад. Последний звучал, словно беспрестанный раскат отдалённого грома.

– Кажется, мы нашли себе временное убежище, – повеселевшим голосом проговорил Айдаган. – Теперь осталось обустроиться.

Оставшееся до заката время Роуз, по указке Айдагана, собиралась среди деревьев мох. Сам принц рубил побеги и стаскивал их в пещеру. Они оба трудились, не покладая рук.

Кажется, никогда прежде Роуз не приходилось так сильно выбиваться из сил. В прежней жизни всегда был добрый десяток слуг, всегда готовых услужить и с чёрной работой, да и вообще любой работой, юная леди Вестерлинг была знакома едва ли больше, чем Светлейший Принц. Но он, упрямо сжимая губы, всё что-то рубил и таскал, а она, в свою очередь, поступала также.

– Не понимаю, зачем нам мох? Разве сучков недостаточно? – отирая пот со лба, проговорила она.

– Мох не для костра, – буркнул в ответ принц.

– А для чего?

– На чём сиятельная леди планирует ночевать? – с сарказмом спросил принц. – Или надеешься, что с первой звездой нам подадут пуховые перины?

– Очень остроумно, ваше высочество. В этом мху бог весть какая гадость может водиться.

– Ну, я не настаиваю. Можешь устроиться прямо на камнях. А мне кажется, мох лучше, чем ничего.

После того, как запаслись запасами для топлива, желудок настойчиво стал напоминать о том, что он есть и желает быть наполненным. Айдаган занялся тем, что пытался добыть огонь. Получалось не очень.

– Я пойду, поброжу немного. Может, удастся найти хоть ягоды какие на ужин?

– Не отходи никуда от озера, а то как бы самой тебе ужином не стать.

Роуз всегда учили, что если птицы едят ягоды, то и человек может употреблять это в пищу. Птиц тут было в избытке. С ярким красивым опереньем. А вот ягод – совсем немного. За все время, пока она блуждала, удалось набрать не больше пары горсточек.

В животе бурчало всё сильнее. Так сильно, что, когда Айдаган убил палкой одну из ярких птичек, жалостливая, но голодная Роуз не нашла в себе сил активно возражать. Так голод понижает наши моральные качества.

Ощипали они несчастную птицу с горем пополам. Потом засунули в пламя и практически обуглили. Без приправ, без соли, полусырое и пахнущее костром и копотью, мясо было такого качества, что в прежние времена оба даже взглянуть побрезговали бы. Но сейчас

принц леди разорвали дичь руками и проглотили в два счёта, облизываясь, несмотря на весьма специфический вкус. Или отсутствие одного.

Договорились, что дежурить ночью будут по очереди. Устроившись на мху и укрывшись плащом Айдагана, Роуз моментально провалилась в сон.

Всё-таки принц решил побыть джентльменом и уступить даме право первой выспаться. Когда через пару часов он растолкал её, Роуз чувствовала себя какой угодно, только не свежей и не отдохнувшей.

– Ты должна меня сменить, пока я не уснул на ходу.

Не возражая, она выбралась из тёплого гнёздышка, уступая место ему.

– Потом, когда убедимся, что здесь безопасно, возможно, и можно будет ночевать... но пока лучше покараулить, – широко зевнул Айдаган, занимая её теплое место. – Следи за огнём. Не забывай подбрасывать в него огонь.

Роуз согласна кивнула.

– Разбуди меня через пару часов.

Она снова кивнула.

Сев чуть в стороне от костра, она смотрела в танцующее пламя. Кажется, что в самой сердцевине огня и правда кто-то танцует...

– Надеюсь, ты хорошо выспалась?

Вздвогнув, Роуз вскочила на ноги. Ночь давно миновала. Костёр догорел. По-прежнему монотонно гудел водопад, а за ним слышалось весёлое пение птиц.

Протирая слипающиеся глаза, Роуз виновата взглянула на белобрысого мучителя, не ожидая ни пощады, ни снисхождения.

Смотрел он сердито:

– Отличный часовой из тебя получился, женщина. Нас могли неслучайное количество раз сожрать. Или перерезать нам горло.

– Простите, я... я не заметила, как заснула.

– Да, такое бывает. Поэтому, когда в следующий раз будешь караулить, не садись уютно греться у костра. В любом случае, ты сама себя наказала. Разбудила бы меня через пару часов, не мёрзла бы на голых камнях.

– Ну, какое-то время, видимо, огонь меня согревал.

– Всё хорошо, что хорошо кончается. Переночевали – и ладно. Давай лучше подумаем о провизии. Ещё день на орехах и горсти ягод нам точно не протянуть.

На заре было прохладно, но днём солнце старательно светло с небес и вскоре приятное для тела тепло сменилось зноем. Роуз даже спросила с себя платье, решив остаться в одной нижней юбке и кофте, которую обычно надевала под корсаж. Конечно, это было вопиющим нарушением приличий, но кому тут до этого есть дела? Разве только какой-нибудь залётной птички-пичужке? Ну, так её мнение Роуз не трогало.

Вид у Их Высочества тоже оставлял желать лучшего. Куда делись сияние и лазурь? Но, как ни странно, дёрганный, сердитый, посеревший, с облупившийся то тут, то там позолотой он казался ей более терпимым, чем раньше.

– Вы собираетесь охотиться, ваше высочество?

Айдаган посмотрел на неё, как на сумасшедшую:

– В этом есть какой-то смысл?

– В охоте?.. – уточнила Роуз.

– В использовании титулов, – раздражённо хмыкнул он. – Я официально разрешаю обращаться ко мне по имени и даже на «ты». По-крайней мере до тех пор, пока мы здесь застряли. А застряли мы здесь, как мне представляется, надолго.

Роуз нахмурилась, словно обдумывая прозвучавшее предложение, а потом вернулась к интересующему её вопросу:

– А что насчёт охоты?

– Ты любишь охотиться? – попытался он высокомерно заломить бровь.

– Я люблю есть.

– Я тоже.

– Вы сумеете сделать лук?

Он в недоумении обернулся на девушку, шагавшую за его спиной.

– Лук?..

– Ну, да. Лук. Такое оружие для дальнего боя, – с сарказмом пояснила она.

– Я в курсе, что такое лук, – отозвался он. – Странно, что мысль о нём пришла в твою голову первой. Конечно, – просветлел принц лицом, – как я сразу не подумал?!

– Ну, наверное, потому что принцы не часто думают о таких вещах.

– Будто бы маркизы только и живут мыслями об оружии дальнего и ближнего боя, – парировал он.

Роуз не терпелось приступить к поискам припасов, но она понимала, что лук существенно улучшит их шансы не только в добыче пропитания, но и при возникновении необходимости обороняться. Она сильно сомневалась в том, что Айдаган сумеет вручную одолеть медведя, как Вольф...

При мысли о молодом лорде Бэйре сердце её отозвалось ноющей болью. Нет, не стоит беречь раны. Пусть заживают. Лучше делать лук.

Подходящая основа нашлась без особого труда. Тростинка вокруг озера было достаточно. Чем дальше от воды, тем суше он был.

Отыскав необходимую основу, принц положил будущий лук на землю и придавил его верхнюю часть рукой, второй сделал прогиб в середине, в месте естественного изгиба. Роуз стояла на подхвате, её помощь понадобилась, чтобы зафиксировать лук при помощи тетивы, которую они соорудили из тесёмок её корсета.

Натянув её таким образом, чтобы тетива была короче лука. Потом Айдаган проверил её натяжение. Получилось неплохо – натяжение распределялось равномерно.

Пока принц возился с тетивой, Роуз выбирала прямые веточки для стрел. С ними тоже пришлось повозиться: одну сторону стрел Айдаган заточил ножом, потом обжёг на костре (который пришлось дополнительно разводить, но оно того стоило – обжиг придавал твёрдость древесине). Перья она тоже нашла, но особой балансировки они стрелам не дали.

Получилось нечто из разряда «нечто лучше, чем полное ничего». В какой-то момент даже стало жаль потраченного времени.

– Идём к морю. Там, возможно, сумеет найти съедобные ракушки. И смотри по сторонам как можно лучше.

–И что я должна высматривать? – ворчливо поинтересовалась Роуз.

– Что угодно, лишь бы съедобное. Как чертовски упростилась наша жизнь, не находишь? Сколько опасностей и задач мы решали

раньше? А теперь нужно решить лишь две: добыть ужин и – самому не стать ужином. Как думаешь, справимся?

Роуз понятия не имела, каким образом он ориентировался, но так или иначе, вскоре они оба вернулись к месту, с которой началось их знакомство с островом – голубой лагуне, у которой они потерпели кораблекрушение. Задумка принца Роуз стала ясна почти сразу – он собирался ловить рыбу. Выбрав участок на мелководье, он поднялся на небольшой камень и, держа своё оружие над водой, зорко вглядывался в прозрачные, незамутнённые воды.

Пару раз принц промазал. Роуз бы с удовольствием позлорадствовала бы, вот только его успех, будь он неладен, в этом вопросе был тесно связан с её. Да и пустой желудок умерял её злой пыл. Есть хотелось больше, чем злорадствовать.

Всё же хороший воин – он обычно и хороший охотник. Видимо (и на её счастье) Лейнор Айдаган был не так уж, чтобы совсем плох. По крайней мере к концу его водной охоты у них было пять довольно жирных рыбин, которых они и зажарили, не уходя с берега.

– Никогда бы не подумал, что простая рыба даже без соли может быть такой вкусной, – усмехнулся Айдаган.

– Ну, я бы не назвала её вкусной. Питательной, может быть, – пожала плечами Роуз.

– Думаю, что, если когда-нибудь наступит день, в который ты согласишься с чем-то, что я утверждаю, этот день будет ближе к Судному, чем ко всем остальным.

– Что такое Судный День?

– Это день, когда Высшие Боги станут судить всех грешников. Так утверждают храмовники.

– Ах, религия, – едва ли не отмахнулась Роуз.

Она верила в богов, но иногда сомневалась, были ли это те самые боги, которым предписывали молиться в храмах. Последние, как иногда думалось ей, существовали лишь для того, чтобы храмовникам можно было обдирать верующих. К тому же, каждый раз, когда она сталкивалась с людьми в рясах, они производили на неё впечатление людей, заносчивых и не слишком развитых умом, закостенелых в каких-то своих приснопамятных догмах.

Принц замер, перестав есть. Его взгляд напряжённо всматривался во что-то. Роуз невольно обернулась в его направлении и в первый

момент не поверил своим глазам: в совершенно спокойном и гладком, как зеркало, море, торчал... корабль.

Она даже глаза рукой протёрла, опасаясь галлюцинаций. Может, с рыбой что не так?

– Это невозможно! Я своими глазами видела, как он погрузился в пучину.

– Это не мой корабль, – ровным, невыразительным голосом отозвался принц. – Вполне возможно один из тех, что участвовал в сражении перед штормом.

Они оба от волнения поднялись на ноги, напряжённо вглядываясь в нового гостя с океана.

– Думаете, там могут быть люди?

Роуз ощутила одновременно и надежду на помощь и... страх. Инстинкт подсказывал ей, что не всегда встреча с незнакомцами к лучшему, куда чаще – к беде.

Судя по выражению лица, Айдагана одолевали те же думы.

После короткого раздумья он покачал головой:

– Вряд ли команды осталась на корабле. В таком случае они пристали бы к берегу, а этот стал игрушкой для волн.

– С чего вы это взяли?

– Он держится почти прямо, но посмотри на его общий вид. Брошенный вещи легко отличить от тех, что находятся в надёжных руках.

– Слишком шаткий ориентир.

– В любом случае, обитаем он или нет, нам нужно попасть на него.

– Зачем? Нет! Это слишком опасно. Мы не знаем, что там и – кто там.

– Ты права, – не стал даже и пытаться спорить с этим принц. – Но кроме того, что на нас, у нас с тобой ничего нет. Насколько мы здесь застряли? Через месяц мы станем шить набедренные повязки из листьев тростника? На корабле могут быть полезные вещи.

– Какие вещи?

– Да любые! – раздражённо возвысил голос он. – Нам что угодно сейчас пригодится. Что не найдём, всё богатство.

– А если там есть люди? И если они встретят нас враждебно?

– Что ж? Если там есть люди, встречи всё равно уже не избежать.

Он был прав. И на этот раз.

Надежда обзавестись новым одеялом, рубашкой, возможно, куском солонины из трюма придала Роуз сил, решимости и храбрости.

Корабль находился неподалёку, на мелководье, но до него всё равно придётся плыть. Поняв это, Роуз совсем загрустила. Ей казалось, что по своей воли она никогда больше не войдёт ни в одну воду, где глубже, чем по пояс.

– После такой жары водичка даже приятная, – окунувшись в синие волны океана, удовлетворённо засмеялся принц. – Ну, же? Роуз! Смелее.

– Я не могу, – покачала она головой.

– Что ещё за глупости? Можете, конечно!

– Я не могу зайти в воду! Мы с таким трудом выбрались из неё вчера...

– Выберемся и сегодня, и завтра, и даже после завтра. Не стоит позволять страхам управлять вашей жизнью – учитесь управлять ими. Да и чего вы боитесь? Раз шторм не смог поглотить вас, разве такое ласковое море навредит?

– Я не знаю. Знаю только, что плавать больше не хочу.

– Предпочтёте остаться одной на берегу?

Это ещё тоже не слишком прельщало. А то, что принц выполнит обещанное она не сомневалась. Возможные сокровища на корабле действительно стоили дороже её капризов. Это Роуз готова была признать.

Доплыть до корабля, как она и предполагала, оказалось куда сложнее, чем думалось. Расстояние, определённой на глаз, часто обманчиво. Да ещё и причудливое, капризное морское течение, которое то становится попутчиком, когда влечёт вас в нужную вам сторону, то превращается в непримиримого врага.

Когда они доплыли, Роуз выбилась из сил. Когда ей показалось, что забраться наверх они не смогут, она крепче сжала зубы, чтобы не выругаться или не расплакаться. Но внимательный взгляд Айдагана заметил длинный канат, низко свешивающийся над водой.

– Я не смогу по нему подняться, – прошептала она.

– Конечно, сможете.

Он был прав. Поймав конец каната, они, по очереди, взобрались на бак корабля.

Как и предсказывал Айдаган, корабль был пуст. На нём не было ни души, ни враждебной, ни дружеской. От осознания этого Роуз испытала щемящий приступ тоски и в тоже время облегчения.

– Трюм полон воды, – разочарованно прокомментировал Лейнор очевидной. – Это судно тоже дало течь.

– Мы может утонуть? – встревожилась Роуз.

– Нет. Киль уже увяз в илистом мелководе, тонуть нам просто некуда. Пойдёмте на корму, моя красавица. Эта часть остаётся сухой. Всё, что на ней, не пострадало от морской воды и мы найдём ему применение. Ну же, Роуз? Что за лицо? Это отличная новость. Ты знаешь, что находится обычно на корме?

Она помотала головой в знак отрицания.

– Запасы провизии, моя прелесть!

Через несколько минут, ошалев от счастья, она едва не расцеловала его по доброй воле: весь внушительный запас провизии оказался совершенно сухим. Они прямо на месте набили рот сухарями, показавшимися слаще любых кулинарных дворцовых изысков. В кают-компании принц нашёл бутылку со жгучим южным пойлом, которое в этих краях называли ромом. Стоило отхлебнуть несколько глотков из бутылки, как голова пошла кругом.

Роуз сидела на полу и хихикала. Наверное, всё дело в роме? Наверное, благодаря ему она чувствовала во всём теле странную лёгкость и полную гармонию с бытием.

Глава 14. Искусство выживать

Пока Роуз сидела и глупо хихикала под воздействием рома, Лейнор успел обшарить корабль и даже найти лодку. Это было невероятным везением – уцелевшая шлюпка на острове стоила дороже золота. Выйдя на залитую солнцем палубу, прикрывая глаза от солнца, больно их режущее, она с удивлением стала наблюдать за тем, как, выбрав несколько брёвен полегче, Айдаган выбрасывает их за борт, предварительно обвязав канатом.

– Что вы делаете? – поинтересовалась она.

– Нам потребуется материал, а здесь уже обработанный лес. Чем лучше мы запасёмся всем необходимым для жизни, тем больше шансов в итоге выжить.

– Весьма логично.

Долго прохлаждаться не получилось. Ей пришлось помогать принцу, который, учитывая то, что раньше самому ему очень редко приходилось работать руками, был к жизни приспособлен едва ли лучше неё.

Пыхтя от усилий и выбиваясь из сил, вдвоём они наполнили сундуки, что нашли внутри корабля всякой всячиной, в первую очередь, естественно, отдавая предпочтение съестным припасам, а их, к великой радости обоих, набралось немало: рис, сухари, несколько кругов сыра, несколько туш вяленой козлятины, ячмень и даже куры. В кают-компании принц Лейнор нашёл несколько ящиков вина, что его весьма обрадовало, но не произвело впечатление на Роуз.

Её куда больше порадовала одежда, пусть и мужская, но добротная: достаточное количество курток и брюк.

В прошлой жизни ни одному из них находка в виде ящика плотника радости бы не доставила. Но бывают обстоятельства, когда и принцы с графинями постигают простые смертные радости. Они оба по достоинству оценили инструменты. Также отыскалась парочка арбалетов с настоящими стрелами, сабля, шпага и палаш.

Ни с чем из вышеперечисленного расстаться казалось невозможным. В результате лодка оказалась перегруженной и править

её к берегу – делом повышенной сложности. К счастью, море было спокойным и в итоге они без особых приключений вернулись на берег.

Роуз казалось, что никогда прежде она не уставала так сильно. Начался отлив, вскоре лодка со всем грузом оказалась на берегу. Имущество нужно было перетащить на берег, в идеале – в пещеру, но как это сделать?

– Может быть, вместо того, чтобы выгружать каждую вещь по одной и тащить по очереди, можно будет соорудить нечто вроде салазок и волочить прямо в лодке?

– Идея отличная, только как её реализовать? – хмыкнул Айдаган, присаживаясь на валун.

– За один день нам не управиться.

– Но и оставить припасы без присмотра я ни за что не соглашусь. Похоже, придётся нам с тобой ночевать прямо здесь.

Роуз присела рядом, смахивая градом катившийся со лба пот.

– Ладно. Давайте попробуем отнести в пещеру хотя бы съестные припасы. Там гораздо прохладнее. На солнце хранить продукты долго не получится.

Остаток дня ушёл на то, чтобы управиться с сундуком. Принц ворчал, не унимаясь, озвучивая мысль о том, что удобное местечко можно было устроить и на месте, оградившись сундуками и ящиками. Но Роуз уже начала видеть в пещере нечто вроде дома. А дом – это самое безопасное место на свете. Как не сложно до него дорога, она того стоит.

Их усилия были вознаграждены отличным вечером. Пища, поджаренная на огне с солью, разваренный ячмень, который они запивали вином, показалась пищей богов.

– А знаешь, всё не так уж и плохо. Мне даже начинает здесь нравиться, – проговорил принц, развалившись, словно дикарь, около костра. – На самом деле человеку не так уж много и нужно для счастья: еда, красивая женщина и красивый вид – всего этого здесь в избытке.

– Отчего-то мне кажется, что простое счастье – не ваше счастье, – съязвила Роуз.

– Ты плохо меня знаешь, женщина, – заплетающимся от вина языком проговорил принц.

– Я бы предпочла и вовсе вас не знать.

– Не начинай! – отмахнулся он. – Лучше расскажи что-нибудь?

– Что я могу вам рассказать? По сравнению с вами я слишком мало знаю.

– И знала бы ещё меньше, если бы не я, – с неприятной усмешкой проговорил принц. – Ты по-прежнему меня ненавидишь?

– Нам обязательно это сейчас обсуждать?

– Не обязательно. Но я хочу это обсудить. К тому же, между нами и так слишком мало общих тем.

– Это тема вряд ли способна поднять кому-то настроение.

– И всё же: да – или нет? Ты ненавидишь меня?

Роуз в задумчивости посмотрела вглубь пляшущего на ветках огня.

– Зачем вы об этом меня спрашиваете?

– Зачем?.. – снова коротко хмыкнул Лейнор. – Разве не логичнее было бы спросить «почему»?

– И чтобы изменилось от формулировки? Хотя, вы, наверное, правы. Кое-что меняется. «Почему» – это о причине, о прошлом; а «зачем» – это про последствия и будущее. Если вы надеетесь, что теперь, когда вы и я – мы оба застряли здесь неизвестно на какое время, – я стану сговорчивее...

– Ну, конечно, я надеюсь! – его голос прозвучал не столько весело, сколько зло. – Ты совершенно правильно заметила – мы здесь застряли. Неизвестно, на сколько. Может быть, очень может быть, что надолго. И теперь я – это всё, что есть у тебя, хочешь ты того, нравится ли тебе это – или нет. А ты единственная женщина, которая может быть у меня. Какая ирония! Развратник и сластолюб, и маленькая воинственная девственница. Боги знают толк в насмешках, не так ли?

– Так, – согласилась Роуз. – Но в несчастьях людей часто виноваты вовсе не боги и не демоны. По крайней мере в моих несчастьях точно не их вина.

– Ты никогда не устанешь тянуть эту скучную песню, пташка? – поморщился принц.

– Не я завела этот разговор.

– Я надеялся на нечто другое.

– На то, что я брошусь к вам на шею с ласками? О, боги! Даже вы не можете быть настолько... в общем, я не стану тратить лишних слов.

Сойдёмся на том, что ваши планы на завершение сегодняшнего вечера столь же наивны, как мои мечта о браке с Бэйром.

Пламя горячими искрами отражалась в холодным светлых глазах принца Айдагана.

– Ты всё ещё надеешься вернуться к старой жизни и склеить её осколки? Правда полагаешь, что может получиться?

– Вряд ли. Учитывая расстояние и отсутствие корабля.

– Даже если бы у тебя был корабль, даже если бы Бэйр закрыл глаза на то, что я первым разграбил сокровище... ты не думала о том, что, став женщиной, ты станешь иначе смотреть в его сторону?

– Думаете, что вы были столь шикарным любовником, что на вашем фоне все остальные поблекнут? – засмеялась Роуз. – Может быть, мне не хватает опыта, чтобы оценить, но, к сожалению, впечатление вы не произвели. Или произвели, но не слишком приятное.

– Ну, что тут сказать? – по губам принца змеёй скользнула усмешка. – Я не ожидал, что ты окажешься единственной доступной мне женщиной. Умей я предвидеть будущее?..

– Вам никогда не бывает стыдно?

Какое-то время он молча смотрел на неё, словно обдумывая про себя ответ на поставленный вопрос.

Потом покачал головой и тихо ответил:

– Нет.

– Вы серьёзно? Совершая в жизни множество низких, откровенно некрасивых поступков вы никогда не слышали голос совести? Она не мучает вас ночами?

В ответ на её горячий вопрос он заливисто, вполне искренне рассмеялся:

– О, девочка! Ты не устаёшь меня поражать. Как в тебе это сочетается? Такой стальной стержень, железное непробиваемое упрямство и эти детские, такие незрелые, наивные принципы? Люди, которых способна потревожить совесть, не совершают низких поступков, а те, кто на это идёт, ночами спят крепче младенцев.

– В вашем кругу слышать голос совести и стараться жить правильно, так, чтобы не причинять зла другим – это незрелость и наивность?

Усмешка сползла с лица Айдагана:

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– В октябре исполнилось бы семнадцать.

– Совсем ещё дитя, – с какой-то горечью проговорил он. – Возможно, ты и права. Мне следовало проявить больше... благородства. Может быть, ты и правда кара за мои грехи?

Роуз рассматривала лицо принца. Огонь, отбрасывая розовые блики на его точёные скулы, словно добавлял бескровному лицу красок. Она впервые задумалась о том, сколько лет могло быть ему самому:

– Почему ты сказала, что в октябре тебе исполнилось бы семнадцать? – пригубив вино напрямик из горлышка, медленно выговаривая слова, спросил он, глядя не на девушку, а в огонь.

– Потому что исполнилось бы.

– Но мы ещё живы. Не стоит говорить о себе в прошедшем времени.

Роуз нахмурилась. Она и не собиралась этого делать. Как-то само вырвалось. И это было странно.

– А сколько вам лет? – спросила она.

– Вдвое больше, чем тебе.

– Это сколько?

– Ты не умеешь считать?

– Тридцать четыре?

– Умеешь, – удовлетворённо кивнул он. – И будучи старше тебя вдвое, я вдвое же опытнее, хитрее и... испорченней. Я лучше знаю эту жизнь. И я предупреждаю тебе, что настанет день и час, когда ты согласишься на меня иначе, чем сегодня.

– Не думаю, – покачала головой Роуз, – по крайней мере, этот день наступит не раньше, чем вы сумеете искупить свою вину передо мной.

– И как же ты хочешь, чтобы я её искупил? – повёл бровью он.

– Раскаянием, – ответила она.

– Раскаянием? – с сухим смешком повторил Айдаган. – Ты могла бы попросить что-нибудь более...хм-м?... существенное. Что даст тебе моё раскаяние?

– На этом острове вы не способны дать мне ничего, что я не могла бы взять сама.

Принц в ответ только удивлённо приподнял брови, а затем вдруг, неожиданно, улыбнулся. Усмехался он часто, а вот улыбку без саркастической окраски Роуз, кажется, впервые видела на его лице.

– Доля истины в твоих словах есть. Но, будем трезво смотреть на вещи, вдвоём выживать легче и интереснее, ведь так?

Роуз, нахмурившись, задержала на принце тяжёлый взгляд:

– Хотите сказать, что если я откажусь с вами спать, вы выгоните меня из пещеры?

На этот раз мимическая игра с ироничным поднятием брови была слишком подчёркнутой:

– О! И почему мне первому не пришла в голову эта светлая мысль? Отдайся мне красавица немедленно, или ступай вон.

– Вести дальше этот разговор бессмысленно. Даже вы не настолько безумны, чтобы...

– У меня нет ни намерения, ни желания тебя угрожать. Помирился, Роуз? Так будет лучше для нас обоих.

Она, сощурившись, перевела взгляд в огонь, обнимая себя руками:

– Разве мы уже не помирились?

– Это дурной мир. С камнем за пазухой. Мы не друзья.

– Нет, – согласилась она. – Мы союзники, соратники, которых вместе связывают обстоятельства и одна цель. Но я не могу доверять вам, даже если бы и захотела. На моём теле не все синяки успели зажить.

– Я не был бы с тобой столь груб, если бы ты не была столь упряма.

– То есть в том, что сделали вы, виновата я?

– Чего ты хочешь? – раздражённо шевельнулся он.

– В первую очередь обещаний, что вы больше не поднимите на меня руку и пальцем меня не тронете без моего разрешения.

– Хорошая поправка, – ухмылка вновь вернулась на его бледное, ненавистное лицо. – Оставляешь себе право передумать?

– Даже не знаю, зачем я вообще разговариваю с вами? – в сердцах бросила Роуз. – Вы не способны на то, чтобы исправиться к лучшему!

Пожав плечами, Айдаган вновь приложился к бутылке:

– Вера в то, что один человек может исправить другого – сладкий удел юности. На самом деле человек меняется редко – почти так же редко, как реки меняют своё русло. Но... оставаясь тем же, мы часто

изменяет своё отношение к другим людям. Когда мы встретились с тобой, ты была просто хорошенькой девчонкой, которых в любом королевстве, как грязи. В будущем ты стала бы придворной дамой, а фрейлины для нас, принцев крови, это что-то нечто вроде вкусного стола, где можно брать понравившееся тебе блюдо. Так что, с моей стороны, конечно, поступок, о котором в песне вряд ли станут слагать, но... я планировал развлечься, а потом щедро оплатить убытки.

Роуз почувствовала острое желание располосовать ногтями это самодовольное надменное лицо.

– Признаюсь, меня не особо интересовали чувства этой смазливой красотки. Что я могу сказать в своё оправдание? Возможно, всё дело в том, что при дворе столь чистые и экзотичные розы не цветут. Там всё можно уладить – деньгами, титулами, землями.

– Если бы я вышла замуж за Бэйра, у меня бы всё это было! Вместе с честным статусом жены. А вы превратили меня в наложницу. Лучше бы мы не начинали этот разговор. Всё это стало немного утихать, отойдя на второй план, но вы лишь растеребили раны...

– Мне жаль.

Роуз замерла, вновь пристально вглядываясь в его лицо. Пытаясь понять, что стоит за сказанными словами: игра ли это? Или сказано от сердца?

– Я же говорю, когда мы встретились, вы были никем – невидимкой с хорошеньким личиком. Почему бы и не развлечься, попутно оказав услугу хорошенькой и влиятельной кузине? Но вам удалось убедить меня, по крайней мере, в одном – вы очень серьёзная девушка, Роуз, и совсем не годитесь для легкомысленных отношений. В определённые моменты ореол мученицы вам даже идёт.

– Поэтому вам так нравится его на меня надевать? – рыкнула она в ответ.

– Вы специально игнорируете мои попытки к примирению? Я не могу вычеркнуть из прошлого то, что случилось.

– Да. Но в будущем вы можете вести себя более достойно. Хотя бы по отношению ко мне. Тогда, возможно, я и смогу вас простить. И мы будем друзьями.

– Друзьями?..

– Роль наложницы никогда не казалась мне привлекательной.

– Это потому, что вы не познали все прелести роли жены.

– Ну, у жены, по крайней мере, есть хоть какие-то права.

– Ага. Только возможности использовать их часто нет. Можете продолжать идеализировать своего прекрасного Бэйра, можете мне не верить, но на деле он не многим лучше меня. Думаете, ему никогда не случалось брать силой какую-нибудь смазливую крестьяночку?

– Я не хочу об этом думать. И я в это не верю.

– Потому, то его случайно нарекли вашим женихом?

– Потому что за время нашего знакомства Вольф показал себя благородным и смелым человеком, в отличии от вас, ваше высочество. А сейчас позвольте пожелать вам спокойной ночи.

– И тебе – приятных снов, – холодно ответил он.

Кипя от негодования, Роуз улеглась на своё ложе.

«Негодяй-негодяй-негодяй», – повторяла она про себя раз за разом.

А потом гнев испарился.

Она лежала и смотрела на тонкий, чёткий профиль на фоне багрового пламени. Свет окрашивал его волосы, подсвечивая голову золотистым нимбом. Принц был по-настоящему красив, и красота его было необычной, немного сказочной и чуть зловещей. Её не смогли умалить ни тяжёлая работа, ни недавние лишения. За такую красоту женщины готовы отдаваться мужчинам даже если те не знатны и не богаты, а он был – принцем.

Искушённым. Развращённым. И жестоким. У него не было нужны брать женщин силой, большинство были готовы сами в очередь становиться. И Роуз не обманывала себя – она не очаровала его своей прелестью до потери головы и разума. Ему в их ситуации интересно было именно ломать её. А дальше, если бы не резкий поворот судьбы, уравнивший их шансы, участь её была бы более, чем плачевна. Стал бы он оплачивать ей моральные издержки? Как же? Он продал бы её на ближайшем рынке – сдал на руки ближайшему работоторговцу. И тут можно ещё считать, что проявил бы милость. Никто бы не хватился и не узнал о её печальной кончине, даже если бы её просто бросили за борт. На корм рыбам.

Как ни странно, размышляя обо всём этом, Роуз не чувствовала ни гнева на него, ни жалости к себе – как если бы речь шла о чём-то отстранённом.

Она была заперта в клетке с чудовищем. Но таких чудовищ много. Эгоистичный, самовлюблённый подонок, убеждённый в том, что мир вращается вокруг его царственной персоны и задолжал ему всё то, что только придёт во взбалмошную голову.

Люди для таких, как Лейнор Айдаган, как куклы. И они играют с людьми, играют с судьбой, с жизнью и смертью. Не зная к своим жертвам ни жалости, ни сочувствия.

«Только я не жертва, – подумала про себя Роуз. – Я выживу. Найду способ уйти с этого проклятого острова, или – куда мы там попали? Придумаю, как вернуться домой. А до этого заставлю это царственное ничтожество считаться с собой. Он меня больше не тронет. Теперь мы на равных».

Видимо, бутылка опустела.

Пламя костра опало. Подбросив в него сухих ветвей, Айдаган оживил, заставляя свернувшиеся огненные кольца вновь начать свою пляску.

Роуз так и заснула, созерцая его чеканный профиль и прислушиваясь к рокоту падающей воды.

Ей казалось, она только-только сомкнула глаза, как её разбудил голос.

– Просыпайся, соня. Солнце уже высоко.

Потянувшись и сладко зевнув, Роуз села на своём ложе.

– Вы успели приготовить завтрак? – удивлённо взглянула она на листья перед костром, где лежало нечто явно съестное.

– Стараюсь исправить ваше мнение обо мне к лучшему, – галантно склонил голову принц.

День выдался ясный. Вода, которой умылась Роуз, приводя себя в порядок, была тёплой. Завтрак, состоящий из поджаренных сухарей и фруктов, горячий кофе – всё было вкусно и делало начало дня если не прекрасным, то сносным, настраивая на радостный лад.

– Проблему с провиантом мы с вами на какое-то время решили, – снова заговорил Лейнор Айдаган. – Увы, но чьё-то несчастье для нас с вами оказалось большой удачей.

– Вам обязательно сейчас говорить об этом и портить мне настроение? – огорчилась Роуз.

– Нисколько не желаю ранить ваше нежное сердце, но такова жизнь: чья-то смерть для кого-то означает выживание.

– Возможно, вы и правы, но я не хочу об этом думать.

– Не думайте, – согласился Айдаган. – Сменим тему? Предлагаю время, которое нам теперь вовсе не обязательно посвящать поиску добычи для пропитания, потратить на изучение места, куда мы попали. Я думаю, что это остров, поскольку, окажись мы с вами на материке, наверное, уже столкнулись бы с кем-то? Но этого, как известно, не произошло.

– Идея осмотреться кажется мне вполне здоровой, – поддержала Роуз.

– Счастлив об этом узнать, – кивнул он с сарказмом.

Они вновь не придумали ничего лучшего, чтобы вернуться к исходной точке высадки – вернуться на песчаный берег, откуда всё ещё можно было видеть останки дрейфующего неподалёку от берега корабля. Но их интересовал сейчас не он.

– Что дальше? – прикладывая руку к глазам так, чтобы хоть в какой-то степени защититься от солнца, спросила Роуз. – Что будем делать дальше?

– Для начала взберёмся вон на тот холм. С него обзор будет лучше.

Холм был крутым и высоким, взбираться на его вершину было нелегко.

– Чем лезть на эту противную гору, может быть, разумнее было бы вернуться на тот корабль и попытаться его починить? – Роуз и сама не верила в реальность сделанного предложения, но установившаяся между ними напряжённая тишина порядком действовала на нервы и ей захотелось с ней покончить. – Как-то исправить те повреждения, что он получил? Ведь можно было бы попробовать?

– О, да, конечно! Это очень легко. Приклеим обратно мачты, забьём гвоздями и досками пробоины в днище и поплывём. Вы, к слову, умеете вычислять курс? Нет? О, я так и думал? Принцев, как ни странно, этому тоже не учат. Меня бы это не слишком остановило, оставайся корабль на плаву, но он не затонул только по той простой причине, что уже стоит носом на дне.

Море шумело, дышало и вздыхало им в спину. Оно расстиралось кругом, со всех сторон. В его синей глади другой земли было нигде не видно.

Когда они поднялись на самую вершину холма, то увидели... горы. Вернее, даже не горы, а отвесные острые скалы – те, в которых они нашли себе пристанище, были лишь первыми в цепи других. Горы вставали друг за другом, как зубья чудовищ. Между теми скалами, что стояли ближе к ним, ещё была растительность, дикая и ядовито-зелёная. А вот дальше скалы казались зловеще-чёрными и весьма мрачными. Тени от них накладывались одна на другую.

Бескровное лицо принца заострилось, как если бы неприятные думы начали немилосердно его терзать. Роуз нахмурилась, не отдавая себе отчёт в том, что делает это:

– Что-то не так?

– Не уверен. Но если мои догадки верны...

Принц замолчал, пристально вглядываясь в тёмные горы, которые, словно острые персты, тянулись к небесам.

– Если ваши догадки верны?.. – переспросила Роуз. – То, что тогда?

– Тогда очень мало хорошего. Пока полной уверенности нет, но весьма вероятно, что это Проклятые Земли.

Роуз окинула взглядом солнечный пляж, высокие деревья с кроной-зонтиком, полощущие резные толстые листья в безоблачной вышине. Ничего угрожающего, казалось, не было, а пещера и вовсе казалась ей раем. Как ещё назвать место, где человеку не приходится ни строить, ни сеять, но при этом есть возможность найти кров? Корабль показался ей куда больше похожим на проклятый. Здесь же всё было светлым и ясным.

– В каком смысле – проклятые? – уточнила она.

– Ты никогда не слышала о Проклятой Земле, лежащей за Большой Водой?

– Крайней точкой на земле, которым ещё хоть как-то интересуются в Семилесье, откуда я родом, это столица. И то потому, что там живёт государь. Иногда кормилица рассказывала мне о Северном Крае, но юг – я знаю о нём только то, что тут круглый год лето и нет зимы.

– Юг большой. Зимы и правда нет – зато есть сезон дождей, сменяющийся засухой. На другой части юга дожди идут как по расписанию, во второй половине дня, лишь только солнце начинает опускаться после того, как достигнет зенита. А есть часть земли, за

которой, по преданиям, живут чудовища. Нечто вроде тонкой грани отделяет здесь мир от изнанки.

Роуз смотрела на своего странного спутника во все глаза:

– Про каких чудовищ вы говорите? Я так понимаю, это не просто клыкастый хищник? Хотя, в нашем с вами положении и хищники не слишком приятное соседство.

– Я бы сказал, что в выборе соседей вы вообще крайне привередливы. Но это будет не к месту.

– Вы уже сказали, – поджала губы Роуз. – Но вернёмся к чудовищам и проклятому Острову?

– В этой части есть маленькая хорошая новость – Проклятые Земли не остров.

Роуз внимательно вглядывалась в нервное и тонкое лицо принца, пытаясь прочесть по нему то, что, возможно, оставалось сокрыто за словами, что подтекстом.

– Если ваши догадки верны, значит, мы можем выбраться отсюда самостоятельно? Не дожидаясь, пока в эту бухту зайдёт чей-нибудь корабль?

– Можно сказать и так.

– В вашем голосе не слышно радости. Что-то подсказывает мне – это вовсе не из-за того, что вам жаль прерывать наше уединение.

– Уединиться, при желании, можно где и когда угодно. Однако, если мои подозрения верны...

Он вновь смолк, вглядываясь в бескрайние морские просторы.

– И снова эта тяжёлая пауза! – с досадой прикусила губу Роуз. – В этом ест какой-то тайный умысел?

– Никакого, клянусь вам. Если только желание смягчить как-то неприятные новости. Оглянитесь вокруг: места кажутся благодатными, почти райскими. Но они необитаемы. Что только больше убеждает меня в правильности моих неприятных догадок.

– Объясните всё толком.

– Вы требуете? Что ж? Извольте. Как я уже упоминал ранее в нашем разговоре, в этом мире существует край, пользующийся весьма дурной славой. Эту землю называют Краем Демонов или Землёй Колдунов. Вы правда никогда не слышали ни о чём подобном?

Роуз покачала головой:

– Нет.

– По слухам, существует земля (или её край) где вместо времён года, таких, как зима и лето, рай и ад сменяют друг друга как день и ночь в любом другом месте. Спокойная пора, когда земля – это просто земля и ничем не отличается от любой другой, сменяется временем, когда её наводняют чудовища и катаклизмы. Воды рек превращают в яд не имеющих противоядия, но и в ней живут бледные и слепые, уродливые рыбы и самые ядовитые змеи; из пещер выходят чудовища, рядом с которыми василиски покажутся пушистыми котятками; а в небо поднимаются крылатые, жуткие твари, плещущие огнём. То ли жуткие животные, то ли настоящие демоны блуждают между расщелинами скал.

– И чем же, в таком случае, все эти твари питаются? – недоверчиво спросила Роуз. – Раз людей здесь нет?

– Друг другом, вероятно. Хотя не думаю, что от человечины эти твари тоже откажутся.

– Скажите, вы правда думаете, что я поверю во все эти страшные сказки?

– Конечно. Если только нам не посчастливится, и я случайно не ошибаюсь в расчётах.

– И что же заставляет рай превращаться в ад? – всё ещё не спешила верить его словам Роуз.

Молчаливо принц указал на вершины скал. Проследив за его рукой взглядом, Роуз так и не поняла, что он имел в виду.

– Вулканы, – пояснил Айдаган. – Они просыпаются и начинают извергать в воздух пепел. И тогда земля внизу, в долинах, покрывается тенью и пеплом. Всё вокруг погружается в тень, которая едва ли светлее ночи. Лишь в полдень солнечным лучам удаётся пробиться сквозь чёрное облако, окутывающее земли. Полагаю, что из недр земли выходит нечто вместе с парами, что отравляет и воздух, и воду.

Последние слова принца заставили Роуз принять весь рассказ всерьёз. Несмотря на то, что всё её образование сводилось к тому, что она умела читать и, при крайней необходимости писать, склад ума её был таков, что мистическим настроениям девушка поддавалась слабо. Она предпочитала верить в том, что могла попробовать руками. Даже глаза иногда способны обмануть, вернее, мы можем обмануть себя сами. А вот то, что в земных недрах есть различные соединения,

способны вызвать пламя или наполнить воздух ядом – в это поверить было легче, чем в демоническое присутствие.

– Судя по тому, что мы тут несколько дней, но не никого не встретили, Пришествие уже близко, – тихо сказал Лейнор Айдаган.

– А кого можно встретить?

– Торговцев. В Проклятых Землях множества благородных металлов, драгоценных камней, редких чёрных аметистов и бриллиантов. Их стоимость такова, что находятся авантюристы, готовые рискнуть. И их немало. Застань мы их, можно было бы разом решить все проблемы. Ну, или хотя бы попытаться.

Лицо принца казалось отрешённым и задумчивым настолько, что Роуз стала проникаться его настроением.

– Предположим, вы правы, и мы сейчас на Проклятых Землях – что дальше? Что это для нас значит?

– Если я прав и мои худшие опасения начнут сбываться, нам с вами нельзя оставаться на побережье. Как только начнётся Тёмное Время, пойдут ядовитые дожди с пеплом, мы погибнем, если не найдём укрытия.

– Но разве пещера не может им стать?

На этот раз принц не снизошёл даже до того, чтобы бросить на неё саркастичный взгляд.

Не глядя, покачал головой:

– Тёмное Время продлится не день и не два. Если и придётся пересидеть в укрытии, это должно быть чем-то более надёжным, чем простая пещера. От ядовитых туманов она не укроет. Как и от жутких тварей, что выползут из всех щелей, как только тень накроет эти края.

– И что же нам делать? – спросила Роуз.

– Нужно уходить. Оставаться на месте – верная гибель.

Роуз обхватила себя руками и смотрела на ласково набегающие друг на друга волны, лижущие белые пески пляжа. Место казалось тихим и безопасным. Пока ярко светило солнца, разбрасывая яркие лучи по воде, верить в ужасы, о которых говорил принц, было сложно. Верить им совсем не хотелось.

Но зачем бы ему всё это придумывать.

– И куда мы пойдём?

– У нас есть два пути: обратно в море и – вглубь материка.

– Обратно в море? На лодке?.. – Роуз покачала головой. – Точно нет.

– Согласен. Если я прав (а я прав), – добавил он с усмешкой, – то у нас есть небольшой шанс на выживание, если поторопимся. Мы должны будет пройти через длинную горную долину, отыскать в ней реку и, путешествуя вверх по ней, выйти к заброшенному Городу-Без-Названия.

– Зачем нам туда? – поинтересовалась Роуз. – Что это даст?

– Многие из тех, кто считает себя колдунами или надеется обрести магию, силу, власть или знания, стремятся в период Тьмы попасть в этот город. Там мы можем встретить кого-то из людей, хотя, возможно, с учётом того, что практикуют все эти сумасшедшие сектанты, с большинством из них лучше не встречаться вовсе. Но встреча с людьми всегда даёт шанс на спасение, какими бы эти люди не были. Кроме того, в городе сохранились дома, выстроенные из чёрного камня, выглядящие как треугольные башни без окон. При самом хорошем раскладе успеть бы выбраться с Проклятых Земель на Большую Землю, но хорошие расклады редкость в любой игре. Так что Чёрные Башни могут послужить укрытием. Более надёжным, чем пещера, как и всё рукотворное.

– Хорошо, – кивнула Роуз, выслушав Айдагана.

Хотя вряд ли он ставил себе целью в чём-то её убедить.

Странно, почему в глубине души что-то противится необходимости покинуть Пещеру-с-водопадом. Хотя ведь это закономерно? Нужно двигаться вперёд – всегда вперёд, если, конечно, хочешь, добиться чего-то большего. Например, взять и выжить? В любом случае они бы надолго здесь не задержались.

Роуз просто хотелось немного передохнуть, почувствовать себя в безопасности. Но Айдаган прав. Пока от поставленной цели она очень далеко.

По возвращению в пещеру они приготовили обед, перекусили. Потом принц уединился в своём углу пещеры, производя какие-то непонятные расчёты, чертя что-то палкой на земле, потом перечёркивая. При этом лицо его становилось всё более осунувшимся и сердитым.

– Что вы пытаетесь подсчитать, ваше высочество, – не сдержала она любопытства.

– Сколько дней в запасе у нас остаётся. И сколько провизии и воды мы сможем взять с собой. И каким образом.

– И что получается?

– Что в запасе при самом выгодном раскладе у нас около десяти дней, при этой пройти нужно расстояние, на которое требуется вдвое больше времени. Будь с нами лошади, это было бы реально, но...

– Лошадей нет.

– Очень ценное наблюдение, – съязвил принц. – Что же касемо провизии, то много взять не получится. Нам нужно двигаться быстро, а поклажа будет мешать.

– Если же мы ничего не возьмём с собой, то рискуем умереть от жажды и голода.

– И снова – в яблочко.

– И к какой мысли вы в итоге склонились?

– А к какой мысли тут можно склониться? Остаться на месте – верная смерть.

– Значит, пойдём, как есть. Если бы только можно было плыть на лодке? – с надеждой проговорила Роуз и вновь посмотрела на принца. – Вы ведь колдовали тогда, на корабле? Ну, когда заставили меня видеть несуществующих крыс?

– Одну минуточку – крысы существовали на самом деле. Просто их количество было значительно меньше.

– Да какая разница! Раз вы маг?..

Он выжидающе смотрел на девушку и насмешливо фыркнул, когда она закончила:

– Разве вы не из тех магов, которые могут взмахнуть рукой и перенестись из одного места у другое? Ну, например, в устье реки, по которой вы планировали подняться в свой загадочный город?

– Здесь нет моего города. И – нет. Я не могу перенести нас из одного места в другое. Я могу лишь заставить тебя видеть то, чего нет. Но иллюзии выжить не помогут. Тут нужна реальность.

– Не поспоришь, – вздохнула Роуз. – Ладно. Значит, сделаем то же, что и любой простой смертный на нашем месте: просто пойдём вперёд.

– Как только солнце поднимется над горизонтом.

Глава 15. Перед дальней дорогой

Пока солнце стояло высоко на небе, Роуз решила выкупаться. Она была теплолюбива и слишком привыкла к чистоте. Мысль о том, что скоро не будет не только возможности искупаться, но даже напиться вдоволь, вгоняла её в дрожь.

Последние несколько дней были лучшими их тех, что пришлось пережить после того, как принц похитил её у родного отца. Здесь, под ярким солнцем и синим небом Роуз почти смирилась с тем, что произошло. Она и сама вполне отдавала себе отчёт во всей странности происходящего, но какая-то часть её грустила о месте, так похожем на рай, который когда-то она себе придумала. Здесь не было мира, как не бывает его во снах. Здесь была еда, вода, питье и свод над головой.

Но чувство безопасности было ложным. На самом деле в безопасности они не были.

Больше всего пугал не сам путь – его тяготы Роуз представляла, они казались преодолимыми. Но что будет, когда они вновь вернутся к цивилизации? Необходимость выживать и отсутствие других людей заставили их с принцем Айдаганом примириться в какой-то степени, но когда они вернутся, её место окажется... где оно окажется?

Однако же страх перед неизвестностью, будущим не должны заставлять отказаться от борьбы. Жизнь, по сути, и есть борьба.

Скинув одежду, Роуз осторожно шагнула вперёд, разбивая зеркальную гладкую поверхность озера. Солнце припекало горячо, прохлада воды казалось отдохновением и усладой. Деревья обступали озеро у подножья скалы, образуя над её головой нечто вроде зелёного навеса. Кое-где ветки опутывали лианы и вьюнки, растения взбирались вверх в поисках света и солнца.

В этом месте поток водопада был слабым, скорее похожим на дождь. Блаженно зажмурившись, Роуз подставила лицо под водные струи. Она заслужила это удовольствие перед тем адом, который их ждёт впереди. Вода ласкала кожу, намочила волосы и прогоняла зной из тела.

Открыв глаза, она испуганно охнула, прикрываясь руками – Айдаган, скинув с себя одежду, спешил к ней.

– Что вы делаете? – возмущённо проговорила она, отбрасывая с лица мокрые волосы.

– То же, что и ты – пользуясь последними жаркими минутами хочу искупаться. Вижу, ты против компании?

Он улыбнулся и Роуз на миг все мысли улетучились из головы. Гадёныш был красив, знал это и умело этим пользовался.

– Всем сердцем, – сказала она вслух, преодолевая смущение. – Только вас это наверняка мало волнует.

– Не слишком ли большая ванна для одной миледи? – насмешливо протянул он в ответ.

– Нет. Вполне в самый раз.

Сейчас, когда в его светлых глазах не было злобы, лицо его больше не казалось Роуз отвратительным, но затихшее раздражение могло проснуться в любую минуту, с любым его неосторожным движением, способным возродить в ней отвращение.

Роуз охватили воспоминания об их ночных свиданиях на корабле, и вместе с ними где-то внутри неё заворочался страх. Она напряжённо следила за ним, как загнанный в угол зверёк.

По мере того, как принц приближался к ней, она начинала чувствовать прикосновение волн, идущих от его тела. Интуитивно шагнув назад, она поняла, что дна не чувствует и ушла бы под воду с головой, если бы её вовремя не подхватили и не вытянули на безопасное мелководье. Правда, в безопасности она себя как раз и не чувствовала.

– Пустите! – с отчаянной решимостью рванулась она из его рук и, почувствовав, что он не спешит выполнять её жаркую просьбу, снова рванулась изо всех сил.

– Успокойся, Роуз, – голос его звучал твёрдо и вместе с тем тихо, словно он обращался к неразумному зверьку, которого пытался приманить. – Я всего лишь хотел помочь... клянусь, – мягко лился его приглушённый голос.

Роуз заставила себя открыть глаза. Только сейчас до неё дошло, что она зажмурилась. Сжав зубы от унижения и ярости, она исподлобья, снизу – вверх, посмотрела на Айдагана. При разнице в росте ей только это и оставалось.

– Это всего лишь моя рука – видишь? – насмешливо проговорил он. – И я обещаю не трогать тебя ими, если ты постарайся не

утонуть на мелководье. Договорились?

– Я не утону. Рискну напомнить, что на воде я держусь лучше вашего, – огрызнулась она.

– Не волнуйся ты так. Это начинает выглядеть дешёвой драмой и отдаёт показушничеством.

– Дешёвой драмой? Вас когда-нибудь насиловали?! – лишь задав этот вопрос вслух она поняла, что сболтнула глупость и мотнула головой. – Я не хочу ничего демонстрировать – я просто вас не хочу. Когда вы стоите так близко, все те ужасные ночи становятся слишком явными...

Выражение лица Айдагана стало холодным. Он отступил назад.

– Ты слишком чувствительно ко всему относишься.

– Я не простила тебя и не доверяю тебе. Даже такой ванной одной на двоих нам мало.

Рот принца сжался в узкую полоску, выражая нетерпение, брови нахмурились, свидетельствуя о раздумьях. Светлые волосы от влаги стали завиваться колечками на лбу и у висков, привычным движением он отбросил их назад:

– Мне жаль – мне правда очень жаль, что так вышло.

– Думаешь, извинений достаточно? Я могу простить тебя разумом, но стоит тебе сделать шаг ко мне, и...

– Внушить отвращение такой красивой женщине – преступление. Дай мне возможность искупить его.

– Повторив всё сначала? – скривилась Роуз с презрением.

– На этот раз, обещаю, всё будет иначе. Я не стану делать ничего без твоей на то воле. Скажешь остановиться, и я остановлюсь.

– Думаете, я вам поверю?

– Испытай меня и узнаешь?

– А если вы решите провалить испытание, то в накладе снова не останетесь? – насмешливо взглянула она на него.

– Я никогда не нарушаю данного слова. Я просто хочу, чтобы ты знала, что поцелуи могут не только жалить, но и приносить истинное наслаждение.

– Чтобы поцелуи приносили наслаждение, нужно любить того, кто тебя целует.

– Никто не поручится, что мы проживём так долго, чтобы суметь вновь встретить своих любимых, Роуз. Из Проклятых Земель мало

кому удаётся выбраться. Возможно, это наш последний день в человеческих условиях. Зачем терять то, что можно приобрести.

Она сощурилась, пристально вглядываясь в холодное, надменное, бледное лицо:

– Вы и правда остановитесь, если я того пожелаю?

– Я же дал тебе слово.

– В любой момент?

– В любой момент, – кивнул он.

Непонятно, какой демон подначивал Роуз. Нет, она была далека от любого желания – даже тени его. Но ей хотелось отомстить. Пусть даже и булавочным уколom.

Роуз понимала, что принц красив. Очень красив. Совсем чуждой ей красотой, которая в их краях не встречается, да и в любых других, наверное, не часто. Красота Вольфа была понятнее и ближе, но сам он был так далеко – как горизонт. Попробуй, дойди.

– Если бы вы были священником, сколько бы душ вы могли спасти, – задумчиво проговорила Роуз.

– Приблизительно столько же, сколько погубил, – он вновь улыбнулся и в светлых глазах засветилось нечто, похожее на нежность. – Признаться, без особых усилий. Но тебя я не хочу губить, Роуз, прекрасная леди Вестерлинг...

– Ты меня уже погубил.

– Ну так попробуй получить хоть каплю удовольствий от своего падения.

– А если я их тех, кто счастлив только тогда, когда летает или стоит высоко?

Айдаган рассмеялся:

– Тогда позволь мне помочь тебе взлететь.

– Вы самоуверенный индюк, – фыркнула Роуз с презрением. – До скучного самовлюблённый.

– Ты невероятно честная особа. В других условиях это может стоить тебе головы, крошка.

Она стояла неподвижно, не поддаваясь ему навстречу и заставляя себя не отшатываться от его губ.

Бледные пальцы принца казались тонкими, но оказались крепкими, когда скользнули к ней на затылок. Он смотрел ей в глаза, с вызовом и обещанием, жёстко и вместе с тем – нежно.

Инстинктивно она всё-таки упёрлась ему в грудь руками. Этот жест давало ложное (о, насколько ложное – она знала) ощущение хоть какого-то контроля над ситуацией. Кожа под ладонями была гладкой, прохладной, чуть влажной. Мышцы твёрдыми, как камень. Сердце его прыгало под её ладонями. А глаза – сильно блестели.

Она не двигалась, пытаясь превратиться в статую. Роуз казалось, что она и правда цепенеет и каменеет, видя, как темнеют его глаза и губы.

Что-то в ней медленно переворачивалось. И это «что-то» было не похожим на привычные возмущение и страх.

Тепло его тело чувствовалось даже сквозь прохладную воду, как шёлк разделяющую их обнажённые тела.

Роуз замерла, когда его рука змеей обвилась вокруг её тонкой талии и прижала её к принцу Айдагану. Пальцы левой руки скользили по её спине, и от этих прикосновений становилось чуть щекотно и по телу шли незнакомые волны, которые хотелось чувствовать. От которых веки тяжелели и закрывались. От его прикосновений появлялось желание откинуть голову назад.

Принц поцеловал её. Мягко обхватил ладонями её груди и сжал их. Большие и указательные пальцы рук принялись играть с её сосками, заставляя их напрягаться, делая твёрдыми, как камешки. Его язык скользнул ей в рот, она чувствовала его возбуждение, и сама была возбуждена.

Горячая, влажная, разомлевшая...

Они оба дышали тяжело и неровно. Взгляд его сделался горячечным, голодным, как у зверя.

– Вы обещали мне остановиться, когда я попрошу, – с хищной улыбкой проговорила Роуз, по-прежнему глядя на него снизу-вверх.

– Я...

– Вы дали мне слово, что остановитесь, если я того захочу. И я говорю – довольно.

На острых скулах вспыхнул яркий бардовый румянец. Страсть, которую она разожгла в нём, была столь же ярко различима, как вспыхнувшая в чёрном ночном небе молния.

– Вы дали мне слово, – с коварной улыбкой проговорила Роуз, отбрасывая мокрые волосы обратно за спину, открывая его взгляду совершенную грудь, длинную лебяжью шею, тонкие ключицы.

Принц не двигался. Роуз тоже не шевелилась. Они оба смотрели друг на друга так, словно взгляды из были клинками, и они держали в этот момент удар, ожидая, пока противник дрогнет.

– Ты этого не хочешь, – грудь Айдагана тяжело поднималась и опускалась от с трудом сдерживаемого желания и гнева.

– Речь шла не о моих желаниях, а моих словах. Вы сказали: «по первому моему слову»?..

На её губах играла издевающаяся улыбка. Она понимала, что играет с огнём и не знала, что будет дальше. Хотя в глубине души надеялась, что он даст возможность уважать себя.

Принц смотрел на неё долгим, пронзительным взглядом. Губы его скривились в циничной улыбке, от которой у девушки запылали щёки.

Принц возвышался над ней, загромождавая своими плечами весь мир. И несмотря на светлый цвет радужки, глаза его в этот момент были тёмными.

Упрямо вздёрнув подбородок, Роуз сказала:

– Приятного купания, ваше высочество, – она даже сделала насмешливый реверанс – делать это всерьёз обнажённой было слишком дурным вкусом.

А потом, держа спину как можно прямее и стараясь двигаться как можно спокойнее, не поддаваясь желанию выскочить из воды как ошпаренная и натянуть на себя одежду побыстрее, она вышла из озера.

В какой-то момент ей показалось, что дурная сторона его натуры возьмёт вверх, но, по счастью, Роуз ошиблась. Её выходка его разозлила, разодорила, но и позабавила – тоже.

Когда, с трудом натянув платье на мокрую кожу, она обернулась в его сторону, Лейнор Айдаган выглядел расслабленным, его беззаботный вид снова вернулся к нему:

– Зря, моя прекрасная роза, вы столь старательно выставяете свои шипы. Цветы недолговечны.

– Да, мой принц, – кивнула она и пошла по направлению к пещере.

Улыбка играла на её губах. Роуз чувствовала себя победительницей.

К тому же... принц сдержал данное слово. Хоть какое-то понятие о благородстве в нём все же есть.

О человеке, от которого может зависеть твоя жизнь, всегда хочется думать хорошо.

Остаток дня прошёл быстро – гораздо быстрее, чем хотелось бы. Хотя и решено было идти налегке, все же без воды, оружия и кое-каких съестных припасов обойтись было никак нельзя. Решили сделать нечто вроде заплечных мешков, которые на ночь, распустив, можно будет превратить в одеяло, устраиваясь на ночлег.

Было бы отлично, сумей они взять с собой лодку. Но плыть по морю можно лишь в противоположную от намеченного пункта, сторону, что, конечно же, не вариант.

Поразительно, но как только принимаешь решение брать с собою только самое необходимое, как необходимым становится всё.

Айдаган, после инцидента в озере, держался спокойно, будто бы ничего и не случилось, а сама Роуз испытывала некоторую неловкость. Она не могла понять, что её вызывает: этот мужчина ей совсем не нравился, да и незнакомцем его назвать было сложно, потому что, в некотором роде, они уже были знакомы слишком близко – куда ближе, чем ей бы хотелось. А с другой стороны, она совсем его не знала.

Он разговаривал мало и держался на расстоянии. Наверное, всё-таки обиделся, – подумала Роуз. Мужчины почему-то часто обижаются на слово «нет».

Усевшись на землю, он то чертил что-то, то стирал, то задумчиво глядел на воду. Создавалось впечатление, будто что-то подсчитывает. Роуз распирало от любопытства узнать, что он там замышляет по поводу их дальнейших передвижений: как-никак, она сторона заинтересованная.

Несмотря на то, что солнце давно уже успело перевалить за полдень, жара стояла такая, что прямо на камнях можно было бы яйца жарить, при условии, конечно, если бы они у них были. Солнце, отражаясь от воды, слепило глаза. Как завтра под таким палящим солнцем они станут передвигаться, Роуз не представляла. Она была северянкой, и всегда плохо переносила духоту.

– Здесь должна быть река, – подняв на неё взгляд, проговорил принц.

– Где?

Приблизившись, Роуз увидела, что принц исхитрился у своих ног едва ли не карту нарисовать.

– Приблизительно тут, – ткнул он длинной палкой в хитросплетении извилистых линий. – Если мои расчёты верны, то мы сможем взять лодку и пойти на вёслах. Так будет легче нести с собой необходимые припасы и в известной степени сэкономит нам силы.

– А если вы ошибаетесь?

– Если я ошибаюсь, мы можем потерять несколько дней в пустую. И тогда нам придётся идти налегке, положившись на удачу и на то, что пропитание придётся искать в дороге, – по напряжённому лицу его скользнуло недовольство. – Я не люблю полагаться на удачу. Предпочитаю точный расчёт.

– Если пойдём на лодке и ваш план удастся, выиграем несколько дней.

– Всё верно.

– Давайте рискнём, – согласилась она.

Вечер выдался тихим и спокойным. Хотелось насладиться каждой секундой этой относительной безопасностью перед долгой дорогой, наверняка полной превратностей.

Айдаган разжёл костёр.

– Давайте выпьем? – предложил он и, откупорив бутылку, протянул её девушке. – Общие попойки всегда сближают.

– Думаете, сближение – это то, что нам сейчас нужно? – фыркнула Роуз.

Он смерил её взглядом. Глаза принца странно мерцали в полумраке.

– Я для вас больше не опасен. Я не думал, что ваши чувства к маленькому лордёншю столь серьёзны. Сколько раз в жизни вы видели его? Пять? Десять? Может быть, даже пятнадцать?.. – с усмешкой отхлебнул он из бутылки.

– Какая вам разница?

– Действительно, никакой, – кивнул он. – Для настоящей любви всё это мелочи. Главное, что она есть.

– Почему вы всё время, раз за разом, поднимаете эту тему? – недовольно спросила Роуз.

– Может быть, я ревную? – пристально глянул Айдаган на Роуз, а потом рассмеялся мягким, издевательским смехом. – Почему вы молчите?

– А что мне сказать?

– Да что хотите? Здесь, среди огня и воды мы с вами совершенно свободны и то, чего не стерпят стены дворца, прекрасно вытерпят стены пещеры. Вы правда всё ещё думаете, что любите?..

– Я об этом не думаю.

– Значит – не любите, – удовлетворённо произнёс он. – Когда любят, то думают.

Роуз хотелось осадить его, но слова застревали в горле. И она отхлебнула вина, чтобы прогнать неприятное ощущение. Стоило повернуть голову, как она снова натыкалась на взгляд его светлых, стальных глаз и почему-то чувствовала себя... странно.

«Я могла бы влюбиться в него, – с неприятным чувством подумала про себя Роуз. – Будь он таким, как сейчас, с самого начала. Но нельзя забывать, что всё это лишь притворство, лишь игра – на самом деле этот человек холоден, как клинок, расчётлив, как астроном и жесток, как зверь. Все его мягкие речи – всего лишь игра. Он представляется себе котом, а я вижусь ему мышью».

– Я всё ещё никак не могу выбросить из головы тебя такой, какой видел сегодня утром...

– Это был день, – холодно поправила она его.

Он продолжал, словно бы не слыша:

– Мокрая и обнажённая – ты была чертовски соблазнительна. Кажется, никогда в жизни ещё мне так не хотелось заняться ни с кем любовью

– Какое странно выражение, – сдерживая гнев, отвечала Роуз. – Разве любовью занимаются? Её испытывают, чувствуют...

– Какими же словами мне обозначить желание, что ты будешь во мне? – с улыбкой продолжал он, делая очередной глоток.

– Мне не нужны ваши слова...

– Что тебе нужно? Что мне сказать или сделать, чтобы ты меня захотела?

– Я не знаю. Возможно – ничего. Я просто...

– Ты слишком много думаешь о будущем, которого вообще может не быть. У нас есть здесь и сейчас, а дальше? Дальше будут удлиняющиеся тени и уплотняющийся мрак, из которого, возможно, ни одному из нас не выбраться. Так почему не провести эту ночь, дыша полной грудью? Живя на полную катушку? Я не понимаю.

– Это вовсе не сложно понять. Я вас не люблю – вы не любите меня. Здесь просто нет других женщин, а будь любая другая, более сговорчивая, вы бы не то, что времени – взгляда на меня не потратили. И я знаю это. Знаю, что я не единственная, что я для вас лишь сосуд, который может принести удовольствие. Не более.

– Для большинства мужчин женщина – сосуд. Мужская любовь эта благодарность за доставленное удовольствие. Для нас, мужчин, важно знать, что мы дороги вам и уметь осязать в своих объятиях теплое тело с гладкой кожей.

– С ваших слов выходит, что мужчины очень скучные и примитивные сознания.

– Дай мне шанс показать тебе, что плотская любовь – это не только унижение и боль. Позволь исправить мою ошибку. Не упрямься, прекрасная Роза, спрячь свои шипы и колючки. Ты боишься сдаться, боишься показаться слабой, такой, как все?.. Твои страхи не обоснованы. Ты уже принадлежала мне, как только может женщина принадлежать мужчине и мне уже не нужна победа над тобой. Сегодня я хочу другого...

Поднявшись, он медленно приближался к ней, ближе с каждым словом. Роуз не двигалась, не сводя с него глаз.

– Сегодня я хочу не брать, а давать.

Ладони принца осторожно, мягко скользнули по шее к её лицу, пальцы запутались в волосах. Его руки были такими нежными, что казалось невозможным, что тогда, на корабле, рядом с нею был тот же самый человек.

– Завтра или послезавтра у нас не будет шанса повторить эту ночь. Прошу тебя, Роуз... я задолжал тебе это, – тёплые губы прикоснулись к чувствительному месту на тонкой шее Роуз, заставляя кожу обратиться в мягкий податливый воск, когда вдоль позвоночника побежала странная приятная щекотка от этого касания.

– И это, – его пальцы скользнули по её лицу, сначала по щеке, потом обрисовывая полумесяц прикрытых глаз.

– И это, – твердая ладонь скользнула под ягодицы Роуз, привлекая её к нему так близко, что она ощутила его затвердевшее мужское начало.

У Роуз кружилась голова от выпитого вина, его слов и желание почувствовать то... то, что он предлагал. Бэйр для неё недостижим, весь

мир далеко – между ними и миром неизвестность, полная неведомого.

Всего одна ночь – она ничего не изменит. Ничего не добавит к тому, что уже есть. И ничего не отнимет.

Роуз не поощряла его и не вырывалась, застыв в его руках послушной, мягкой, но безынициативной куклой.

Однако же, когда его пальцы умело заскользили по упругим холмикам её груди, дыхание Роуз участилось, а голова непроизвольно откинулась назад. Его руки нежно двигались по ней, словно заново исследуя – плечи, тонкую шею, тонкую талию, упругие ягодицы.

– Я буду любить тебя – на этот раз так нежно и страстно, как только может мужчина любить женщину, – шептал он ей в губы, перемежая слова с горячим дыханием и поцелуями. – Я хочу, чтобы ты познала настоящую страсть, разделив её со мной. Несправедливо умирать, не познав высшего наслаждения, которое может подарить лишь страсть...

Разве так важно, что она не любит его?

Роуз позволила опустить себя на ворох одеял, позволила ему прижимать её к себе, обнимать за талию, касаться обнажённой тёплой кожи.

– Ты очень красива, – шептал он. – Одна из самых красивых женщин, которых я видел. Чем больше я смотрю на тебя, тем желаннее и красивее ты мне кажешься.

«Не верь ему. Все его слова – ложь», – твердила про себя Роуз.

Она и не верила. Но слушать их всё равно было приятно.

Впрочем, страсть, горевшая в его глазах, была неподдельной.

– Ты не представляешь, как сильно я хочу тебя...

Роуз пыталась расслабиться, но у неё не получалось, напряжение никак не желало оставлять. Прикосновение его рук было приятным, они гладили и ласкали её безостановочно, его поцелуи заставляли её млеть и всё же страх в глубине сердца никуда не уходил. Ей приходилось прилагать усилия, чтобы не отталкивать его от себя.

Когда же его пальцы коснулись её нижних губ, проникая глубоко и настойчиво, к страху примешалось ещё и смущение. Роуз закрыла глаза, пытаясь не думать, а лишь чувствовать – чувствовать, как его плоть, словно горячий уголь, пронзила её, заставляя вскрикнуть.

У Айдагана движения спокойные и размеренные, без суеты, без силы. Толчок за толчком, пока она с удивлением и даже неверием не

ощутила, что это и правда...приятно. Доля наслаждения, слабые его отголоски, пробегающие волной по позвоночнику, заставляющие с любопытством прислушиваться к себе в ожидании – что же дальше? Вбирала в себя новые ощущения, пока глубокий и тёмный огонь не начал разгораться внутри её тела, сворачиваясь в сжимающееся тугое кольцо.

Словно со стороны Роуз услышала своё учащающееся дыхание. В какой-то момент пружина внутри её тела распрямилась, волной пройдясь во всему телу, будто она заскользила по крутой горке. Головокружительное падение с высоты вниз.

Айдаган так крепко прижал её к себе, словно надеялся, что их тела срастутся между собой, проникая одно в другое. Рассмотреть выражение его лица не получалось, она лишь чувствовала, как тяжело вздымаются его плечи.

А ещё её не оставляло ощущение, будто она проиграла.

– Это довольно приятно, – вздохнула Роуз. – Но всё же, не думаю, что я потеряла бы в жизни что-то особенно важное, если бы этого так и не испытала.

Глава 16. Река

Воздух был знойным, плотным и сырым, дышалось словно бы через силу. Лодка почти беззвучно скользила по солёным волнам. Айдаган усиленно вглядывался в береговую линию в надежде найти хоть какой-то намёк на приток, позволивший бы им углубиться в полуостров, не покидая уютного челнока.

Вскоре удача улыбнулась им – очередная пустошь более не выглядела песчаной, она представляла собой лужайку, пересечённую ручьями.

Айдаган молчаливо и упорно налегал на волны. Роуз помогала ему, правя у руля.

Вскоре ручей разлился небольшой речушкой.

– Будь осторожна, – предупредил её принц. – Воды Проклятых Земель обманчивы. Они отличаются обманчиво узким руслом, но при этом часто обладают большой глубиной. У иных из них, как поговаривают, вовсе нет дна. Неторопливое, спокойное течение заставляет расслабиться и тут же наталкивает на какой-нибудь порог или водопад.

Им приходилось идти против течения – река текла в сторону океана. Лодка была хорошей, лёгкой и устойчивой, на их счастье.

Дышать здесь было легче, чем у пляжа – деревья образовывали навес из листвы. Вздвигающиеся к небу толстые ветви оплетали вьюны и лианы, цепляющиеся за них в надежде дотянуться до солнца. Вдруг стайка длиннохвостых цветных птичек сорвалась с листвы и с резким птичьим гомоном вспорхнула над водой.

Айдаган сегодня был неразговорчив. Большей частью приходилось созерцать его спину. Наблюдая её, Роуз то и дело принималась сравнивать принца Лейнора с Вольфом Бэйром. Хотя сама мысль об этом казалась ей кощунственной, потому что Бэйр был таким порядочным, таким смелым – воплощением рыцарства и храбрости. А Айдаган?.. Каждая минута в его присутствии так или иначе омрачалась напряжением. Роуз надеялась, что предыдущая ночь сможет как-то изменить это, сократив дистанцию между ней, но её расчёт не оправдался.

Солнце, местами пробиваясь через лиственный полог, путалась в его волосах солнечными зайчиками.

– У меня сейчас спина начнёт дымиться от твоего взгляда.

– С чего ты взял, что я вообще смотрю в твою сторону? – фыркнула Роуз.

– Ну, я уже упоминал о том, что вообще-то я маг. Не то, чтобы очень сильный, конечно, но...когда на меня так таращатся, чувствовать это могу.

– Ничего ты не чувствуешь. Всё ты выдумываешь.

– Я даже знаю, о чём ты сейчас думаешь, – он сидел к ней сейчас в полуоборот и Роуз могла видеть его подобие улыбки, привычно кривящее рот.

– А я знаю, что вы сейчас скажите. Но это не потому, что я маг, а потому, что вы всё время говорите об одном и том же.

– О твоём благородном рыцаре из Медвежьего Бора?

– Логова. Так зовут их замок.

– Благородный рыцарь из Медвежьего Логова? Как звучит, чёрт побери!

– Перестаньте, – поморщилась Роуз.

– Ты смеешь приказывать принцу?

– Вы сами упоминали, что мы на свободных землях. Хочу – принцу указываю; хочу – думаю о благородном рыцаре. До последнего вам какое дело?

– Издеваешься? – насмешливой фыркнул Айдаган. – Я же ревную. Твоему благородному человеку повезло, что случилось всё, что случилось. Если уж я не угодил тебе ночью, у него бы и вовсе развилась острая неуверенность к себе.

– Я не хочу говорить о Вольфе.

– Ты зовёшь его по имени?

– Он мой жених. Что вас удивляет?

– Он *был* твоим женихом. Но всё это в прошлом. Как бы не сложилось наше будущее, тебе лучше выкинуть мысли о благородном идеале с высокими моральными качествами. В отличие от тебя, я твоими прелестями не разочарован. А своими женщинами я не делюсь...

– Я слышала другое, – Роуз понимала, что он нарочно пытается вывести её из себя. – Что вы спокойно одалживали ваших любовниц

своим друзьям и даже слугам. Что вы вместе с ними не брезговали посещать бордели.

– Что такая хорошая девчушка, как ты, можешь знать о борделях?

– Они существуют, – пожала плечами Роуз. – И мужчины с не самыми высокими моральными принципами их посещают.

– Не одобряешь?

– Конечно, нет. Но не удивляюсь тому, что одобряете вы.

– Ты как всегда забавна и предсказуема в своих полудетских суждениях.

– А вы как всегда пытаетесь поставить меня на место, унижая мои представления о мире?

– Ладно-ладно, не будем ссориться. Пестуй и дальше свою полудетскую влюблённость, совершенно детское обожание.

– Вы очень добры, что решили не запрещать мне этого. Я, в свой черёд, проявлю великодушие и отнесусь с пониманием к вашей скучной ревности, проистекающей из уязвлённого тщеславия.

Принц изогнул бровь, но комментировать не стал.

Беседа их как-то сама собой сошла на нет. Река, укрытая в тень листвы, казалось угрюмой и неприветливой. Её извилистое ложе продолжало петлять между деревьями. Ветки в этих местах располагались слишком низко и приходилось следить, чтобы не задеть за них головой.

– Вы слышите это? – спросил он.

– Что именно?

– Очередной тяжёлый гул может означать только одно – впереди новый водопад.

– Водопад?..

– Ну, да. Водопад. Это, знаете, такое явление, когда река кувыркается по скалам.

– Знаю.

– Если есть водопад, значит, есть и пороги. Нужно быть осторожными, чтобы нас не затянуло в воронку. Жаль, что ни вы, ни я – ни разу не матросы. Не знаю, как вам, а мне что пороги, что водопады одинаково не нравятся.

– Тогда, возможно, лучше сделать шаг в сторону суши и пойти пешком? – с усмешкой поинтересовалась Роуз.

– Ну, уж нет. Предлагаю спуститься по водопаду в этой милой скорлупке.

– У вашего высочества несмешные шутки.

– Если бы ты явилась ко мне, я бы выгнал тебя из дворца немедленно. Оружие придворной дамы – это лезть. А ты совершенно безоружна.

– Мы не при дворе.

– Я помню. Мы с тобой в одной лодке: ты и я. А впереди у нас чудесные приключения, одно из которых – водопад. Что ты предпочитаешь, красавица: переправиться или тащить лодку вручную.

– Тащить лодку вручную. Тем более, что, как мужчине, эта честь достанется вам, а я буду лишь подталкивать сзади.

– И не надейся.

Глухой рёв воды начинал звучать достаточно грозно.

Но то, чего они опасались, не случилось, потому что пришлось столкнуться с тем, о чём даже подумать не могло. Они обогнули очередной мыс и столкнулись со странным препятствием – надвигающейся на них кучей листьев, ветвей и чего-то, подозрительно похожего на труху. Айдаган, не задумываясь ни секунды, попытался эту кучу оттолкнуть веслом. Препятствие разом рассыпалось, взорвавшись сонмищем насекомых, похожих на муравьёв. С той лишь разницей, что у этих муравьёв были крылья, как у ос.

Лодка угрожающе качнулась.

Гудящий, как улей, куча летающих муравьёв, устремила на них плотной стеной.

Роуз не успела опомниться, как её столкнули в воду. С тяжёлым плеском провалились они в густые, зеленоватые воды. Оставалось только надеяться, что в самой реке их не поджидают подобные неприятные сюрпризы.

В несколько гребков Роуз выплыла к скале. Обернувшись в волнении, заметила, что Айдаган следует за ней.

– Кажется, лодка сплавится по водопаду без нас, – без особого огорчения заметила принц. – Что ж? Примем со смирением волю богов. Постараемся догнать её и будем надеяться, что пороги не расшибут её в щепы.

Роуз какое-то мгновение наблюдала, как лёгкое судёнышко вынесло на быстрину, туда, где вода пенилась. По строжней усиливающееся течение с головокружительной быстротой понесло

вперёд. Вода, прежде спокойная, кипела, ярилась; отливая зеленью, распадалась на отдельные частицы.

– Вообще-то... я рад, что мы здесь, а не там.

«Интересно, чему он радуется?» – со злостью подумала Роуз.

Какое-то время их лодка словно попала в кипящий котёл. Её нос зарылся носом в воду. Лёгкое судёнышко швыряло по волнам, как пустую ореховую скорлупу. А затем, к их великой радости, она не утонула, а мягко поплыла по тихой заводи водопада.

Айдаган, посмеиваясь, взглянул на Роуз.

– Дело за малым. Нам осталось её лишь догнать.

– Тогда не станем медлить, – упрямо дёрнула она плечом.

Передвигаться по густо заплетённым зарослям оказалось совсем не просто. То и дело приходилось пускать в ход оружие, но не для того, чтобы обороняться от кого-то, а лишь для того, чтобы прорубить себе путь среди густой сплетённых лиан, папоротников и бог весть ещё какой растительности.

Роуз с ужасом представляла себе, что случилось бы, пустись они в путешествие пешком.

– Мы просто пошли бы другим путём, – хмуро отозвался Айдаган, когда девушка озвучила свои мысли вслух. – Проклятая река! Проклятые заросли! Проклятые земли! – рычал он, прорубая им мечом очередной туннель в зелени.

Расстояние, отделявшее их от заветной лодки было невелико. Они больше не разговаривали. Свист холодного лезвия да треск деревьев были единственными звуками, сопровождающими их движение. Их прорубки почти не изменяли ничего в этом зелёном царстве.

Жара стояла удушающая, как и влажность. Создавалось впечатление что они находятся внутри какого-то плотного кокона, окрашенного в зелёный цвет.

Почувствовав щекотание на шее, чуть ниже затылка, Роуз дёрнулась и, подняв руку, хотела отвести от себя то, что поначалу показалось ей случайно задевшей веткой и... замерла. Её обдало волной нежданного, панического ужаса, когда она ощутила, как по руке её передвигается нечто живое. Тихо вскрикнув, она застыла, боясь даже дышать: по руке передвигаясь извивами бескостного тела заскользила змея. Видимо, поначалу та тоже не слишком поняла, что под нею больше не деревья, а нечто иное.

Откуда-то далеко послышался тихий, спокойный голос принца:

– Не двигайся, милая. Ни на дюйм.

Она бы и не смогла, даже если бы и захотела. Змея, кажущаяся ужасной, вперила в неё черные бусинки глаз. Из едва заметного разреза рта выскальзывал и снова прятался раздвоенный язык.

Змея, опираясь на её руку, стала приподниматься и Роуз с ужасом поняла, что та сейчас атакует и, атакуя, поразит её прямо в лицо. Мир стал замедляться в тот самый момент, как голова, по форме напоминающая наконечник стрелы, перестала покачиваться взад-вперёд и застыла перед броском.

Змея метнулась вперёд и что-то тонко просвистело перед самым лицом. Роуз дёрнулась, не сразу понимая, что это был нож. Он пришил ядовитого гада к дереву, как бабочку к гербарии.

Айдаган, шагнув вперёд, с небольшим усилием вытянул нож из древесины, оглядев его и досадливо вздохнув:

– Если так пойдёт дальше, мы останемся совсем без оружия, сточив все клинки до встречи с противников. Я всё больше и больше скучаю по нашей лодке.

Он протянул руку Роуз:

– Миледи, вы не пострадали?

– Если не считать, что у меня едва не остановилось сердце – нисколько, милорд, – не без сарказма отозвалась она.

– Предлагаю не медлить.

– Разве змею мы с собой не заберём?

Он свёл брови:

– Зачем она вам понадобилась? Хотите оставить себе боевой трофей в память о путешествии на край земли?

– Хочу зажарить её вечером, в том случае, если наши запасы остались в реке.

На этот раз принц выглядел раздосадованным, но глядел почти с уважением:

– Эта мысль должна была мне первым прийти в голову. Вы чертовски правы. Но если змея ядовита?..

– Разве яд змеи не находится в её зубах?

– И здесь вы правы.

Вскоре они выбрались к тому месту, где их дожидалось их нехитрое средство передвижения. По счастью, вода изрядно

подмочила их припасы, но не сотворила ничего непоправимого. Если не считать незапланированной задержки, но, с учётом всего, можно сказать, что им ещё повезло.

Айдаган вновь занял своё место на носу. Подгоняемая неторопливыми, но мерными ударами, лодка вновь заскользила вперёд. Роуз, воспользовавшись возможностью, отдыхала. Через какое-то время она сменила принца, заняв место на вёслах: ему тоже нужна была передышка, с учётом того, что во время их вынужденной вылазки он устал даже больше.

Время от времени в сердце Роуз заползал страх, но она гнала его от себя. Берега густо заросли зеленью, низко свисающей над водой, что разглядеть что-либо было практически невозможно.

– Как долго мы сможем путешествовать по воде? – спросила Роуз.

– Согласно моим расчётам, день-два, не больше. Дальше наш путь с рекой разойдутся в разные стороны. Нам нужно будет идти в сторону гор. А река повернёт в противоположную сторону.

– А если мы продолжим пусть по реке, куда она приведёт нас?

– К Солёным Озёрам, откуда нам до прихода Огня точно не выбраться.

– Край, где извержения вулканов такая же обыденность, как у нас дождь – разве такое возможно?

– Извергаются вулканы редко, а вот пепел выплёвывают – но нам и его хватит, чтобы навсегда здесь остаться. Но, как я уже говорил, главную опасность представляет не лава и не пепел, а потусторонние твари, наводняющие Проклятые Земли в эту пору.

– Выходит, сказки про открывающиеся Врата Ада вовсе не сказки? Вы всерьёз в это верите?

– Я знал одного человека, которому доверяю, и он лично божился мне, что видел, как мёртвые поднимались и нападали на живых. И что в небе летали крылатые змеи. И всё это было в Проклятых Землях.

– Когда мужчины пьяны, они и не такое видят. Может быть, всё дело в отравленных испарениях, вырывающихся из земли? Они могут отравлять сознания и заставляют видеть то, чего нет.

– Может и так. Но если ядовитые испарения убивают так же надёжно, как демоны, то есть ли разница?

С последним аргументом спорить было сложно.

Как только начало темнеть, они пристали к берегу. Омытые закатом ветки деревьев, казалось, пылали на фоне багровеющих небес. Остывающий воздух наполнился гудением. Роуз уж, было, подумала, что кровососущие мелкие твари, которыми так и кишел воздух, их сожрут, но тут Айдаган, как выяснилось, умел не только обманки для чужого разума ставить – его чары смогли изгнать насекомых с места их ночлега. Противное жужжание никуда не делось, но насекомые их не жалили, и то счастье.

В сумерках южный незнакомый лес превратился в какофонию далёких шорохов, тресков и присвистов.

– Что это? – вздрогнула Роуз, услышав очередной незнакомый звук.

– Не переживай. Это всего лишь кора потрескивает, остывая после жаркого дня. Да ветер тревожит деревья.

Река, текущая в нескольких шагах от них, ровной поверхностью напоминала жидкое стекло. Ночью её глубины казались темнее и опаснее, чем днём.

Костёр, который они разожгли, был небольшим. Зажарив убитую днём змею, они отужинали ею, запив водой, которую прихватили собой с водопада.

– А если так всё взвесить, вполне приятный вечер, – с усмешкой проговорил Айдаган.

Свободную минуту он занял тем, что принялся наточивать оружие, которое притупило лезвие, пока они сражались с деревьями.

– Во дворце мне всегда не хватало молчания и тишины. Все эти придворные могут быть такими утомительными. Правда, отсюда, по воспоминаниям, всё выглядит иначе. Если мы выберемся отсюда, уверен, что в воспоминаниях нам пребывание здесь покажется приятным приключением.

– Если выживем – возможно.

Они помолчали.

– Если мы всё же выберемся и сумеем вернуться в наш мир, что будет дальше? Вы отпустите меня домой, к отцу?

Рука Айдагана, скользящая вдоль лезвия меча, на миг замерла.

– Как ты себе это представляешь, Роуз? – мягко спросил он.

– Очень просто. Вы принц. Вы богаты и влиятельны. Вы сможете найти для меня если не корабль, так место на нём, чтобы отправить к

отцу.

– Море беспокойно. Ты сама в этом могла убедиться лично.

– Ради возвращения домой, я рискну, – стараясь подавить в себе закипающий гнев и говорить спокойно, продолжила Роуз.

– Ради чего тебе возвращаться домой?

– Ради тех, кого люблю. Ради тех, кто меня любит. Что за глупые вопросы для умного человека, ваше высочество?

– Роуз, дорогая моя, для твоего же блага...

– То есть, вы даже мысли не допускаете в будущем искупить свою вину попыткой хоть как-то её загладить?!

Сдержать раздражение всё-таки не получилось.

– Милая моя, сейчас более, чем преждевременно вести эти разговоры. Не хочу тебя пугать, но шансов спастись у нас немного.

– Так тем более! Дайте мне слово, что если мы выберемся, вы позаботитесь обо мне!

– Конечно, позабочусь. Можешь мне не верить, если хочешь, но я действительно привязался к тебе. Может быть, всё дело в чёртовом уединении, или в твоём мужестве и невинности, в твоей красоте – я не знаю, но с тех пор, как я перестал быть мальчишкой, ни одна женщина не значила для меня так много.

– Я не спрашивала о ваших чувствах ко мне, ваше высочества! Я просила дать мне слово, что вы отпустите меня, позаботившись о том, чтобы я могла вернуться к отцу.

– Мы непременно напишем твоему отцу о том, что ты жива и здорова. Я готов оплатить возможные издержки...

Роуз сжала кулаки, сгорая от желания вцепиться ногтями в его бескровно-бледную физиономию.

– Никто не просит материальной компенсации! Я всего лишь хочу домой!

Айдаган с излишним интересом разглядывал свой клинок, всем своим видом изображая задумчивость.

– Разве так сложно пообещать мне такую простую вещь? – в отчаянии прошептала Роуз.

Айдаган медленно повернулся к ней, смерил её взглядом и проговорил:

– Я никогда не даю обещаний, которые не собираюсь выполнять.

Грудь девушки от переизбытка чувств высоко вздымалась, глаза метали молнии.

– Значит, вы по-прежнему мой враг?

– Я никогда не был вашим врагом. А теперь ещё менее, чем раньше.

– Да вы что?! Издеваетесь надо мной?!

– Не шумите, сделайте милость. Те, кто могут сюда прийти на ваш крик, точно не станут вашими спасителями. Я понимаю, что выгляжу в ваших глазах чудовищем, и... не стану отрицать, что заслужил подобное отношение. Но я не лгал вам, Роуз, говоря, что к прошлому вернуться для вас невозможно. То, что сейчас я готов сожалеть о причинённом вашему имени вреде, его не исправит. Вернувшись домой, вы не сможете выйти замуж. Вас не примут ко двору. Вы станете позором для вашей семьи. В том вашей вины нет, но... это будет так.

– Будьте вы прокляты! – в ярости прорычала Роуз. – Что вы предлагаете?

– Мои намерения в отношении вас порядочны.

– Не говорите этого слова, – поморщилась Роуз. – Оно с вами плохо сочетается.

– За подобную дерзость в обращении с царственными особыми можно и голову потерять.

– Рискнёте самолично исполнить приговор? – холодно усмехнулась Роуз.

– Мы вернёмся в столицу, и я представлю вас ко двору, как мою официальную фаворитку. У вас будет свой замок, свой собственный штат, свои средства. Я обеспечу вас всем, чем только может мужчина обеспечить женщину. Многие женщины могут о таком лишь мечтать.

– Но я не многие женщины! Я мечтала о другом мужчине. Мне не нужны ваши средства, ваши замки и... вы сами. Я не люблю вас, милорд! Я вас ненавижу. Я терплю вас потому, что нас с вами здесь двое и вы лучше, чем ничего. Одной мне не выжить, но, если бы у меня был иной выбор... мои чувства к вам не изменились. Я вас ненавижу и презираю – всем сердцем. Я вашей не стану никогда.

Роуз с шумом втянула воздух, пытаясь успокоить заколотившееся сердце.

Глаза принца сделались почти бесцветными. На острых скулах вспыхнул румянец. Как не хотел он это скрыть, похоже, её слова его всё-таки задели.

Он криво усмехнулся, не разжимая губ:

– Так значит, ты никогда не станешь моей? – Айдаган чуть изогнул бровь. – Ты уже моя. Нравится тебе это или нет.

– Мне это не нравится, – с вызовом вскинула голову Роуз.

– Маленькая упрямица. Я не буду говорить об этом сегодня. И думать тоже не стану. Поговорим об этом позже, когда придёт время. Давай договоримся так: если, когда мы вернёмся ко двору моего брата, ты не будешь меня желать так же страстно, как я – тебя; если не будешь хотеть не только моё тело, но и мою душу – я отпущу тебя. Даю тебе слово.

– А вы сдержите своё слово?

– Я ещё ни разу его не нарушал.

Глава 17. Каменистая пустыня

Роуз казалось, что путь по воде полон опасности. Никогда невозможно предугадать что скрывается за гладким и тёмным зеркалом воды, но вскоре она смогла оценить разницу, когда они были вынуждены пойти пешком. Первоначально они шагали по лугу с высокой и густой, волнующейся под дыханием горячего ветра, травой. В этих невысоких зарослях ещё можно было отыскать какую-нибудь съестную зверюшку.

Но зелёные луга быстро закончились. Характер почвы резко изменился. Всё чаще и чаще стали встречаться каменистые откосы, а потом и вовсе началась безводная каменистая пустыня, кое-где поросшая низкорослым колючим кустарником.

Из разнообразия в этом пейзаже можно было считать только солнце, которое медленно поднималось, медленно скользило над их головами, медленно опускалось, освещая пространство между рядами гор сверкающими, местами почему-то разноцветными, лучами. Ранним утром воздух был свеж и прозрачен, а на пиках скал можно было различить неясные голубоватые очертания снежных вершин. И это казалось волшебством: раскалённое горнило на каменистом дне и ледяная прохлада там, в вышине.

– Я всегда думала, что чем ближе к солнцу, тем жарче, – вытирая пот со лба, поделилась Роуз.

– Нет. Солнце нагревает землю, а воздух нагревается от неё. Там, где нет земли, там нет и тепла. Вот такая загадка.

Пустыня казалось широкой и непроходимой. Вскоре их обоих начала мучать дикая жажда. Но Айдаган был неумолим – через определённые промежутки времени он давал отпивать ей по глотку, а сам и того реже прикладывался к их скудным запасам.

– Ты уверен, что там, за горами, мы найдём спасение?

– Я очень на это надеюсь. В любом случае у нас есть лишь одна дорога – вперёд.

Они шли и шли и Роуз иногда думалось, что всё остальное, что было в её прошлом, на самом деле – не было. Что она всегда шла, сбивая ноги, по каменистой тропе, следуя за принцем, чьи волосы

казались выгоревшими на солнце до бела, а всё остальное она только придумала себе для утешения.

Тащить на себе поклажу было невыносимо тяжело, и они избавились от всего, кроме бутылей с водой, но запасы последней стремительно таяли.

Когда жара стала невыносимой, Айдаган свернул в тень, что отбрасывала одна из скал и растянулся прямо на песке.

– Что вы делаете? – спросила Роуз.

– А на что похоже?

– На глупость. Вы решили сдаться?

– Я решил, что нам стоит пересмотреть приоритеты и двигаться по ночам. А днём – отдыхать.

– Но как же мы пойдём ночью, в темноте?

– Сейчас почти полнолуние. Не так уж и темно.

Слишком вымотанная, чтобы спорить, она легла рядом и почти мгновенно от усталости провалилась в сон. Ей было уже всё равно, как она выгляди; всё равно, что земля твёрдая и жёсткая и по ней ползают скорпионы.

К её пробуждению Айдаган поймал парочку скорпионов и зажарил их на открытом огне. Роуз ела их с закрытыми глазами, боясь, что желудок отторгнет эту странную еду. Но страхи были напрасны. Желудок её переварил бы ещё парочку таких, с удовольствием.

Они дождались, когда ночь вступит в свои права и на небе появилась луна. Её прохладный свет залил дикие просторы. Каменистая долина казалось языком дракона, с двух сторон окаймлённым острыми зубьями скал. И Роуз поёжилась при мысли, что скорее всего этот дракон их проглотит.

– Ну, что, моя храбрая красавица? Пошли вперёд? У нас с тобой впереди приключение, которое ни один из нас не предпринял бы по доброй воле. Едва ли оно кончится благополучно. Но если мы хотим выбраться, мы должны, чтобы не случилось, стоять друг за друга до последнего вдоха...

– Завязывайте уже с красивыми речами, ваше высочество, – с усмешкой прервала его Роуз. – А то солнце взойдёт прежде, чем вы закончите вашу вдохновительную тираду.

– Что ты за женщина? – насмешливо проговорил он, забрасывая импровизированную суму, сделанную из одеял и веревок, себе на

плечо. – Разве прекрасной даме не полагается вознести молитву всевышнему, чтобы тот охранял нас в пути.

– Я не чувствую себя прекрасной дамой. И чем меньше мы говорим и быстрее идём...

– Тем больше шансов прийти живыми. Ты права. Но всё же положимся на волю бога, пусть направит нас в нужную сторону.

– Я и не знала, что вы так суеверны, ваше высочество.

– Я не суеверен. Просто, как всякий маг, я могу чувствовать Ту Сторону. Ты же – из примитивных. Тебе это не дано.

Судя по тону, он вновь насмехался и подначивал.

– Тогда молитесь за нас обоих. Может быть, ваш бог нас услышит, – вполне серьёзно ответила Роуз.

– Молиться да идти – это всё, что мы можем. У нас кончается вода, а найти её в огромном море песка почти никаких шансов.

Роуз не могла заставить себя об этом думать. В случае неудачи все шансы погибнуть, и хорошо ещё, если не слишком долгой и мучительной...

Ей не хотелось даже мысленно произносить «смерть». Последняя были слишком близко, стала слишком реальной. И хоть вслух она не говорила об этом, про себя она тоже молилась.

Они двигались вперёд молча. Каменистая почва сменилась не песок, в котором всё глубже и глубже увязали ноги. Идти быстро было невозможно. Песок забирался в их обувь, которая была рассчитана на ношение совсем в других условиях, приходилось то и дело высыпать песок, но и это не помогало – Роуз скоро едва могла наступать на содранные в кровь от песка ноги.

Из-за однообразия ландшафта трудно было понять, как далеко они продвинулись вперёд. Кругом царило гнетущее безмолвие, но Роуз готова была за него возблагодарить судьбу. Или богов. Потому что вряд ли что-то хорошее могло подать голос в таком месте.

Они шли и шли, шли и шли, пока на востоке румянцем не вспыхнула заря. Первые вспыхнувшие лучи солнца были желтовато-розового цвета, заставившие звёзды на ночном небе побледнеть, потом лучи стали огненно-золотыми полосами. Луна тускнела, а горная цепь всё четче и четче обозначалась над их головами.

Наступил день, но какое-то время они продолжали двигаться вперёд, пользуясь тем, что остатки прохлады ещё держались в воздухе.

Они плелись вперёд, еле волоча ноги от усталости.

– Я по горло сыт проклятой пустыней! Даже секира палача не заставит меня идти дальше! – с этими словами Айдаган рухнул под навес, образуемой одной из скал. – Пей! – протянул он Роуз бутылку с водой.

Она не заставила себя просить дважды.

Сделав несколько глотков, остатки он отдал девушке:

– Пей до конца. Она всё равно стухнет к концу дня и станет непригодной.

– Но эта последняя вода.

– От протухшей воды, даже последней, толку всё равно не будет. Пей, Роуз.

В пустыне царила мёртвая тишина. Не было даже вездесущих мух.

– Мне сейчас кажется, что мы последние, кто остался на земле. И нет никого и ничего.

– Это всего лишь иллюзия. Отдохни. Станет легче.

С каждой минутой становилось всё жарче. Словно они были в печном горниле. Совершенно измученные, не заботясь больше о том, чтобы сторожить – да и к чему, если в этой песчаной горной долине кроме них не было даже ядовитых змей, – они уснули.

Жара и жажда, то и другое дикое. Солнце пропекало всё, насквозь. Роуз казалось, что его палящие лучи вытягивают из неё кровь, заставляют её кипеть в жилах. Будто она – это кусок филе, который коптят над костром.

Жгучие, дрожащие струи воздуха, поднимающиеся вверх, были видны глазу.

Время тянулось невыносимо медленно. Роуз то проваливалась в сон, похожий на бредовое забытие, то вновь возвращалась в жуткую реальность, задыхаясь от недостатка воздуха, но и этот, самый длинный в жизни день на её памяти, начал, наконец-то, клониться к концу.

– Нужно идти дальше, Роуз, – произнёс Айдаган хриплым голосом, как только взошла луна.

Совершенно обессиленные, изнывая от мучительной жажды (голода ни один из них не чувствовал, хотя оба не ели уже почти сутки), они уже не шли, а тащились дальше, шатаясь из стороны в

сторону, точно пьяные. Временами Роуз падала от полного изнеможения. Ей мерещилась вода – потоки воды.

Нужно было остаться в пещере. Может быть, они бы умерли там, когда пришла бы Тёмная Ночь или как там назывались эти дни на Проклятой Земле, но хотя бы не испытали тех мук, которые переживали теперь.

Смерть неминуема и это правда, но ведь приходит она по-разному. Нет смерти без мук, но степень муки разная.

– Я больше не могу...

– Роуз, ты храбрая, самая храбрая и сильная из всех женщин, которых я встречал. Ты сможешь. Я знаю.

– Я не могу!

Она выдохлась. Совершенно выдохлась – и физически, и душевно. Не оставалось воли к жизни.

– Смотри, вон там холм. Нам нужно добраться до него. Это уже недалеко.

– И что будет за тем холмом такого, чего нет здесь: песок, солнце и горы?

– Там может быть вода...

– Ну так иди, если сможешь...

Роуз рухнула на землю, закрыла глаза и увидела – воду. Во сне она купалась в реке, окаймленной зелёными берегами. Рядом была Анабель, весело хохочущая. Её родное Семилесье...

Открыв глаза, Роуз с удивлением поняла, что лежит в воде и её иссушённая солнцем кожа впитывает в себя целительную влагу. С удивлением приподняв голову, она обнаружила, что Айдаган опустил её в нечто, похожее на каменистую чашу, куда с вершины холма стекала струйка воды чёрного цвета. Несмотря на её непривлекательный вид, сам Айдаган, лёжа на животе, пил эту неаппетитную жидкость с таким видом, словно дорвался до самого дорогого вина.

Она его отлично понимала. Барахтанье в грязной луже ей казалось лучше в жизни ванной, которую только удалось принять.

Смерть вынуждена была отступить на несколько шагов. На этот раз они выиграли ещё несколько дней или даже часов... но в схватке со смертью даже минуты имеют значения.

Около воды они провели, отдыхая, весь остаток дня.

– Эта Проклятая Земля такая странная. Откуда посреди песка и камня взялась вода? – задалась вопросом Роуз. – Не то, чтобы я жаловалась, на самом деле это похоже на чудо. Будто боги взяли и сотворили его ради нас.

– Проклятая Земля – земля чудес, но их никто ещё не называл светлыми. Наверное, под землёй есть небольшой источник, запитывающий это маленькое озеро. Других объяснений не нахожу.

Наполнив бутылки водой, они продолжили путь, как только свечерело и шли без остановки почти всю ночь. К рассвету пришли к слону горной гряды, которую изначально наметили себе, как цель. Снеговая линия, лежащая высоко на шапках, внушала надежду и оптимизм, но... она была очень высоко.

На этот раз Айдаган не ограничивал их в воду, но Роуз сама старалась не пить слишком много воды, боясь, что запасы пополнить придётся нескоро.

Передохнув, они принялись карабкаться по склонам вверх. Всё гигантское подножие скалы состояло из наслоённой лавы, извергнутой вулканами в прошлый раз. Лава кое-где была тёплой и Роуз представлялось, что она не остыла после извержения, хотя она понимала, что она, скорее всего, успела разогреться на солнце.

Русло лавы отвердело, было крутым и неровным. Больными, исполосованными песком, ногами, было мучительно по нему ступать, но выбора не оставалось.

Роуз была уверена, что никогда в жизни ей не приходилось столько терпеть. До встречи с Лейнором Айдаганом она вообще не знала суть, смысл и значение слова «терпение» – теперь-то она это понимала.

Лейнор... сейчас он вовсе не выглядел тем щеголеватым красавцем, каким запомнился в первую встречу. И он, при всех его недостатках, не был ни слабаком, ни трусом. Роуз начинала смиряться с его присутствием в её жизни. Интересно, как бы сложилась её жизнь, найди она любой предлог, чтобы не оказаться на том турнире? Принц сейчас шагал бы этой пустыне в гордом одиночестве?

Очередным поводом для отдыха стала маленькая площадка, покрытая зеленью. В разложившуюся лаву непонятно каким образом и откуда нанесло семена, но зелень давала не только тень – там нашлись вкусные, большие фрукты, растущие прямо из земли. Роуз никогда

таких прежде не ела, но их розовая мякоть была сладким нектаром. Даже будь она не так голодна, эти плоды пришлись бы ей по вкусу. Эти фрукты оказались настоящей находкой, ведь они в известной степени равно утоляли и голод, и жажду.

Скоро жара перестала докучать. Чем выше они поднимались, тем прохладней становился воздух, что было немалым облегчением, но, вместе с тем, подъём становился всё круче и сложнее.

До сих пор в своих блужданиях по каменисто-песчаной пустыне они не встретили ни одного живого существа. Не было ни птиц, ни зверья. О рыбах говорить не приходилось, ибо не то, что реки или речушки – ни родника.

От неминуемой гибели от обезвоживания их спасали всё те же странные фрукты, произрастающие из земли.

Необходимость идти ночами, чтобы не умереть от жары, отпала. Вершины скал заставили их трястись от холода, от которого не спасали даже одеяла, в которые превратились импровизированные рюкзаки, что до этого Лейнор нёс за плечами. Когда они поднялись наверх, чувство голода стало непереносимым. Роуз даже ела снег, несмотря на протесты Айдагана, который переживал, что она может простудиться.

Правда, потом он и сам следовал её примеру. Они не говорили об этом, но в глубине души уже не надеялась выжить и двигались вперёд даже не из упрямства – просто сидеть и ждать смерти – это как-то... и трусливо, и, как не глупо прозвучат, скучно. Оба, не говоря ни слова, решили бороться до последнего. Что не делай в жизни, это бой. А сражаться нужно либо до победы, либо пока не рухнешь, сражённый.

– Даже когда всё плохо, всё равно отыщется что-нибудь хорошее, – с сарказмом говорил Айдаган.

Возможно, это был его способ подбодрить Роуз? Или ему надоела постоянная гнетущая тишина, в которой слышался лишь звук их надрывного, чуть хриплого, дыхания.

– Ты только смотри, какой отсюда вид? За нами раскалённая пустыня, перед нами – занесённые снегами пространство. А если взглянуть вон на те горы, то можно увидеть женские груди.

– Что?.. – с недоверчивым изумлением взглянула на него Роуз. – Вы это серьёзно?

– Вполне. Сама взгляни. Вон на той даже сосок есть.

– У мужчин странно устроены мозги. Мы умираем от холода и голода, а вам мерещится в очертаниях гор женская грудь?

– У меня всегда было богатое воображение.

– Извращённое воображение, – поправила его Роуз.

– Богатое, – настаивал Айдаган.

– По счастью, судьба не одарила меня таким же. И в, возможно, мой предсмертный час видение мужских пенисов, изваянных в камне и прознающих небеса, меня не преследуют, – вздохнула Роуз. – Вот если бы можно было сказать тоже самое о голоде и холоде.

Они оба представляли собой жалкое зрелище: отощавшие до состояния скелетов, еле-еле волочащие неподъёмно тяжёлые ноги по сверкающей снежной равнине.

– Сколько дней мы уже идём? Около недели? Сколько может человек пройти за это время?

– Много. Но, боюсь, недостаточно, – с усталым вздохом произнёс принц.

Хотя... какое теперь имеет значение кто из них – кто? Хороша и из неё графская дочка. Их кости останутся белеть на вершине. А на что они будут похожи до этого, Роуз думать не хотелось.

– Осторожней! – подхватил Роуз под локоть Айдаган, не давая девушке угодить в нечто, похожее на дыру, чернеющую в снегу.

– Что это? – испуганно прошептала она. – Расселина? Или – обрыв?

Айдаган покачал головой:

– Больше похоже на пещеру.

– И что это может для нас значить?

– Возможность согреться и отдохнуть. Давай спустимся и оглядимся.

Роуз покачала головой:

– Каждое промедление приближает нас к смерти.

– Ни к чему оно нас не приближает.

– И всё же я предпочти идти вперёд. Если я сяду, никакая сила подняться меня уже не заставит.

Солнца было так много, но оно почему-то совсем не грело и Роуз чувствовала, как последние остатки тепла испаряются из её тела.

Пройдя ещё около пары милей, они подошли к краю горного плато. Поначалу рассмотреть, что там, под ними, не представлялось

возможным, потому что туман заволок всё вокруг, но когда его слои поредили, то, что открылось взору, наполнило сердце неистойой радостью.

Ниже них шагов на пятьсот-шестьсот, в конце нижнего склона, лежала очередная зелёная луговина, по которой струился настоящий зелёный лучей. Но не это была самым прекрасным – у самого потока, купаясь в лучах солнца, стояло несколько шёлковых шатров. Рядом с шатрами стояла кучка людей. Все они были высоки ростом и, насколько Роуз могла судить с такого расстояния, обладали южной внешностью: тёплым оливковым тоном лица, чёрными волосами. Одеты они были в тёмные шерстяные туники, на плечах их лежали алые плащи. На дикарей обитатели шатров никак не походили.

Роуз бросила на Айдагана вопросительный взгляд. Его лицо оставалось спокойным, но она поняла, что он доволен.

– Мы спасены, – сказал он, поглядев на неё с улыбкой.

– Спасены?

– Да. Это люди моего брата.

– Но... что они здесь делают?

– Логично предположить, что ищут меня?

– Мир велик. Как они могли так быстро вас отыскать?

– К услугам моего брата лучшие маги моего королевства. А у нас с ним одна кровь. Так что... на наше счастье, теперь мы точно выберемся. Но что с тобой? Ты не рада?

– Рада? – переспросила Роуз. – Да, конечно, я рада... просто ошарашена. То, что я чувствую, похоже на облегчение. Будто в меня с плеч упала одна из окружающих нас гор.

Принц засмеялся.

– Осторожней, мой принц. Эти горы не любят человеческого смеха.

Роуз вздрогнула, оборачиваясь на прозвучавший низкий голос, отдающий музыкой.

Перед ними, в красном, с головы до пят, стоял молодой мужчина в просторной мантии из огненного шёлка, с прорезями на рукавах. Волосы у него тоже были огненные. Не рыжие, а словно бы из полированной меди. Кожа, безупречно гладкая и белая, как у мертвеца. И глаза красные, будто наполненные кровью.

– Хатийм! Друг мой! – радостно распростёр руки принц Айдаган на встречу незнакомцу.

– Ваше высочество! – изящно склонившись, незнакомец коснулся лбом протянутой руки.

Роуз, которая привыкла к Айдагану настолько, что он начал ей казаться чем-то обыденным, чувствовала себя странно. Незнакомец показался ей опасным, странным и важным. И то, что он проявлял знаки подобострастия к её спутнику, возвращало её в реальный мир, где Лейнор Айдаган был вторым лицом в своём государстве и пока что единственным наследником престола.

– Когда блуждает в горах, нужно внимательно смотреть, куда идёшь. Снега обманчивы, как зыбучие пески и могут поглотить принцев с такой же лёгкостью...

– Как и любого другого плута, – с обаятельной улыбкой закончил за него Айдаган. – Я с радостью выслушаю все твои наставления, мой друг, но, как ты можешь заметить, мы измучены, истощены и замерзли. Я был бы благодарен тебе за возможность поскорей покинуть это негостеприимное место. Уверен, в шёлковом шатре вести беседы как будет в разы приятнее.

– Конечно, мой господин.

Когда пальцы Красного Колдуна цепко сжались на её запястье, Роуз лишь плотнее сжала зубы. А потом у неё возникло такое чувство, будто её толкнули в пропасть, и она падает.

Сердце совершило в груди кувырок, виски заломило и Роуз потеряла сознание.

Глава 18. Извержение

Первое, что ощутила Роуз, придя в себя – ей было волшебным образом абсолютно комфортно. Тело наслаждалось прикосновением мягкого одеяла, под головой была самая настоящая подушка. Открыв глаза, она с удивлением увидела перед собой то вздымающийся под ветром, то опускающийся полог – будто кто-то невидимый вдыхал и выдыхал воздух. Потом в памяти ожили последние секунды перед беспамятством: красный колдун и караван, высланный на поиски принца Айдагана.

Повернув голову, она увидела рядом с собой поднос, на котором стояли тарелки со снедью и глиняный кувшин с прохладной водой. Жажда и голод напомнили о себе и Роуз с удовольствием проглотила еду и питьё.

Она обнаружила что, пока она была без сознания, её переодели в простое платье, совершенно без изысков. Рядом с ложем стояли плетеные сандалии, на соседнем трёхногом табурете лежала накидка, которую, должно быть, следовало набрасывать на себя сверху, на манер плаща.

Ворвавшееся в шатёр дуновение дало знать, что её уединение нарушено.

Принц успел вернуть себе царственный вид. От знакомого Роуз бродяги-спутника остался лишь бронзовый загар на коже.

– Ты, наконец-то пришла в себя, – проговорил он, приближаясь плавными и мягкими шагами, опускаясь на одну из пушистых мягких шкур, отлично выделанных, которыми была застлана земля в шатре. – Я рад. Ты выглядишь лучше. Лекарь выражал опасения, что твоё состояние может ухудшиться.

– Как долго я спала? – поинтересовалась Роуз.

Она избегала взгляда Айдагана. Теперь, в своих чёрных одеждах, он напоминал ей того жестокого, надменного незнакомца, не знающего милосердия, каким она встретила его на корабле.

– Около четырёх дней. Ты была очень истощена и, к сожалению, успела схватить простуду. Просто счастье, что моим людям удалось отыскать нас именно теперь. Не случись этого, ты могла бы погибнуть.

- Неужели всё это время мы не двигались с места?
- Увы, такой роскоши мы не могли себе позволить. Пришлось двигаться вперёд, потому что до Затмения всё ближе.
- Сколько?
- Сложно сказать. Оно всегда начинается внезапно, иногда чуть раньше, иногда чуть позже, никогда день в день. Но у него всегда есть предвестники.
- И как далеко мы продвинулись к цели?
- Осталось несколько дней пути. Немного. Надеюсь, что всё обойдётся.

Роуз испытала чувство приятного облегчения, осознавая, что какую-то часть пути она проспала, пребывая в счастливом неведении об опасностях этого мира.

- Каковы наши дальнейшие планы?
- Достигнуть Чёрного Побережья до начала Извержения и торопливо отчалить от негостеприимного берега.
- Звучит неплохо и кажется достаточно простым в исполнении. Надеюсь, на практике это окажется не сложнее, чем на словах.
- Очень на это рассчитываю, – улыбнулся принц одними губами. В глазах его улыбка не отразилась.

Ничего удивительного. То, что в первый момент показалось Роуз спасением, было лишь отсрочкой. Да, теперь они с Атайроном не шли пешком, а передвигались на выносливых животных, что чуть крупнее лошадей и горбаты, как карлики, и рядом были готовы услужить люди. У них было больше запасов воды и еды, они точно знали, в каком направлении нужно двигаться, но...

Бескрайние каменистые пески никуда не делись. Они по-прежнему окружали со всех сторон. В этой серо-красной пустыне почти не было ни воды, ни корма – для людей и животных. Высокие горы по краям, а в середине продуваемое неустанно дующими ветрами узкое каменистое русло, похожее на русло пересохшей вчистую реки. Кое-где пучками и скал торчала сухая трава, которую их выючные звери поглощали с суетливой жадностью. Ни родников, ни колодцев, лишь мелкие стоячие пруды, высыхающие под без устали палящим раскалённым солнцем.

«Если бы люди Атайрана нас не отыскиали, мы были бы уже мертвы», – не сомневалась Роуз.

Всё, что окружало их – песок, глина, камень. Лепёшки и запасы вяленого мяса у их каравана были уже на исходе.

Принц голодал и терпел нужду вместе с остальными своими людьми, но Роуз получала воды и еды вдвое больше других людей. Если кому-то такой расклад и не нравился, никто не смел возражать вслух, а смотреть косо на девушку осматривались лишь украдкой. И то – немногие. Роуз – молодая и прелестная девушка, наложница их принца, по мнению большинства, заслуживала особого отношения.

Но, несмотря на особенное отношение, Роуз худела день ото дня. Вскоре её тело стало твердым, как скалы, взявшие их в кольцо.

– Ты говорил, что до спасительной гавани осталось несколько дней, но мне кажется, или мы идём дольше? – обратилась Роуз к Атайрану, когда он поравнялся с ней на одном из бесконечных переходов. – Может ли быть так, что мы заблудились?

– Исключено. Хатийим знает дорогу.

– Только вот можно ли доверять этому Красному Колдуну?

– Я вырос рядом с ним и до сих пор он никогда не давал повода сомневаться в своей верности. Да и к чему ему предавать меня? Ведь в случае чего, он умрёт вместе с остальными.

Роуз не могла себе этого объяснить, но красноглазый колдун вызывал у неё чувство острой неприязни. Даже большей, чем сам Атайран. Колдун был исключительно вежлив, не выказывал неприязни или неуважения ни словом, ни жестом и всё же она нутром чувствовала его враждебность. Не могла её объяснить, не хотела выискивать причину, но кожей ощущала леденящее прикосновение неприязни, едва ли не ненависти.

– Иногда мне кажется, что это – дорога в ад. Семилесь, Бэйр, даже водопад у побережья с голубой водой и жёлтым песком отсюда кажутся всего лишь сном. Есть ли у этой дороги конец? Есть ли край у этой каменистой пустыни?

– Есть, – уверенно ответил Лейнор. – Мои люди искали нас и прибыли сюда на корабле. Туда же мы и вернёмся. Очень скоро. Потерпи ещё немного, любовь моя.

Лицо принца выглядело таким же бледным и измождённым, как и у всех.

– Наш пусть оказался труднее, чем я предполагал, но конец уже близок.

Ближе к вечеру они отыскивали обжигающе горячий пруд. Вода в нём пахла серой и бурлила, словно закипала. Купаться было приятно, а вот пить...

Но и Атайрой, и Хатийм заверяли, что, несмотря на неприятный запах, вода пригодна к питью. Жажда настаивала на то, что выбирать не приходится и все подчинились.

Пока рыцари-гвардейцы разбивали палатки, устанавливали шатёр для принца, поили коней и разводили на ночь костры, Роуз, с наслаждением выкупавшись, присела на берегу. От тёмной воды испарялись нити белой дымки, создавая впечатление, что это духи выныривают из глубин, чтобы подняться в небо.

– Озеро Духов и Земля Костей, – услышав мягкий тихий голос, Роуз вздрогнула.

Красный Колдун стоял в трёх шагах от неё. Тело его скрывал красный шёлк, оставляя неоткрытыми лишь кисти рук и бледное лицо с красными глазами.

– Простите.

– За что? – Роуз нервно заправила прядь волос за ухо.

– За то, что напугал вас.

– Меня пугаете не вы, а эта бескрайняя, на закате кажущаяся залитой кровью, пустыня. Ей кажется нет края.

– На свете всё имеет свой край, миледи, – спокойно возразил колдун, глядя на Роуз непроницаемо алыми глазами. – Счастье и несчастье, жизнь и, говорят, даже смерть. Пустыня не исключение.

Отвернувшись, Роуз упрямо сжала губы. Взглянув на пламенеющее небо, она подумала, что не затем прошла пешком чуть ли не весь континент, не затем пережила потерю любви и унижение, босиком измеряя раскалённые пески и ледяной снег, чтобы позволить себя напугать какому-то скользкому типу с красными глазами.

В его словах не было даже намёка на угрозу. Бояться совершенно нечего.

Усыпала Роуз быстро. Стоило только прилечь. И эти короткие часы сна были лучшими, что случалось с ней в этом переходе.

Навязчивый гул слился со сновидениями. Роуз снилось, что медведь, которого некогда убил Вольф Бэйр прямо у неё на глазах, вернулся и преследует её. Она бежит от него босиком по горячему

песку, сбивая в кровь ноги, замирая от ужаса – во сне он был мертв, но преследовать свою жертву ему это не мешало.

Она упала, а дышащая зловонием пасть наклонилась к самому лицу Роуз и ощерившись, издала грозный рёв, заставивший девушку пробудиться.

Сердце её от испуга колотилось слишком сильно. И осознание того, что звук не прекратился с исчезновением сновидения не придавал уверенности. Вокруг всё ухало и стенало, а земля качалась под ногами. И люди, и звери – все издавали пронзительные, истошные крики. Грохотали камни.

Роуз, путаясь в простыне, липнувшей к ногам, с ужасом увидела, что один край шатра опал и его начал лизать огонь. Она не стала пытаться остановить пожар, справедливо рассудив, что вряд ли это сейчас может быть важным. Она метнулась к выходу.

Первое, что увидела она, выбравшись из шатра, было огненное марево на фоне чёрного неба и нечто, напоминающее стремительно приближающуюся тучу.

Пруд, в котором она купалась несколько часов назад, был пуст. В нём не осталось ни капли воды. А в воздухе отвратительно пахло стухшими яйцами, при этом запах был так силён, что Роуз закашлялась.

Лошади и их горбатые собратья истошно вопили и рвались с привязи. Те, кому удалось сорваться, неслись, куда придётся, не разбирая дороги, сбивая с ног людей.

– Миледи! – один из рыцарей схватил её за руку, едва ли не вытаскивая из-под копыт коня. – Осторожней.

– Что случилось?! – прокричала Роуз, пытаясь перекрыть общий гвалт голосов, истошный визг животных и оглушительный грохот, несущийся с небес.

– Чёрный Час, миледи! Он начался. Теперь никому не спастись!

Договорить он не успел. Сорвавшийся откуда-то сверху камень сбил его с ног, размозил голову и придавил к земле. Роуз в шоке смотрела на то, как судорожно дёргались его ноги.

Ужас, желание помочь и осознание того, что его не спасти – никого не спасти, на мгновение парализовали её. Камень, расплющивший рыцаря, был как первая капля дождя – потом каменистый град обрушился на них со всех сторон. Все звуки, кроме

низкого гула из мира исчезли полностью, а гул нарастал и ширился. Земля вибрировала под ногами, воздух дрожал и уплотнялся до такой степени, что дышать с каждым вздохом становилось трудней.

Ужас, подобно которому Роуз испытать ещё не удавалось, заполнил всё её существо. Бежать было бесполезно, бежать было некуда – всюду гибли люди и звери. Всюду, куда не ступи – смерть. Ей приходилось глядеть в лицо, и от этого сердце кувыркалось в груди и это было так мучительно, что ты готов сдаться. И в тоже время готов бежать, как бежит курица с оторванной головой – вперёд, пусть и бессмысленно.

Роуз сорвалась с места и побежала, как бежали и другие. Среди густо падающего, как снег, раскалённого пепла, шапок огня, острых камней. Каждую секунду ожидая, что один из этих природных снарядов попадёт в неё, прервав мучительную бессмысленную агонию вместе с тем отчаянно молясь, чтобы хотя бы ещё пару мгновений, пару секунд, пару вздохов этого не случилось.

Несколько раз что-то свистело совсем рядом, но, даже если она и была ранена, Роуз этого не чувствовала. Чёрные клубы дыма стали такими густыми, что ничего не было видно. Лошади больше не кричали, не слышно было стука копыт и никого из людей...

«Неужели я одна всё ещё жива?», – пронеслась в голове мысль.

Словно в ответ на неё и огненно-чёрного смерча ей навстречу шагнул Айдаган. Его светлая рубашка и волосы были залиты кровью.

– Роуз!

Она едва ли не бросилась ему на шею, кажется, рыдая. Пусть принц и не сможет её спасти, но всё не умирать в одиночестве!

Схватив девушку, принц подтянул её к себе, обнимая:

– Слава богу! Ты жива!

«Явно ненадолго», – только и успела она подумать, как земля под ногами пошла трещинами, из-под которых вверх вырвались огненные языки пламени.

– Я... мне жаль, что я...

– Не говори ничего! – сказал принц, прижавшись на миг к её лбу горячими губами.

– Но потом я не смогу сказать... я... я больше не ненавижу вас, правда. Я вас простила.

– О! Несказанно счастлив знать это. Но от «я вас простила» до «я вас люблю» – ещё несколько лиг пути. Так что умирать сегодня я не согласен.

– А так можно? Просто не согласиться?

Как это странно. Стоять и перебрасываться язвительными репликами уже шагнув в пасть к смерти. Эти огненные трещины – её зубы, сейчас они сомкнутся и всё кончится. Но почему-то, когда Айдаган её обнимает, это не кажется таким уж ужасным. Несколько секунд назад всё было гораздо страшнее.

– Мой принц! Что вы делаете?! У нас не остаётся времени.

Красный Жрец или Красный Колдун словно материализовался рядом.

– Как вы могли так рисковать?!

– Я должен был найти Роуз, – сказал Айдаган, словно это всё объясняло.

– В королевстве сотня тысяч женщин на любой вкус, но наследный принц у нас только один! Если у вашего брата не будет наследника, то вы последний в своей линии. Как вы могли так рисковать?!

– Довольно. Мне кажется, что вот прямо сейчас мы уже совершенно бесполезно теряем драгоценные секунды.

– Нам придётся оставить эту девушку здесь, – заявил колдун, и его подбородок упрямо поднялся вверх.

– Нет, – мягко, но твёрдо ответил принц.

– У меня не хватит сил на то, чтобы перенести нас троих. Тёмное Пламя! У меня нет уверенности, что я нас двоих смогу спасти! Я не всесилен. Мои силы ограничены.

– Будь что будет, Хатийм. Мы либо спасёмся, либо нет.

– Я не могу взять на себя ответственность...

– И не надо! – впервые за время их знакомства повысил голос принц. – Пусть она будет на мне.

Красный Колдун замолчал, с ненавистью взглянув в сторону Роуз.

– Хорошо. Пусть будет по-вашему. Встаньте в круг и дайте мне руки.

– Роуз, обними меня как можно крепче, любимая. Можешь прямо за шею, но лучше прямо за талию. И держись как можно крепче.

Роуз, проглотив вопросы, для которых точно было не время, отбросив протесты, сомнения и всё прочее, подчинилась без лишних слов.

С упрямым выражением Айдаган протянул обе руки к колдуну. Тот с гневным выражением лица взял принца за руки, а сама Роуз оказалась между ними, в кольце их рук.

Ледяной поток ветра с одной стороны, горячий, словно из огненной печи, с другой, взвихрились вокруг и в небо устремился световой столб, в котором переплелись синий и алый лучи.

Роуз никогда не испытывала ничего подобного и от всего сердца надеялась, что никогда больше и не испытает. Она впервые почувствовала, что значит быть ниткой, которую протаскивают через угольное ушко слишком маленького размера.

Ей казалось, что огромный поток, похожий на речное течение, влечёт вперёд, только этот поток был огненный. А потом всё закончилось. Мир вновь обрёл твердость привычных очертаний.

Колдун, надрывно и надсадно кашляя, плавно осел на землю. Его трясло.

– Держись! – подхватил его за талию Айдаган, забрасывая почти безвольную белую руку в алом шёлке себе на плечо. – Роуз?.. Следуй за мной. Не отставай.

Полностью дезориентированная девушка плохо понимала, что происходит. Только что они были в одном месте, а теперь... они стояли на каменистом берегу, со всех сторон овеваемом чёрными ветрами. Волны, ходившие туда и сюда по-чёрному, потемневшему бурному морю, были достаточно высокими.

Высокий человек в чёрном плаще выдвинулся им навстречу из тёмной пелены ветра, дождя и пепла.

– Ваше Высочество! – прокричал он. – Сюда! Быстрее!

– Помогите ему.

Спихнув колдуна на руки незнакомцу, Айдаган крепко схватил за руку Роуз и с силой повлёк за собой. Поняв, что они движутся к лодке, Роуз, совсем обезумев, попыталась сопротивляться:

– Нет!

– Что?.. – обернувшееся к ней лицо принца было искажено. – Ты с ума сошла? Сейчас не до капризов.

– Только не в лодку, умоляю вас! Я не вынесу, если мы снова вернёмся в море!

Лицо его на мгновение смягчилось:

– Ты же умница, Роуз. Я понимаю, что ты напугана и всё, что творится вокруг – сущее безумие. Но у нас нет другого пути – только так. Давай, милая. Возьми себя в руки. Времени на слабости и истерики попросту не осталось.

Если уж умереть, то лучше сделать это на твёрдой земле. Море безумствует, оно огромное, лодка – такая крохотная и маленькая.

«Я не могу!», – хотелось крикнуть Роуз, но слова замирали на губах.

Она, не сопротивляясь, позволила Айдагану усадить её в лодку. Мужчины изо всех сил налегли на вёсла.

– Возьми ковш и вычерпывай воду со дна лодки, – распорядился Айдаган и Роуз покорно исполнила его приказание.

Мир вокруг обезумел. Она слишком устала, чтобы бороться. Но всё же, даже в насквозь мокром и продуваемом всеми ветрами пространстве, посреди вскипающих волн, когда у тебя есть дело – всё переживать легче.

Роуз сосредоточилась на воде, которой становилось всё больше на дне лодке, готовой вот-вот дать течь. Она вычерпывала воду, та снова прибывала, а она вновь её вычерпывала.

А потом перед ними неожиданно вырос корпус корабля. В своём странно изменённом состоянии сознания Роуз восприняла его как очередное испытание. Всё вокруг то поднималось, то опускалось и подниматься по сходням в такой свистопляска на корабль казалось немыслимым.

– Я не смогу, – покачала она головой.

Руки её оледенели, грудь разрывалась от избытка ветра, заполненного пеплом, в ушах стояла отдалённая канонада взорвавшихся вулканов.

– Конечно, сможешь, – мягко возразил принц Лейнор. – Ты же сильная. Мы столько прошли, ты одолела ледяные горы, раскалённые камни. И солёные волны, между прочим, тоже – они однажды нам уже покорились. Давай, милая. Последнее усилие...

Путь вверх, по мокрым холодным, скользким сходням, казался мучительно долгим и почти непреодолимым. Но воля к жизни (и

просто сила воли) оказались сильнее. И пусть казалось, что длилось их восхождение целый век...

– Ваше высочество, несказанно счастлив видеть вас, – приветствовал принца один из бесконечно безликих людей под чёрным капюшоном, в чёрных непромокаемых плащах.

– Жаль только, что вместе со мной спастись удалось немногим, – с горечью проговорил Айдаган. – Отведите девушку в мою каюту. Предоставьте ей всё самое лучшее, как моей почётной гостье. А мастера Хайтима отнесите в его каюту, ему необходим покой и отдых.

– Как прикажете, мой господин.

Роуз аккуратно подхватили под руки и через несколько шагов она почувствовала себя в раю – рукотворные стены скрыли её от ветра и волн, от страшного зарева на ночном небе, от криков людей – не гибнущих, а занятых работой на пределе своих возможностей.

Роуз понимала, что она не в безопасности. Но в последние дни бесконечных блужданий она усвоила ещё одну истину: безопасность лишь иллюзий. Опасность повсюду. Нужно уметь насладиться жизнью, пока можешь. Таим, где можешь. А после пустыни, камня, воды и снега оказаться в каюте, обставленной со всей роскошью и комфортом, доступными современной цивилизации – это ли не блаженство?

Каюта на это корабля была даже больше по размерам, чем предыдущая. И в разы богаче обставленная: кровать застилали пуховые перины и меха. Несколько жаровен обеспечивали тепло в холодные ветреные ночи, подобно этой. У окна стоял стол с тонко отточенными перьями и чернильницами. Рядом с ними стояли вазы со свежими фруктами – сливами, грушами и виноградом, а также штоф вина и набор серебряных кубков.

Взгляд Роуз скользнул по сундукам, большой арфе в углу, игровой доске и целому арсеналу оружия. Принц ни в чём не любил себя стеснять, слуги были рады ему услужить.

«Те, кто разыскивал нас на Проклятой Земле, остались на ней», – подумалось как-то отстранённо. Роуз с горечью поняла, что эта мысль не вызывает в неё должного ужаса – она так устала, что не могла переживать. Ей было плевать на то, что она вся в пепле и в песке. Пока не кончится буря, вряд ли стоит рассчитывать на то, что кто-то

наполнил для неё горячей водой ванную из дерева и меди, стоящую за экраном, расписанным райскими птицами.

Взобравшись на мягкое ложе и зарывшись в пушистые тёплые шкуры, Роуз позволила себе провалиться в сон. Смысл продолжать бороться? Если суждено утонуть, то лучше во сне – так страданий и переживаний меньше. Тем, кто управляет этим кораблём, не нужны её переживания и страхи, так смысл себя изводить.

Корабль раскачивался, как большие качели. Хорошо, что она не страдала морской болезнью. С этой мыслью Роуз погрузилась в тяжёлый, но целительный сон.

Глава 19. Во дворце принца

Словно устав проверять их на прочность, судьба-лиходейка решила уgomониться. Остаток путешествия прошёл в спокойствии и без происшествий. Волны если и вздымались навстречу их кораблю, то скорее лёгкие и игривые, а не чёрные и злодейские. После захода солнца ежедневно поднимался ветер, дул всю ночь в паруса, подгоняя их к берегу, но ровно, так, что от него вода почти не морщилась, а не то, что вздымалась. Случалось, после полудня, на воде залегала мёртвая тишина. Но вскоре ветерок вновь поднимался и начинал гнаться за солнцем, подгоняя корабль.

На шестой день пути, выйдя на палубу, Роуз увидела, как к морю медленно подступают горы. Повернув носом вдоль берега, корабль продолжил плыть, не спеша приставать к негостеприимным берегам. Тянулись длинные ущелья, иногда уступая место чащам и лесу на горных склонах. Потом потянулась долгая песчаная коса плоской равниной. Порой, опираясь рукой на поручень, она могла любоваться конями, что паслись на полях жёлтых злаков, подступающих к самой солёной воде.

Новый край не был похож на родину Роуз, родное Семилесье. Не походил он и, слава богам, на Проклятые земли. Земля, открывшаяся её взгляду, была полна противоречия: скалы, остро поднимающиеся к небу, упирались в небеса ледяными перстами, покрытыми беспредельно снежным панцирем, холодным, как безнадёжность и белым, как волосы Айдагана. От ледяных вершин веяло смерть. Но у их подножия лежали зелёные холмы и равнины, на которых так и кипела жизнь.

Земля приближалась, от берега дул ветерок, развевающий волосы. Роуз, подставляя лицо горячему дыханию южного озорника, вспоминала всё то немного, что знала об этом крае и его правителях. О них говорили много, но дома она привыкла относиться к этому, как к сказке. Интересно. Занимательно и — можно тут же выбросить из головы. В жизни не пригодится.

Вот пригодилось.

Старший брат Лейнора Айдагана уселся на трон совсем недавно — не прошло и трёх лет, заняв его после смерти своего отца, грозного царя Хатыя Айдагана. У старого и грозного правителя было три законных сына и пятеро бастардов. Так случилось, что только двое из его сыновей, Иномар и Лейнор, не враждовали между собой. Когда старый царь умер от застарелой и мучительной болезни почек и даже его колдуны ничего не могли с этим поделать, наследовал ему Иномар. По его приказу были уничтожены все его единокровные братья. За исключением Лейнора.

Жестокость никого уже не удивляла. Люди оправдывали действия молодого правителя целесообразностью и заботой о целостности государства. Кто хочет царствовать, тот соперников не терпит. И даже тех, в ком лишь только можно соперника угадать.

Армия, прознав о смерти любимого властителя, поначалу взвыла, потом попыталась взбунтоваться. Но юный царь сумел удержать ситуацию под контролем: одним снёс головы с плеч, других умаслил золотом и серебром. Преданность покупается страхом и выгодой, до известного предела, конечно, но — покупается.

Смуту в придворных войсках вступивший на царство Иномар Айдаган терпеливо переждал. Побузив, воины присмирели и притихли. Иномар отпустил домой взятых в рабство в последней войне его отца пленных, а у вражеских купцов, напротив, забрал имущество и товары, стоимостью которых и возместил все убытки придворным войскам; посулами и подкупам перетянул на свою сторону тех, кого хотел видеть рядом с собой. Тех, кто осмелился открыто противоречить ему, повесил в назидание сомневающимся.

За три с половиной года, убедившись в щедрости и суровости нового царя, страна успокоилась и покорила его воле. Хотя огромное царство, больше напоминающее империю, то тут, то там взрывалась бунтами, в столице жизнь полностью наладилась. Первым признаком благополучия стала крепко налаженная торговля — со всех сторон в Кассию свозили драгоценные товары и самых дорогих рабов.

Во всём, с первых шагов, принц Лейнор поддерживал своего старшего царственного брата, был его правой рукой. Иномар ценил своего младшего брата, отдавая должное его редкостным способностям, знаниям и достоинствам. Судя по тому, что, не раздумывая послал за ним дорогую экспедицию — души в нём не чаял.

К тому же у Иномара до сих пор так и не было законных наследников. Кроме Лейнора.

Роуз не ждала заступничества со стороны того единственного, кто мог бы ей помочь – со стороны царя Иномара III из династии Айдаганов. Она понимала, что такую мелочь, как маленькая пленница из соседнего государства никого не заставит ужаснуться и восстановить справедливость. Да она порой, и сама не знала, хотела бы вернуться...

Вернуться? Куда ей возвращаться? В отчий дом? Чтобы покрыть его позором? Все забудут, что мужчины не смогли отстоять честь женщины даже с мечом, но станут винить женщину, что она свою честь потеряла. Вернувшись, она словно покроет грязью и позором дом.

От мыслей об этом неприятно щемило в груди и поднимался холодный, как снег на вершинах, гнев. Мир – несправедлив и безумен. Людей воистину без совести и чести он часто прощает, даже превозносит, если он стоят достаточно высоко, чтобы хулить было опасно. Но бедным, слабым, не умеющим за себя постоять надеяться не на что.

Вернувшись к отцу Роуз станет бедной и слабой. Обещанная, она больше не сможет рассчитывать на удачный брак. Если кто и возьмёт её, так какой-нибудь уродливый вдовец. Возможно, с целым выводком от первой жены. И тогда уже детям Роуз в этой жизни рассчитывать точно будет не на что.

Жизнь наложницы ей, при строгом воспитании, казалась невыносимой. Но и вернуться под отчий кров, с учётом всех обстоятельств, перспектива не из весёлых.

Отсутствие выбора в её случае практически решало проблему, но в отсутствие выбора сама Роуз не верила. Выбор на самом деле есть всегда, даже тогда, когда выбирать крайне не хочется. Пока она будет плыть по течению и смотреть, выжидать, сравнивать, а главное – думать. В чём-то принц Лейнор прав – уже сейчас она видела в своей жизни куда больше, чем рассчитывала дочь мелкопоместного рыцаря.

Перед тем, как встретиться с братом, принц Лейнор тщательно готовился сам и для Роуз принесли самое лучшее платье, что только смогли отыскать в сундуках на корабле. С подачи принца они оба несколько часов провели перед зеркалами – принц нарядился в чёрный

бархат, украшенный тонким кружевом. На нём было драгоценностей, что звёзд на небе: цепь на груди, перстни на пальцах и даже в ухе поблескивали бриллианты. В этом сиянии он вновь словно отдалился, Роуз не понимала этой тонкой, нервной, изысканной красоты в мужчинах – такая красота куда больше подходит женщине.

Сама она предпочла одеться просто – в свободно струящееся платье светлых тонов, а волосы, расчёсанные и наполированные до мягкого блеска, украсила венком из своих любимых роз.

Сойдя с корабля, Роуз уселась в паланкин, растянувшись на мягких подушках. Палантин несли шестеро рабов, за ними двигались ещё столько же – они сменяли первых, когда те уставали. Ей должны были доставить во дворец принца, в то время как сам Лейнор отправился на поклон к царственному брату.

Порт окружали узенькие улочки. Роуз никогда раньше не была в большом городе, поэтому его зловонные кучи мусора, потоки нечистот, дым, смрад, шум и теснота – всё было для неё в новинку, едва ли приятную. То и дело её окружали каменные своды, которые потом расходились в стороны так широко, что, приподняв занавеси паланкина можно было полюбоваться площадями, фонтанами и храмами.

Они добирались не один час и Роуз успела порядком утомиться. Но когда они добрались до места, ей пришлось убедиться, что дворец Лейнора воистину великолепен – такой красоты ей видеть ещё не приходилось.

Высокие белые стены окружали дворец с трёх сторон – с четвёртой его омывала река. Ворота были окованы медью и усеяны кованными розами с острыми шипами. Здесь никто бы не посмел сказать, что дворцу не хватает красок – всё было в янтарных тонах. Башни выглядели стройными, фонтаны украшались скульптурами мифических животных и людей.

На ступенчатых стенах дворца росли деревья и цветы.

Встретили её более, чем приветливо. Служанки (для разнообразия так приятно было видеть женские лица!) сняли с неё одежду и отвели в купальню, в центре которого стояла чаша бассейна с тёплой водой, заполняющаяся из естественных термальных источников. Вода была не холодной, не горячей – восхитительно приятной. Но ни богатство вокруг, ни подобострастное отношение слуг, явно желающих изо всех

сил угодить господину, не могли прогнать тучу из её сердца. Роуз снедала тревога, она чувствовала себя даже не пленницей – рабыней. Она была одна и полностью зависела от чужой воли. Да, там в пустыне, Лейнор Айдаган был верным спутником, но ведь и она рисковала жизнь, чтобы вытащить его из пучины. Это ни о чём не говорит. Одиночество страшнее любого врага. Они спасали не столько друг друга, сколько самих себя.

Что будет теперь? Когда они вернулись в реальный мир?

Роуз претило то, что она полностью зависит от воли Лейнора. Захочет, выгонит на улицу без гроша в кармане, захочет – запрет в этих комнатах. То, что ограничивать себя в желаниях он не привык, она видела. Да, потом между ними установилась шаткая дружба, но... но верить ему по-настоящему она не могла.

В дверь постучали. Роуз не сразу сообразила откликнуться.

– Да, войдите, – наконец, опомнилась она.

На пороге возникла улыбчивая смуглая девушка, весьма странно, по меркам Роуз, одетая – в лимонного цвета, шаровары, лёгкую рубашку с короткими рукавами и жилетку, расшитую яркими птицами. Волосы у девушки были острижены, такая причёска вполне бы пошла мальчику.

– Миледи, – с улыбкой, от которых на круглых, как у ребёнка, щеках девушки появились ямочки, проговорила девушка. – Я – Салека. Мне велено вам прислуживать до прихода господина, пока он не отдаст распоряжения по штату ваших слуг.

– Штату? – переспросила Роуз.

Девушка подняла на неё удивлённый взгляд. Глаза у неё были шоколадные, в длинных тёмных ресницах?

– Конечно. Разве женщина принца – не его принцесса?

Роуз постаралась удержать горький вздох. Что она могла ответить? Принцесса? Ха! Как бы не так. Но даже когда она была всего лишь юной мисс Вестерлинг, у неё было несколько девушек в услужении. Легко предположить, что свою фаворитку принц окружит большим вниманием.

– Так вы хотите чего-нибудь? Чем мне порадовать госпожу?

– А что ты умеешь?

– Я могу спеть. Могу сплясать. Могу сыграть на лютне, если ваша светлость предпочитает слушать грустные песни или на мандолине,

если предпочитаете весёлые мелодии. Скажите, вы любите лимоновые пирожные, госпожа?

– Не знаю. Я раньше их не пробовала, – в задумчивости разглядывала незнакомку Роуз.

Она всё никак не могла понять, нравится ей девушка или нет. Задорная, боевая, дерзкая – самобытная, но слишком непривычная. Держит себя так непринуждённо, хотя... наглости в ней не чувствовалось.

– Хотите, я передам, чтобы принесли нам сладости. На террасе в это время суток ещё не так жарко. Мы можем попировать на открытом воздухе. И я сыграю вам, спою балладу, если пожелаете.

Слушать баллады Роуз никогда особенно не любила, но отказываться от предложения компаньонки не стала. Доверять случайным людям глупо, но ведь информацию можно получать, даже болтая о самых невинных вещах. В этом чужом месте, чужой стране ей нужен друг. Или хотя бы человек, который будет лояльно относиться к ней.

– С удовольствием. Я и не знала, что отсюда есть выход на террасу.

Салека небрежным движением руки опустила одну из толстых портьер, за которой, к удивлению Роуз, действительно был выход на высокий балкон, откуда открывался совершенно волшебный вид на море.

– Я и не знала, что оно так близко! – восхищённо воскликнула она. – Но почему же я не слышала ропота волн?

Салека пожала плечами:

– Это всё волшба Хатийма. Нечто вроде заглушки, только магической. Благодаря этой магии мы не слышим не только морские волны, но и крики с базаров. Кажется, что королевский дворец и дворец принца Лейнора самое тихое место на свете.

– Ты обещала нам пирожки и музыку, – напомнила Роуз.

Она рассчитывала, что за едой им будет проще и произвольнее вести беседу. Конечно, её интересовала личность Лейнора. Единственная ли наложница она в этом дворце? Роуз в этом сильно сомневалась. У человека с положением и аппетитом принца наверняка уже были любовницы. И кто-то из них был достаточно влиятелен и силен, чтобы ей следовало опасаться.

Жизнь – это всегда война. Не успеешь закончить один бой, как уже приходится к следующему. И так без конца.

Со стороны может показаться, что она будет сражаться за любовь Белого Принца, но на самом деле она будет бороться за своё существование. За то, чтобы оставаться в этом дворце, есть с красивых подносов и купаться в бассейне с чистой водой, где плавают золотистые рыбки.

«Существует ли на свете мир, – с тоской подумала Роуз, усаживаясь в тени густого дерева и любуясь на цветник с яркими алыми соцветиями, – где женщина может брать то, что пожелает – брать сама. Или во всех мирах, нижних и высших, ей нужен для этого мужчина? Если где-то во Вселенной есть кусок земли, где женщина принадлежит самой себе, вольна идти, куда пожелает, делать то, что пожелает – воистину, это и есть рай».

– Вот и пирожные, госпожа. И халва, пастила, щербет. Угощайтесь, – блестя в улыбке острыми ровными зубками, опустила Салека поднос прямо на землю.

От чайника шёл восхитительный запах.

– Что это?

– Кофе, госпожа. Зёрна специально сначала обжаривают таким образом, чтобы они отдавали свой аромат при варении напитка. Его пьют маленькими глотками, с непривычки напиток может показаться горьким. Чтобы смягчить эту горечь, я принесла все эти сласти.

– Налей мне. Я хочу попробовать.

Взяв в руки маленькую чашку из тонкого белого стекла, Роуз подержала его в ладонях, наслаждаясь моментом.

– Ты давно живешь во дворце? – спросила она Салеку.

– Да сколько себя помню. Мой отец служил принцу почти с самого его рождения. Он обучал его верховой езде и первым азам в военном деле. А мать управляла здешней кухней. Сама она не готовила, но все здешние кухарки знали её горячий нрав и береглись не меньше огня, – засмеялась Салека.

– Я думала, что ты не из этих мест.

– Почему?

– Ну, твой костюм кажется таким необычным.

– Вам не нравится, госпожа? – словно бы огорчилась девушка.

– Нет-нет. Возможно, это я необычна. Легко, будучи чужеземкой, видеть во всех нечто инородное.

– Я слышала, вы из Строгих Чертогов. Так здесь зовут землю с высокими серыми башнями, вытесанными их камня. Я слышала, мужчины там носят на себе много железа и всё время воюют.

– А здесь они не воюют?

– Воюют, конечно. Мужчины, это всегда мужчины – даже если они коты, то всегда найдут повод распушить хвост и вцепиться друг другу в глотки. А те, кто смиренны и скромны – те скучны и любовники плохие настолько, что в их объятиях засыпаешь быстрее, чем в одиночестве. Но вам последнее не грозит. Уж принц Айдаган не из тех, кто заставляет женщину умирать от скуки.

– Ты так хорошо знаешь его высочество? – поигрывая бокалом и не отрывая взгляд от чёрной матовой поверхности напитка, проговорила Роуз.

Салека в ответ лишь хихикнула:

– Я выросла на глазах у принца. Он слишком любил и ценил моего отца, чтобы позволить со мной лишнего. К тому же, я не в его вкусе. Слишком во мне много юга и солнца, а его высочество – вы же видели его? Он сам изо льда и предпочитает холодных и недоступных женщин, вроде вас.

Роуз всё же подняла взгляд на девушку, пытаясь понять, что таится за её словами: насмешливость, как черта характера или тонко заточенная, язвительная шпилька. Так и не поняв, отпила глоток.

Вкус был необычным, но бодрящим. И правда – горьким. Но Роуз понравилось.

«Ты уже служила другим женщинам, что были здесь до меня?», – вертелось у Роуз на языке, но она сдержалась, не успела спросить.

И это к лучшему.

Лукавое выражение сошло со смуглого личика, уступив место почтительности.

Салека поднялась на ноги и, опустив густые ресницы, пробормотала:

– Ваше Высочество?

Обернувшись, Роуз увидела в арке, оплетённой розами, фигуру в чёрном. Выглядел принц довольно... бледным. И она не могла

вспомнить, когда в последний раз он выглядел таким высокомерным и отстранённым.

«Может быть, – подумалось ей снова, – он ждёт, что я тоже поднимусь и окажу ему знаки почтения?».

Наверное, Роуз так и следовало поступить. Мужчины любят, когда женщина раболепствует. Но она словно заледенела изнутри и только смотрела на него.

– Салека, благодарю, что развлекала мою леди, но сейчас можешь быть свободна. Оставь нас.

Разом утратив всю свою дерзость и веселье, девушка выскользнула, каким-то чудом, не запутавшись в занавесках.

Проводил её взглядом, Роуз вновь поглядела на возвышающегося над ней принца.

– До вашего появления, мой принц, она щебетала как птица и даже обещала мне спеть.

– Мне жаль, что я лишил вас этого удовольствия. Ничего. Споёт в другой раз.

Приблизившись тихими шагами, он опустился на землю напротив Роуз. Теперь их по-семейному уютно разделял лишь кофейник и сладости.

– Горькое и сладкое – оно, так или иначе, всегда стоит между нами, – с усмешкой проговорил Айдаган.

– Хотите кофе? Правда, боюсь, он уже не так горяч, как вначале...

– Я это переживу. Налей. Мне никогда ещё не приходилось ничего брать из твоих рук. Приятный, волнующий новый опыт.

Роуз удивилась, обнаружив, что её руки немного дрожат. Но всё же она не пролив ни единой капли, протянула принцу его чашу.

– Ваш кофе, сударь.

– Благодарю.

Он смотрел на неё с лёгким прищуром:

– Вы сегодня совсем другая, Роуз. Совсем не похожи на ту девушку, что делила со мной тяготы пути.

Она улыбнулась и на этот раз улыбка была вполне искренней:

– Правда? Это отлично! Значит, не я одна каждый раз имею дело с незнакомцем. Вы, тот, которого я увидела на турнире и тот, каким были на корабле – вы были совсем не тем, с кем я выживала в Проклятых

Землях. И сегодня вы не тот, и не другой. И мне снова придётся учиться...

– Учиться – чему?

– Жить подле вас.

Его взгляд словно потяжелел и сделался холодней на пару градусов. Что такого она сказала, чтобы вызвать подобную реакцию?

– Вам этого бы хотелось?

– Чего именно? – уронив нить разговора, Роуз не сразу сообразила, о чём он говорит.

– Остаться подле меня? Рядом со мной?

– В качестве вашей наложницы.

– В роли моей фаворитки, – спокойно проговорил принц, словно бы они говорили о чём-то само собой разумеющимся. – Вы понимаете, что жениться на вас я никогда не смогу, но вы получите всё, что может желать женщина: богатство, свой дворец, какой только пожелаете, лучшие шелка и драгоценности.

– Я совершенно спокойно отношусь к шелкам и драгоценностям, сударь. То, что вы не можете на мне жениться, это печально. Но ещё печальнее то, что рано или поздно вы женитесь на другой женщине. А я всю оставшуюся жизнь буду на вторых ролях. Это в том случае, если ваша страсть ко мне не угаснет. А мужская страсть, что костёр – горит ярко, сгорает быстро. Вы посчитаете, что расплатились со мной сполна дворцами, шелками и драгоценностями. И что будет со мной дальше, вас перестанет заботить.

– Чего вы хотите, Роуз? – с раздражением поставил на мозаичный яркий пол остывшую чашку кофе Айдаган.

– Чего я хочу? Не быть вашей игрушкой – вообще не быть игрушкой, чьей бы то ни было. Я хочу уважения. Хочу любви. Хочу уверенности в завтрашнем дне и возможности высоко нести свою голову, не стыдясь людской молвы. А для этого мало быть фавориткой. Для этого нужно быть женой.

– Послушать вас, так лучше быть женой свинопаса, чем любовницей принца? Так, миледи?

– Зависит от свинопаса и от принца, милорд.

– Вы забываете, – тихим голосом прорычал принц, но Роуз мгновенно отрезвела.

Она и правда забылась. Они больше не на острове. Они больше не равны.

– Поосторожней со словами, милая девушка. И ещё, прошу вас, хорошенько подумайте прежде чем продолжать эту войну. Очень и очень хорошо и серьёзно. Вы можете получить то, что хотите, и изменить что-либо уже не получится. Я очень дорожу вами, Роуз. Вы весьма негибкое создание, ваше упрямство порой способно довести до белого каления. Вам не хватает мягкости, уступчивости, вы как скала – твёрдая, продуваемая всеми ветрами...

– Я дочь севера, ваше высочества. И север поёт в моей крови.

– Я готов дать вам всё, что могу. Я признаю наших с вами детей, если они у вас появятся и позабочусь об их будущем так же, как я позабочусь в будущем моих законных наследников...

– Ваш отец заботился о своих бастардах. Но когда за ним пришла смерть, о них позаботились вы и ваш брат. С тех пор они ни в чьих заботах не нуждаются. Я позабочусь о них куда лучше, если не дам им появиться на свет, избавив их от клейма незаконнорожденных.

– Вот как? – ядовито процедил принц. – По-вашему, законнорожденным выжить легче? Уверяю вас, у них шансов в разы меньше. Родиться ребёнком королевских кровей высокая честь, но у нас, королевских особ, есть одна общая особенность – при всей нашей власти мы принадлежим себе куда меньше, чем любой из наших подданных. Признаться, вы разочаровали меня, Роуз. Я надеялся, что вы проявите больше сердечности и благоразумия. Но вы и правда ангел чёрствой добродетели.

– Вы обещали отпустить меня, если я того пожелаю.

Их взгляды скрестились:

– А ты желаешь?

– Да.

– Что же ты будешь делать со своей свободой, маленькая птишка?

– Это уже моё дело.

– Вы хуже самой упрямой из ослиц, Роуз, – ледяным голосом проговорил принц. – Что ж? Я перепробовал всё, что только мог: насилие и любовь, сахар и кофе, кнут и пряник. Вы нестибаемо прёте вперёд, словно таран. И, возможно, достигнете вашей цели. Но, милая моя Роуз, признайтесь честно, скажите самой себе, если не мне –

добившись вашей свободы, станете ли вы счастливее. Разве не будете вы обо мне скучать?

Роуз молчала, лишь грудь её вздымалась, как тугая волна.

– Отпустите меня, – наконец проговорила она почти шёпотом. – Вы мне это обещали. Вы дали мне слово. И если честь что-то значит для вас...

– В пекло вас! – прогремел принц, с такой силой ударив кулаком рядом с чашкой, что та раскололась и кофе чернильным пятном испачкало белый кафель. – В пекло ваши принципы! Вы бессердечная тварь, Роуз! У вас в груди не сердце, а кусок чёрствого сухаря.

– Почему? – подняла она на него сверкающие глаза. – Потому что я не желаю делать то, что вам нравится? Даже если бы я любила вас до безумия, ваше высочество, роль наложницы никогда не смогла бы сделать меня счастливой. Она бы тяготила меня. Но...

– Вы меня не любите, – ледяным голосом проговорил он.

– Нет.

Между ними воцарилось тягостное молчание.

Никогда ещё от Лейнора не веяло таким запредельным холодом. Она словно бы снова стояла по колено в снегу.

– Разумнее было бы солгать, вы не находите? – в его голос просочилась привычная ядовитая насмешливость.

– Возможно, если вы не оставите мне другого выхода, – согласилась Роуз.

– Что ж? Будь, по-вашему. Вы получите то, чего добиваетесь, Роуз Вестерлинг. Вы вернётесь домой.

Каждое его слово почему-то звучало так, как если бы он забивал гвозди. Во что-то, подозрительно напоминающее гроб.

– Скажу даже больше. Ваш драгоценный Вольф Бэйр вместе со своим отцом прибыл ко двору моего брата и требуют вернуть вас.

Роуз недоверчиво поглядела на него. Ледниковый панцирь, словно сковавший её изнутри с того дня, как она попала на корабль принца Лейнора Айдагана, начал крошиться.

– Вольф Бэйр?.. Он приехал за мной?

– Вы не ослышались. Всё так и есть. Мой брат оказался весьма недоволен моей выходкой и требует вернуть вас вашему жениху.

Радость Роуз оттого, что Вольф не отрёкся от неё, что борется, омрачилась тучей – не потому ли Айдаган так легко отрекается от неё,

что теперь исполнение его прихоти будет стоить ему слишком дорого? Гнев любимого брата Белого принца, похоже, не радует.

– Вы счастливы? – глядя на неё сверху вниз, проговорил Айдаган.

– Ещё не знаю, – честно призналась Роуз.

Схватив её за плечи, он на мгновение приблизил её к себе, одновременно и гневно, и страстно. И ярость, и клокодавшую похоть принц пытался побороть, но лицо его исказилось от сильных и малоприятных чувств, вызывая вполне оправданный испуг:

– Всё и вся против моей склонности к вам, Роуз. Но дайте мне надежду – дайте только шанс, и я сверну ради вас горы. Выберите меня и, клянусь вам, я тоже выберу нас.

– Бэйр женится на мне. Раз он здесь, с официальными требованиями, он не сможет пойти на попятный.

– Он превратит твою жизнь в ад. Думаешь, он сможет забыть и простить то, что было между нами?

– Ничего, кроме насилия с вашей стороны.

– Это неправда, – сверкнув глазами, прошипел он сквозь сжатую челюсть. – Я помню, как минимум, одну ночь, когда всё было иначе.

– Я не богата, не знаменита, не принцесса. Но Вольф сумел убедить своего отца требовать соблюдение прав и закона. Он не вёл бы себя подобным образом, если бы я была ему безразлична.

– Глупая дурочка. Ты не знаешь, что такое ревность – особенно, мужская ревность! Он не сможет не забыть, не простить.

– Но я буду герцогиней Бэйр.

– Дьявол тебя побери, если я соглашусь жениться на тебе, ты останешься со мной, Роуз?!

Этого она уж точно не ожидала. Да что за дьявол вселился в него? Воистину, когда мужчины соперничают, они теряют разум.

«Что будет, если я отвечу сейчас отказом?», – с ужасом подумала Роуз.

Она не верила в любовь принца, но понимала – он охвачен страстью. Одержим желанием завладеть тем, чего желает – любым путём, любой ценой. Этим жажда обладания отличается от любви. Когда любишь – не ломаешь, когда жаждешь – с лёгкостью и с удовольствием. Чтобы тот, кого желаешь, не достался никому.

– Подумай, Роуз. Ещё раз хорошенько подумай. У тебя ещё есть время сделать правильный выбор.

Поцеловав её, принц стремительными шагами вышел прочь.

Глава 20. Королевское решение

Роуз чувствовала себя странно. Тоска и радость совершенно неприличным образом переплелись в её душе и сердце. «Вольф-Вольф-Вольф», – выстукивало оно.

Воль, он ведь не мог не понимать, ради каких целей её похитил Лейнор, но... он был здесь. Конечно, причиной тому могло быть что угодно: желание восстановить свою честь, настоять на своём, вернуть принадлежащее по праву, но Роуз хотелось верить, что на самом деле он здесь потому, что хочет вернуть её. Он здесь из-за любви.

Вольф Бэйр – это имя было связано в её воображении со свежим ароматом, идущим с реки и с оскаленной окровавленной медвежьей мордой.

В последнее время она по-своему привязалась к принцу Лейнору, научившись смотреть на него иначе, чем в первые дни знакомства. Она не отрицала, что в принце было много всего намешено, и рядом с дурными качествами были и хорошие. Да, он не забыл о ней в тот страшный час, когда Проклятая земля извергала огонь. Он разделил с нею всё превратности пути. Но, с другой стороны, они были тесно спаяны необходимостью и безысходностью. Путники поневоле.

Она смирилась с его присутствием в своей жизни, как порой миришься с плохой погодой – смотришь на дождь, ведь солнца всё равно нет.

Может быть, начнись их знакомство иначе, всё было бы по-другому. Но то, что он взял её силой, Роуз забыть не могла. Лейнор Айдаган воплощал для неё враждебную силу, с которой вечно приходилось бороться и которому она не могла не противостоять. Чужеродный, чужой – от кончиков слишком бледным волос до кончика длинных женственных пальцев.

Бэйр же был тесно связан с Семилесьем, с домом, с будущим, предсказуемым и желанным. Она хотела вернуться к нему, как желаешь возвращения домой, под отчий кров. Она помнила каждую чёрточку его хищного, сильного и страстного лица, помнила его горячий взгляд, которым он провожал её в первый день встречи, пока она шла к своему месту на столе.

Помнила запах роз, сладкий, волнующий аромат обещаний...

Она достаточно повзрослела, чтобы отдавать отчёт в том, что воображение и реальность часто не соответствуют друг другу. Конечно, реальный Бэйр не может быть так хорош, как представлялся и всё же, Бэйр Вольф – это возвращение домой, это честное будущее, это гарантии. Даже выбирай она только разумом, она бы выбрала его.

При воспоминании о чёрных глазах, высоких скулах, смоляных кудрях и сильных руках сердце Роуз забилось сильнее.

– О, Вольф, – с тоской проговорила Роуз.

Знала бы, где он – бросила бы всё, и пешком устремилась бы к нему по улицам. Даже босая. Но она несчастная пленница, которую стерегут, охраняют, с которой не сводят глаз.

Можно ли верить словам Лейнора о том, что он согласится её отпустить? Отпустит ли? А когда отпустит, его тень, наверняка, будет стоять между ней и Бэйром. Ну что ж? С этим она уже ничего не сможет поделать. У него есть свои тайны. Принцесса Элиния, например. В отличие от Бэйра, Роуз своей доли не выбирала.

Остаток дня она провела в волнении, страхах и надеждах. Наверняка, и отец её тоже здесь? Ведь не мог же жених приехать один?

Если бы Роуз могла, она бы помчалась к своим сию же минуту, не задумываясь. Но ей даже послать с весточкой было некого, в этом месте она никому не могла довериться. Даже собственная тень вызывала у Роуз подозрения.

Всё, что она могла в данных обстоятельствах – лишь делать предположения. Если отец и Бэйр явились к брату Лейнора с требованием справедливости, то это было крайне рискованно. Конечно, как у посланников другого государства, по закону, у них была неприкосновенность, но в первый же день её знакомства с младшим из Айдаганов Роуз усвоила, чего стоит эта неприкосновенность. Никто не помешает Иномару бросить в застенки навязчивых визитёров и забыть о них навсегда. Рискованное и опасное это мероприятия – просить справедливости у власть имущих. Лучше всего это делать, имея армию за плечами, но это совершенно не их случай.

Так, разрываемая между волнениями и опасениями, надеждами и страхами она и провела остаток дня, страшась прихода ночи. Отказывать мужчине, находясь в его доме сложно, однако теперь, когда Бэйр был совсем рядом, Роуз сдаваться точно не собиралась.

Несколько раз в голове её мелькала шальная мысль – сбежать, но... нет, она не настолько безумна. Как ей ориентироваться в совсем незнакомом городе. Как будет она искать тех, кто дорог. И когда Лейнор вышлет за неё погоню, укрыться ей точно не получится. Без денег, друзей, знакомых. Она и у себя в замке почти никогда не выходила без охраны. Предприняв эту попытку она может как погибнуть, так и обозлить своего властного, непредсказуемого покровителя, получив из относительно лояльного полу-друга настоящего врага.

По счастью, опасения Роуз не оправдались и в эту ночь никто, кроме ночных цикад, без умолку трещавших свою песню, её не беспокоил. Ну, если не считать навязчивых мыслей.

А утром, едва рассвело, явилась Салека в сопровождении девушек, одетых куда более традиционно.

– Госпожа, нам велено вас одеть, – проговорила она, на этот раз без улыбки. – Его Высочество сопроводит вас во дворец, чтобы представить своему царственному брату.

– Я в вашем распоряжении, – кивнула Роуз.

Лейнор прислал несколько шикарных платьев на выбор, но ей было всё равно, как и во что одеваться. Роуз заботило не впечатление, которое она произведёт на короля, а то, как невредимой вырваться из этой скользкой паутины. Все эти шелка и драгоценности скорее раздражали, чем радовали. Ей не хотелось ничем быть обязанной принцу. К тому же это очередная мишура на дорогую игрушку.

«Мне нужно быть мягче с ним, излишняя прямолинейность может сыграть дурную службу», – напомнила она себе.

От милости Айдагана теперь зависела не только её жизнь.

Сегодня, как и в их первую встречу, Лейнор оделся в белое. Он выглядел великолепно. В жаркое утро от него так и веяло прохладой.

– Миледи, – склонившись над рукой Роуз Лейно легко коснулся её руки поцелуем. – Вы выглядите великолепно.

– Благодарю, ваше высочество. Служанки сказали, что мы едем во дворец. Вы хотите представить меня своему брату?

– Я не хочу, – насмешливо выгнул он бровь, слегка поморщившись. – Но мой брат изъявил желание встретиться с вами. Поскольку мой старший брат ещё и король, то его желание, в данном случае, для меня закон.

В карете царил полумрак, но, несмотря на ранний час, уже было душно.

– На кого же желает взглянуть ваш царственный старший брат? – тихим голосом поинтересовалась Роуз. – На вашу любовницу? Или на вашу пленницу, которую её слишком упрямый жених желает вернуть вопреки всему?

Улыбка, пусть даже и кривая, сошла с лица Лейнора. Он молча смотрел на Роуз и по его лицу она, как не старалась, ничего не могла прочесть.

– Мой брат не одобряет откровенного насилия. Особенно, когда данный факт подвергается огласке. Так что при нашей с ним встрече, помимо радости оттого, что он видит меня живым, он успел выразить недовольство фактом вашего похищения.

– Но вас это не слишком озаботило, не так ли?

– Я всё отрицал.

Роуз немного опешила от подобного заявления.

– Отрицали?

– Конечно. Я заявил, что спас вас после того, как вы попали в беду.

– Какая восхитительная наглость. Полагаю, вы рассказываете мне это для того, чтобы я подтвердила вашу легенду? Весьма сомнительную.

– Люди верят тому, чему хотят верить.

– Но Вольф видел то же, что и я – ваших людей, напавших на нас!

– Было темно. В темноте так легко ошибиться. К тому же, кто помешал бы чужим наёмникам, желающим посеять вражду и смуту, прикрыться моими цветами и знаками.

– Иногда вы казались мне почти человеческим. Но сейчас отвратительны, как обычно.

– Роуз, вы всерьёз полагаете, что кто-то посмеет признать виновным наследника престола? Безумием со стороны вашего глупца-жениха было заявляться сюда с этими смехотворными объявлениями.

– А каким ещё образом он мог вернуть меня? И его обвинения не смехотворны, а справедливы. Вас обвиняют в том, в чём вы виновны. И существуй в мире правда, вы должны быть наказаны.

– Но в мире правды нет, – спокойно возразил принц, глядя в окно, приподняв золотистые занавески. – Ваш Вольф глупец. И у него есть

все шансы на то, чтобы прочувствовать на своей шкуре последствия своего безумия.

Ненависть, что Роуз питала к этому человеку, в какой-то момент почти угасла, но подобных слов хватило для того, чтобы она вспыхнула с новой силой.

– Чего вы хотите? – проговорила она.

– О чём вы? – изображая изумление, округлил глаза Лейнор.

– Вы опускаетесь до завуалированных угроз, если я правильно поняла сказанное.

– Вы умная девочка. Это мне в вас нравится.

– Так чего вы хотите? Чтобы я не оглашала обвинения против вас в присутствии вашего брата? В противном случае – что? Мой отец и жених окажутся в каком-нибудь застенке?

– Я уверен, до этого не дойдёт. Мы ведь можем неплохо ладить. При определённых обстоятельствах, – от его улыбки Роуз замутило.

– Да. Когда жизнь припирает нас к стенке, – кивнула она.

– И ваш отец, и даже Бэйр не останутся в накладе. Я возьму им убытки.

– Каким образом?

– Материальным, конечно. Послушайте, чего хочет любой родитель? Чтобы дочь жила в достатке, в безопасности. Ваш отец считал удачей возможность выдать тебя за Бэйра. Со мной его внуки получают возможность сесть на престол. Не думаю, чтобы старик стал жаловаться.

Роуз молчала, понимая, что возражать и бессмысленно, и опасно. Лейнор считал всех людей продажными и, возможно, у него были на то основания. Она не сомневалась в том, что отец предпочтёт увидеть зятем Бэйра. Не сомневалась она и в том, что Лейнор никогда на ней не женится. Всё это лишь слова.

– Что вы хотите, чтобы я сказала вашему брату? – спросила она.

– Что на вас напали, во время схватки вам удалось выжить, а я подобрал вас, израненную и нуждающуюся в помощи и спас.

Пришёл черёд Роуз смотреть в окно. Ей было горько. Там, на Проклятом Острове, этот человек проявил себя далеко не как трус. В нём проявилось много качеств, за которых она стала его уважать. Почти.

Но теперь... да, конечно, не признаваться же принцу перед всем двором в том, что он повёл себя, как мелкий бандит на дороге. К тому же, он ведь готов щедро оплатить серебром и золотом издержки. А если пострадавший откажется принять откуп, ему, чего доброго, глотку перережут.

— Почему же вы не вернули меня домой сразу?

— Вы были в беспамятстве, и я вынужден был забрать вас с собой на корабль. Не мог же я бросить прекрасную деву в беде, одну, не позаботившись о ней. Ну, а дальше был шторм, со всеми вытекающими последствиями.

Бросив на неё очередной взгляд, Лейнор словно оттаял, лицо его дрогнуло:

— Роуз, ну, прошу тебя, не превращайся в такую ледышку. Если я расскажу всем, как всё случилось на самом деле...

— Вы никогда этого не сделаете.

— Правильно. Но даже если бы сделал — для чего?.. Честь династии не терпит пятен на имени.

— Тогда, возможно, следовало бы позаботиться не о том, как их отбеливать, а о том, чтобы их вообще не было?

— Ты тысячу раз права, мой ангел. Уверен, рядом с тобой я стану лучше и нам больше не придётся изобретать подобной лжи.

Он взял её за руку и сжал в своей ладони. Роуз подавила в себе порыв высвободиться. Следует потерпеть.

— Ты презираешь меня?

— За вашу ложь?

— Считаешь меня трусом?

— Ложь трудной назвать храброй и благородной, ваше высочество.

— Всё никак не могу понять, как так получается, что одна и та же твоя черта заставляет меня негодовать и злиться, едва ли не ненавидеть тебя. И в тоже время она же вызывает во мне восхищение. Ты не боишься моего гнева, когда вот так в лицо говоришь правду?

— До недавнего времени мне было нечего терять. А в последнее время я предпочитала тешить себя иллюзией, что вы достаточно благородны, чтобы ценить мою честность. Но, если пожелаете, ваше высочество, я пересмотрю мои взгляды...

— Я желаю, чтобы ты оставила этот официальный тон. Зови меня по имени, когда мы одни...

– Замечательное дополнение. Как прикажите, ваше высочество.

– Какая очаровательная, непривычная покорность, – съязвил принц.

– Она обеспечивается дорогими мне заложниками, принц Лейнор.

– Что ж? – пожал он плечами. – Это вовсе неплохо. Мой брат, в отличие от меня, не ценит ни дерзость, ни излишнюю правдивость. Проявите покорность и уважение. Тогда, быть может, мы все выйдем сухими из этой неприятной истории.

Карета остановилась. Судя по всему, они приехали на место.

Спрыгнув с подножки первым, принц не озаботился тем, чтобы подать своей даме руку. Роуз пришлось удовольствоваться услугами других людей. Подобрав юбки, она аккуратно спустилась на землю, с любопытством оглядывая очередной замок. На этот раз – королевский.

Как ни странно, но он во всём уступал владениям принца.

Ворота замка охранялись, и капитан стражи имел строгий приказ никого внутрь не пускать. Но, конечно же, это не распространялось на первое лицо в государстве после короля. Принц Айдаган со своей свитой миновали арку подъемного моста, карета остановилась едва ли не в центре квадратного двора, со всех сторон окружённого стенами замка.

– Не будем устраивать переполох своим появлением, – с тонкой улыбкой проговорил принц. – Будет лучше, если встреча состоится по-семейному просто.

– Как прикажите, ваше высочество, – сказала Роуз.

Будто она могла сказать что-то ещё и от её выбора что-то могло поменяться?

Вместо того, чтобы направиться через парадную залу, Лейнор свернул в боковую дверь. Роуз безропотно следовала за ним, отмечая, что принц чувствует себя здесь вполне комфортно, как у себя дома. Да почему бы и нет? Возможно, он вырос в это дворце?

Миновав череду переходов, они оказались в странной комнате. На стенах висели оленьи рога и аркебузы, вперемишку с фривольными картинками и священными картинками. Вдоль стен расположились два ложа, украшенных воистину с южной роскошью, пахло благовониями.

В тот момент, когда Роуз и Лейнор шагнули в королевскую опочивальню, король изволил трапезничать. Мужчина в ярком

обтягивающем трико и странной тунике уговаривал его отведать какое-то блюдо, но Иномар Айдаган отмахнулся от него, как от досадливой мухи:

– Я не голоден, – бросил он.

– Но, возможно, вы отведаете хотя бы эту прекрасно зажаренную баранью ножку?

– Я же сказал – я не голоден.

– Тогда я смог бы и сам расправиться с ней. О, ваше величество! К нам пожаловал высокородный гость – ваш светлоликий брат собственной персоной. А кто это прекрасная дева, я право же затрудняюсь сказать...

– Я не против, чтобы ты заткнул свой надоедливый рот бараньей ножкой, шут. Бери мой завтрак и поди прочь, – устало махнул рукой король.

Роуз изо всех сил старалась не нарушать приличий и не глазеть на короля открыто, но всё же она не могла отказать себе в удовольствии поглядывать на него исподтишка, исподволь.

Она нашла братьев весьма похожими. Так же, как и в Лейноре, в Иномаре сочеталось, казалось бы, несочетаемое, начиная со странной внешности и непривычной манере держать себя. Та же хищная жестокость таилась в холодных глазах, артистичность угадывалась в тонких пальцах, хитрость – в прищуренных прозрачных глазах и словно было предугадать, какие настроения толкнул этого человека на действия в следующий момент.

– Мой дорогой брат решил нанести мне ещё один ранний визит? Ты так избалуешь меня своим обществом.

– Я решил выполнить ваше желание. Вы хотели взглянуть на мою... гостью. Рад представить Роуз Вестерлинг.

Взгляд у короля был тяжёлым. У людей, облачённых властью, других, кажется, и не бывает.

– Миледи? – медленно проговорил король, делая шаг вперёд и скользя по фигуре девушки изучающим взглядом, откровенно любопытным и чуточку... то ли разочарованным, то ли не понимающим. – Признаться, девушка мила, как и все создания первой молодости. Но я ожидал увидеть нечто более запоминающееся, брат мой. Учитывая все те неприятности, что нам принесла твоя последняя дикая выходка.

– Я...

Король поморщился и взмахом руки велел Лейнору замолчать:

– Не желаю слушать твоей лжи. Прибереги её для двора, но сейчас мы одни и я не желаю её слушать.

Роуз почувствовала, как загорелись щёки, когда король Иномар обошёл её, словно корову на базаре, оглядывая со всех сторон взглядом оценщика.

– Обычная хорошенькая девушка. Не менее, но и не более того. Так что в ней заставило тебя потерять голову настолько, чтобы опозорить нашу честь похищением, а затем ещё обезуметь настолько, чтобы просить у меня разрешения жениться на дочери простого сквайра.

– При всём уважении, мой отец не сквайр, ваше величество, – услышав её голос, Иномар удивлённо моргнул, как если бы вдруг заговорил стул. – Он – рыцарь.

– И что это меняет? Вы дворянка благородного происхождения, этого никто не отрицает. Но мой брат женится на одной из высокородных принцесс. А может быть, даже на королеве. Вы не можете всерьёз рассчитывать на подобный союз.

– Я и не рассчитываю, – поспешила заверить его Роуз. – Ваше величество, должно быть, всё не так поняли.

– Вот как? – в голосе Его Высочества прозвучало изумление, с лёгким налётом неудовольствия. – Я не так вас понял?

– Ваш брат спас мне жизнь, вытащив из лап жестоких разбойников. К сожалению, обстоятельства сложились довольно... сложно. Мы не смогли объяснить сразу, вместо того, чтобы вернуть отцу, он увёз меня, полагая несчастной и бедной сироткой. Но теперь, когда все недоразумения разрешились, я буду счастлива вернуться к отцу и наречённому жениху.

У Лейнора дёрнулся мускул на щеке при её заявлении.

– Вернуться к вашему отцу и жениху? – повторил король, складывая руки за спиной и с тенью усмешки разглядывая Роуз. – Вы в курсе, что у вашего отца и жениха хватило наглости заявиться ко мне с обвинениями в вашем похищении?

– Что же им было думать в сложившихся обстоятельствах, ваше величество? Их либо неправильно информировали, либо они

неправильно истолковали факты. Как только я смогу объясниться с родными, все недоразумения останутся в прошлом. Я уверена в этом.

Король продолжал её разглядывать словно экзотическую зверюшку.

– Вот как, значит?

Сердце Роуз заколотилось сильнее. Она не могла быть уверенной в том, что будет дальше. Все её надежды и расчёты были на то, что царственный Иномар предпочтёт следовать путём наименьшего сопротивления. Конечно, убить мелкого рыцаря было просто. Сына советника короля соседнего государства уже сложнее. Войны начинались и из-за меньших неприятностей. И без таких мелочей Их Величеству, Иномару III, хватало хлопот и неприятностей, к чему их множить, когда вот же оно – решение. Просто вернуть похищенное законному владельцу, слегка пожурив любимого младшего брата и направив его на путь истинный.

Завершение истории могло быть очень лёгким и правильным. Но кто его знает, насколько разумен старший брат Лейнора?

– Так-так-так, – прохладные, словно шёлковые пальцы коснулись подбородка Роуз, заставляя чуть откинуть голову, чтобы он мог лучше рассмотреть её лицо. – Какой неожиданный поворот. Похоже, беглая девица вовсе не жаждет стать твоей женой, мой милый брат?

Смех короля прозвучал насмешливо и жёстко.

– Впервые вижу девицу, способную отказать Лейнору. Разве тебя не привлекает возможность стать принцессой?

– О чём вы говорите, ваше высочество? – попыталась прикинуться глупой простушкой Роуз. – Я помолвлена с лордом Вольфом Бэйром.

– Что ж? Тем лучше и тем проще. Пригласите молодого Бэйра и сэра Вестерлинга на аудиенцию. И покончим с этим.

– Ваше высочество, – ровным голосом проговорил Лейнор, – не могли бы вы уделить мне немного времени для разговора наедине?

– У меня не так много времени. К тому же, если ты снова станешь просить у меня разрешения оставить эту девицу рядом с собой, то ответ мой останется прежним – нет. Она вернётся к своему жениху. И на этом точка. Вы, миледи, можете быть свободны.

– Ваше величество, – набравшись смелости, вдруг сделала шаг вперёд Роуз. – Не могли бы вы отослать меня к моему отцу. Мне не

терпится увидеть батюшку как можно скорее, обнять его, дать ему убедиться, что со мной всё в порядке.

Король поглядел на неё с явным раздражением, но скрыл его улыбкой:

– Чем вызывать вашу милую родню ко двору и тратить время на лишние объяснения, вы правы, куда проще будет отослать вас.

– Я чувствовала бы себя уверенней под охраной...

– Вы наглая и дерзкая девица. Вы это знаете?..

– Прости мне мою дерзость, ваше величество, но после всего случившегося меня мучают страхи, пусть и пустые...

– Хватит с меня лицемерия. Вы опасаетесь, что у моего брата хватит глупости вмешаться. И вы, возможно, правы. Альбран! – крикнул он капитану своей стражи.

– Ваше Величество? – немедленно отозвался тот, появляясь из-за двери.

– Доставьте леди Вестерлинг к её отцу, графе Вестерлингу. За её безопасность отвечаете головой.

Роуз не верилось, что всё так просто смогло решиться. Что кошмар, так внезапно начавшийся, сможет так же внезапно завершиться. Она боялась шевельнуться, боялась лишний раз дышать, чтобы не спугнуть свою удачу, своё счастье. Всё складывалось слишком прекрасно, слишком... легко. Так не бывает.

– Чего же вы ждёте? – холодно взглянул на неё король.

– О! Благодарю вас, ваше величество! – припав на колени, она поцеловала край его одежды. – Да благословит вас бог.

На Лейнора она даже не взглянула. Ей было страшно, словно только один, пусть даже мимолётный взгляд в его сторону мог всё испортить, всё сломать.

– Не смею больше вас задерживать, леди Вестерлинг. Альбран, проводите девушку. А ты, Лейнор, – елеинным голосом проговорил король, заметив движение принца в сторону Роуз, – ты, напротив, задержишься.

– Ваше высочество, – присела Роуз в реверансе перед принцем, как она надеялась, в последний раз. – Благодарю за доброе отношение, – заставил она себя проговорить вежливые слова, подобающие к случаю. – Прощайте, мой принц.

В ответ он только заскрежетал зубами.

Так и не осмелившись посмотреть ему в лицо, Роуз почти бегом устремилась к выходу из королевской опочивальни.

Свободна? Господи, неужели, наконец, свободна?!

Глава 21. Встреча

Роуз казалось, что она в счастливом сне – всё неожиданно стало складываться слишком легко и просто. Следуя за своим проводником в алом плаще, она легко миновала полупустые переходы и залы. Наверняка где-то там, в другом месте, людей было больше, но здесь, в гулких коридорах, по которым шли они, им не встречалось никого, кроме стражников.

Роуз гнала от себя дурные мысли и подозрения о том, что этот переход по пустым, тёмным даже в светлое время суток, коридорам, может плохо кончиться. Мало ли, что задумал король, выглядевший таким высокомерным, холодным и недоступным, чтобы избавиться от неё? Голос разума утверждал, что церемониться с ней в таком случае вряд ли вообще кто-то стал, но обострившаяся в последнее время подозрительность заставляла бояться собственной тени и подозревать худшее.

Однако они вышли из дворца и прошли к конюшням, где Роуз выделили спокойного нрава кобылу, помогли подняться в седло. А потом, в сопровождении четырёх всадников, она вновь выехала из королевского дворца навстречу судьбе. Надеюсь, отчаянно надеюсь, что на том конце пути её ждёт счастливое воссоединение с родными, а не очередное ужасное приключение, к которым, как ни крути, она в последнее время даже привыкла.

Верхом передвигаться по городу было не в пример легче, чем в карете или носилках-паланкине. И уж точно в разы быстрее. Люди при виде королевских стражников старались убраться с дороги, каждый остерегался оставаться на пути.

Роуз пыталась представить себе встречу с отцом, встречу с... Вольфом. Или правильней думать о нём, как о Бэйре? Всё это время он был недостижимым идеалом, мечтой, светом, к которому она тянулась, на который равнялась во мраке, который её окружал. И вот... может ли это действительно быть правдой? Он здесь ради неё. Он готов бороться даже с риском для жизни. Может ли это быть правдой?

Возможно ли настоящее счастье на свете? Такое, каким оно пишется в книгах и поётся в песнях? Если герой с честью прошёл все

испытания, разве не полагается ему награда? Конечно, она не смогла отстоять свою честь, но в том не её вина. Бог ей свидетель – она до последнего пыталась. Она противостояла угрозе, силе и искушению. И в сердце своём всегда оставалась верна Бэйру.

Ну, разве только один единственный раз она потянулась к Лейнору. В ту единственную ночь, когда... как не неприятно думать об этом сейчас, но та ночь существовала. И она всё же покорила принца с серебряными волосами и с ледяными глазами. И в ту ночь его пальцы были чуткими, губы – горячими и жадными. И от одного только воспоминания о той ночи краска заливает Роуз лицо. И почему-то становится горько...

Лейнор ни словом, ни делом не возразил своему царственному брату. Он словно бы стал тенью. Он расстался с ней слишком легко. Не похоже на него. Роуз то начинала бояться, что это всего лишь уловка; то почти надеялась, что люди Лейнора выскочат им наперерез. Самолюбие её тому причина? Разве не должна она радоваться?

«Не думай об этом, – уговаривала она себя. – Этот ночной принц похож на лунный свет, а Вольф – он как солнце. Когда наступает утро, все призрачные сияние ночи остаются там же, где сны и призраки».

Нужно думать о Вольфе. Что она скажет ему? Конечно же, правду. Нельзя любить человека и лгать ему, но Роуз подозревала, что Вольф и без того знает о том, что её девственность ему уже не достанется. И хотя она была бы счастлива, сложив всё иначе, и будь в её сердце и теле только одним мужчиной, она всё же в глубине души надеялась, что Волк из Медвежьей Берлоги окажется достаточно мудрым для осознания простой истины: невинность и деторождение не всё, что способна принести женщина в жизнь мужчины.

Слишком быстро неслись они по улицам, слишком быстро сменяли друг друга события. Роуз никак не успевала придумать речь. Она не могла даже представить лица Вольфа, казавшегося таким дорогим и любимым. Словно рябь по реке, на образ Вольфа накладывался образ Лейнора. Тонкий, насмешливый, как стилет – тонкий клинок, коварный и опасный. Вольф больше походил на меч, тяжелый, опасный и честный.

Лунный свет, стилет, пропитанный ядом – Лейнор Айдаган, проклятый принц, занесший Роуз в проклятые земли, – сумеет ли она избавиться от тебя и оставить тебя в прошлом? Некоторые люди умеют

оставлять следы на других. Роуз будто бы была зеркалом, в котором отражение Лейнора оставалось даже тогда, когда он больше не стоял напротив неё.

«Это скоро закончится. Я просто боюсь его, но, когда вернусь домой, весь этот кошмар останется позади».

– Миледи, вот дом, в котором остановился граф Вестерлинг, – низким хриплым голосом проговорил её сопровождающий.

Роуз знаком приказала ему постучать в тяжёлые, окованные железом, двери.

Мужчина выполнил приказ и через несколько секунд в смотровом окошке показалось лицо человека, приставленного сторожить дверь:

– Кто там?

– Королевская стража.

В усатом лице Роуз узнала отцовского привратника и совсем ошалела от радости:

– Уилис! – в одно мгновение соскочив с лошади, бросилась она к запертой двери. – Открой дверь! Это я!

При виде дочери своего господина на лице слуги проступило сначала недоумение, потом недоверие, а потом – радость.

– Госпожа моя? Вы ли это?!

– Это я! Открой мне двери! Его высочество был добр ко мне и отправил к отцу почти сразу же, как только я попала во дворец. Ну, же! Впусти меня! Доложи отцу!

– Подождите секундочку, моя юная леди!

Усатое лицо на мгновение вновь исчезло за решетчатым окошком, потом зазвенели запоры, дверь распахнулась и Роуз получила возможность броситься к верному слуге на шею.

– Моя юная леди! Это и вправду вы? – обнял он её в ответ. – Сколько слёз мы пролили, оплакивая вас! Ваша госпожа-матушка уж не чаяла увидеть вас вновь живой, всё отговаривала вашего батюшку от затеи, которую она называла роковой. Но ваш отец человек смелый! Он, как и молодой лорд Бэйр, был готов ехать за вами хоть на край света.

Роуз счастлива улыбнулась.

– Но где же они? Где батюшка? Где... где Вольф Бэйр? Мне не терпится увидеться с ними!

Вежливым покашливанием её провожатый напомнил о себе и, вежливо склонив голову, попрощался:

– Поскольку вы теперь в безопасности, миледи, посчитаю свою миссию завершённой. Разрешите откланяться и вернуться к моим обязанностям во дворце.

– Конечно, сэ-р-рыцарь, – кивнула Роуз. – Благодарю вас за то, что вы оказали мне услугу и проводили до дома.

– Всегда к услугам прекрасной леди, – прозвучало с безупречной вежливостью и королевские стражники, громко цокая подковами своих лошадей по мощённым плитам мостовой, поспешили удалиться.

А Уилис закрыл дверь.

– Проводи меня к отцу, Уилис! Мне не терпится обнять батюшку! Я так соскучилась...

– К сожалению, сэра Вестерлинга сейчас здесь нет.

– Как?..

– От отправился в королевский дворец с очередной просьбой аудиенции. Мы ведь и надеяться не смели...

– Пошли гонца к отцу! Не стоит досаждать Его Королевскому Высочеству исполнением уже выполненной просьбы! Не медли. Сделай так, как я приказала. Сколько людей у отца с собой?

– Если считать вместе с людьми Молодого Волка, то около сотни.

– Отошли гонца.

Сердце Роуз радостно билось. Ей было жаль, что встреча с отцом откладывалась и что он мог успеть досадить Иномару своим визитом. Или даже столкнуться с разгневанным Лейнором. Впрочем, последний вряд ли станет всерьёз вредить её отцу. Она достаточно хорошо узнала принца, чтобы понять, что великодушные определённого рода ему вовсе не чуждо.

– Как мне найти Вольфа? – спросила она у Уилиса. – В какой стороне его покои.

– Прямо и направо, миледи, но...

Она не слушала. Она почти бегом устремилась вперёд. Что она будет делать в следующий момент? Бросится ли ему на шею или просто войдёт и встанет, разглядывая каждую черточку дорого лица, она и сама не знала. Ей хотелось увидеть на его лице ту же незамутнённую радость, что пела в её сердце.

Теперь их почти ничто не разделяет, и они могут быть вместе.

Словно крылья несли Роуз вперёд. Некоторые людей, что появлялись у неё на пути она узнавала – то были слуги отца. С растерянными лицами они кивали своей молодой госпоже, которую, положа руку на сердце, никто из них уже не надеялся увидеть живой и свободной.

– Миледи?..

Она отвечала им улыбкой и стремительно шла вперёд – навстречу своей любви.

Позже она сама пыталась понять, каким образом столь безошибочно толкнула именно ту дверь, за которой находились покои Вольфа. Та поддалась, хотя ей и пришлось навалиться на неё почти всем телом – тяжелая и массивная, даже не запертая, дверь не спешила поддаваться, словно последний бастион, взятый перед победой.

Дверь распахнулась. Прямо напротив неё стояла большая широкая кровать. И на кровати двое предавались яркой любовной схватке.

Оба обнажённых тела были молоды и красивы. Женщина была Роуз незнакома, но, судя по всему, она была одной из служанок в этом доме. А мужчиной был, увы, Вольф.

Первой на вторжение в их любовное гнёздышко отреагировала, естественно, женщина, испуганно толкнув своего любовника в плечо.

– Кто там? – недовольно повернул взъерошенную голову через плечо Вольф. – Кто посмел...

Его чёрные глаза остановились на словно бы превратившуюся в камень Роуз и выглядывающими из-за её плеча любопытными лицами.

– Ты?.. – выдохнул он.

Роуз, оглушённая, продолжала стоять, не шевелясь. Чувствуя себя так, словно ей во время истерики дали оглушительную пощёчину. Мир стал удивительно тихим.

В следующее мгновение Вольф скатился со своей любовницы, перестав давить её своим телом и стремительно набросил на своё стройное, поджарое тело, отлично развитое физическими упражнениями и набросил на себя алые длинный халат, подбитый мехом.

Второй рукой он стянул испуганную девушку со смятых простыней, сунул в руки ей одежду и, коротко кивнув на дверь, тихо рыкнул:

– Убирайся.

Девушка, подхватив платье, поспешно натянула его на голое тело и, сопровождаемая любопытными взглядами незваных зрителей, пугливо тенью, как мышка, юркнула к дверям, бросая на Роуз взгляд исподлобья.

Роуз чувствовала себя последней душой. Будто это она стоит голой на всеобщем обозрении.

Она была совершенно не готова к такому повороту и *такой* встрече.

– Роуз?.. – сделал шаг ей навстречу Вольф.

Он, к слову, не выглядел ни смущённым, ни пристыженным, ни растерянным. Лицо его сияло искренней радостью.

– Мне это не снится? Ты действительно здесь? Рядом со мной? Живая?..

– Оставьте нас, – ледяным голосом приказала она слугам.

Роуз не оборачивалась. Она нарочно не смотрела в сторону слуг, чтобы не видеть, как те обмениваются взглядами, переглядываются, кто с усмешкой, кто смущённо, кто сочувственно. Ничего этого она не хотела видеть, не хотела знать.

Она смотрела только на Вольфа.

Чувства, что испытывала Роуз сейчас были двоякими. Да, она была и разочарована, и зла, как только можно разочароваться или разозлиться, ожидая оказаться в теплой комнате, а вместо этого получив ведро воды на голову.

Это было... отрезвляющим ледяным душем, быстро и качественно избавляющим от иллюзий. Взрослеть всегда больно, но это необходимый процесс.

– Роуз, дорогая моя!

Он без стеснения и сомнений приблизился к ней. А её тело, словно ей назло, откликнулось на его разгорячённое тепло, жар его тела, исходящее от него плотское возбуждение.

Роуз доводилось слышать о том, что мужчине всё равно, с кем укрощать свою похоть. Та ли женщина, другая?..

– Не трогайте меня, – сказала Роуз, отшатываясь от протянутых к ней рук.

– Роуз! – в его чёрных глазах вместо смущения она читала упрёк.

– Ваше тело и ваша постель ещё сохранили запах другой женщины.

По смуглому лицу скользнула тень, заострившая и без того орлиные черты его хищного лица.

– Понимаю, – медленно проговори он, так же медленно кивнув. – Я тоже предпочёл бы, чтобы впервые после разлуки мы с тобой встретились бы иначе.

Сделав шаг к столику, на котором стоял кувшинчик с вином, два серебряных кубка и поднос с сочными фруктами, Вольф неторопливо разлил алую жидкость, словно давая время успокоиться и себе, и девушке.

Роуз бесило его самообладание, которое вполне можно было бы принять за наглость.

– Как я погляжу, вы неплохо устроились в доме моего отца, – с жёсткой насмешкой проговорила она. – Отличная комната и приятное обслуживание.

– Моя дорогая, ну с чего вы взяли, что это дом вашего отца? По правде говоря, ни одному из нас с ним эти стены не принадлежат, – взмахнул рукой, в которой был зажат кувшинчик с вином, Вольф, – но сняты они на мои деньги. Как и вся экспедиция, собственно, организована на мои средства.

Роуз почувствовала, как вспыхивают у неё щеки. Действительно, она успела много забыть за столь короткий срок. Жизнь рядом с принцем на необитаемом острове заставило выветриться из головы разницу положений семей у Бэйров и Вестерлингов.

– Мне греет душу, что вы, сэр человек чести и пользуетесь лишь тем, за что платите сами.

Спина Вольфа напряглась, он осторожно поставил кубок на поднос и на какое-то время наклонил голову вперёд. А потом резко развернулся и приблизился так стремительно, что Роуз успела только охнуть, со всех сторон окружённая его руками, запахом и жаром.

В первый момент она даже испугалась, но в том, как он обнимал её, прижимая к себе, не было угрозы или злости, была жадная, обжигающая голодным жаром, страсть. И она чувствовала себя воском, который попал в огонь.

– Роуз! Дорогая моя Роуз! Я не хочу говорить с тобой этим холодным, рассудочным тоном! Я столько раз отчаивался, думая, что никогда ни одну женщину не хотел так, как тебя и потерял до того, как сумел прижать к своему сердцу, назвать своей! – говорил он тихо,

почти шёпотом, но каждое слово его было таким же обжигающе горячим, как руки, обнимающие её. – Я был в отчаяние, ругал себя последними словами. Как в злых сказках, где чудовище крадёт прекрасную принцессу и рыцарю остаётся только искать и оплакивать. Я готов был искать! Готов был драться хоть с сотней демонов, но беда в том, что не было ни одного, как не было уверенности, что я смогу всё исправить, смогу вновь обнять тебя. Как только я добрался до дома, я снарядил погоню, но сумел поймать только пыль и солёные брызги волн. Я словно преследовал призрака! Потом пришла весть, что «Отчаянный» принца Айдагана затонул и... мне казалось, что часть меня умерла вместе с тобой, где бы ты не была, моя прекрасная Роуз. Ты, мой прекрасный, чистый ангел. Моя алая страстная Роза. Или, скорее, бесстрастная? Не смотри на меня с таким укором. Эта девушка – она значит не больше руки, снимающей напряжение в чреслах. Я даже лица её не помню.

– А лицо герцогини Эллинии Файр вы помните? – упираясь ему руками в плечи, попыталась оттолкнуть его от себя Роуз.

Правда, без особого результата и даже убедительности.

– Конечно, помню! Если бы не эта фурия, этому негодяю Лейнору и в голову не пришла бы идея тебя похитить!

– Она бы не превратилась в фурию, если бы вы...

– Не был её возлюбленным? О! Эта женщина никогда всерьёз меня не любила. Она не способна любить никого, кроме своей власти и развлечений. Она принцесса, а принцам можно всё, в том числе играть людскими сердцами судьбами. Я не стану лгать вам и отрицать, что некогда пылал к ней страстью. Но жажда обладания и истинная любовь не одно и то же...

– Правда? – перестав вырываться, подняла на него взгляд Роуз.

И он тоже замер. Подвижные черты его лица словно затвердели, а в глазах вспыхнул тёмный, злой огонь.

– И как отличить одно от другого?

– Сложно сказать, но почувствовав раз, никогда не спутаешь.

Его пальцы ласково отвели прядь волос, упавшую на лицо Роуз.

– Ты... ты спрашивал не только о моих чувствах к герцогине Эллинии, верно? У принца Лейнора Айдагана репутация губителя женских сердец...

– Ты хочешь знать, была ли я его любовницей?..

Его чёрные глаза и её синие глядели друг на друга, горячо, зло, выжидающе и с вызовом.

Лицо Вольфа исказилось, сделавшись почти отталкивающим. Ноздри острого крючковатого, словно у орла, носа, гневно затрепетали, челюсть сжалась так, что Роуз почти слышала, как скрипнули зубы, а в глазах заплясали молнии.

Удивительно, но Роуз не чувствовала страха. Какое-то странное, злое, бесовское торжество, словно его ярость питала какой-то тёмный источник в ней, делая её сильнее.

Он сейчас ударит её... или оттолкнёт...

Но он не сделал ни того, ни другого, лишь сильнее стиснув её в своих медвежьих объятиях.

– Ты хочешь его? – требовательно прорычал он. – Ты его любишь?!

– Люблю?..

Перед внутренним взором Роуз на мгновение предстал образ Лейнора. Высокий, тонкий, аристократичный, кажущийся обманчиво-женственным. Сердце её наполнилось горечью. Каждый раз, когда она думала о Лейноре, прекрасном наследном принце Кассии, её душа словно начинала болеть. Словно незаживающая рана.

Могла ли Роуз сказать, что ничего не чувствовала к Лейнору? О, нет! Там было много чего: ненависть, страх, боль, какая-то извращённая чувственность. Но никогда, ни на один миг она не чувствовала к нему доверия, не была рядом с ним в безопасности. Враждебный ли, дружественный – принц всегда оставался для неё чужаком. Опасным, непредсказуемым и ядовитым, словно змея.

Но в то же время женским чутьём, интуитивно она знала, что много значила для самого принца. И это знание наполняло Роуз не триумфом, а жалостью к принцу и страхом перед возможными последствиями. Она боялась чувств Лейнора к себе, они тяготили её, словно оковы.

Чужой, чуждый, навязавший ей чувства и ощущения, которых она не хотела... попавшийся в ловушку там, где намеревался поймать.

Любила ли она принца Лейнора?.. Прекрасного и горького, как лунный свет? Как отравленные сны в сладком саду опиума? Разрушительный и обречённый, обрекающий и разрушающий...

– Я пришла к тебе, как только смогла.

– Ты уходишь от ответа?

Вот теперь Вольф отшатнулся, пытаясь отнять руки, но Роуз сама удержала его, обнимая за плечи, которые только что от себя отталкивала.

Что ей сказать? Придётся лгать, хоть и сказанное ей будет ложью лишь наполовину.

– Я полюбила тебя, как только увидела, Вольф Бэйр. Не твоя и не моя вина, что ты не стал в моей жизни первым мужчиной...

Его тёмное лицо словно охватила тень, подвижная, опасная и злая. Каждая черта этого лица дышала ненавистью. Не к ней. Слава богу, не к ней. Но эта ненависть опасна. Она может погубить их всех.

– Что ж? Я предвидел это. Принц Лейнор не из тех, кто умеет с достоинством принимать отказ.

Он отпустил её и Роуз сразу ощутила холод.

Поправляя разметавшиеся волосы, Вольф вернулся к кубкам на подносе и несколько секунд Роуз вновь видела только его неестественно прямую спину.

«Он не простит меня и не примет», – с горечью подумала она.

– Ты вернёшься со мной в Инглен-Мен? Или предпочтёшь остаться в Кассии? – голос его звучал отрывисто и сухо, будто слова обдирали горло.

– Я хотела бы вернуться с тобой и стать твоей женой. Если ты всё ещё согласен взять меня себе в жёны, Вольф Бэйр. Но большинство мужчин предпочтёт...

– Откуда тебе знать, что предпочтёт большинство мужчин? – насмешливо прорычал он. – Ведь ты не мужчина? Он осквернил твоё тело, очернил твою душу, но ты... это всё ещё ты. И я по-прежнему хочу тебя. Всю. Твоё сладкое тело, твоё сердце, твой разум – всю тебя.

– Как ты жаден.

– Да, я таков! – он протянул ей один из кубков, наполненных до краёв алым. – Вывьем за нас, моя прекрасная Роза. За тебя и меня.

Роуз приняла кубок из его горячих пальцев, не сводя с Вольфа вопросительного взгляда.

– Чего мне ждать, милорд?

– Чего тебе ждать? – прищурил чёрный глаза Бэйр. – Часть мужчин, когда подбирают объедки за принцами ожидают за это щедрой оплаты.

Роуз дёрнулась при слове «объедки».

– Другая часть выполнила бы свою честь договора, отыгравшись за свои обиды на жене после свадьбы.

– А что планируете сделать вы, милорд?

Он снова приблизился, дыша яростью и страстью:

– Я потребую поединка.

– У принца? – изумлённо ахнула Роуз.

– Он должен ответить за то, что сделал с тобой. Со мной. С нами обоими.

– Милорд, ваши слова заставляют меня сомневаться в вашем разуме. У принцев не требует сатисфакции.

– Если только он не трус, он примет мой вызов!

– Принц Айдаган, может быть, и примет. Но если вы проиграете, вы будете мертвы, а если выиграете – вы тоже будете мертвы. Но ещё до того, как дело дойдёт до поединка, люди короля бросят вас в застенки. Это совершенно безумная идея. Из всех безумных, что мне пришлось слышать в последнее время.

– Так что вы предлагаете?

– Как только вернётся отец, немедленно покинуть Кассию, пока принц не нашёл способа этому помешать. А уже дома вы решите, желаете ли вы оставить меня вашей леди или отправить в Храм искупать мой грех.

– Твой грех?..

– Разве в грехах мужчины не женщина всегда виновата? – с ядовитой горечью проговорила Роуз. – Как бы там ни было, но чем быстрее мы уедем отсюда, тем лучше.

Перехватив её ладонь, Вольф подтянул Роуз к себе:

– Моя прекрасная Роза ещё и умница, – усмехнулся он. – Я буду безумцем, если отпущу от себя такую девушку... выпьем за нас?

Он залпом опорожнил свой кубок, Роуз же только пригубила. Она не любила вино, хотя это и показалось ей на вкус приятным.

Его горячие руки обняли её за талию и притянули к себе. Его дыхание ещё отдавалось сладостью последних капель вина, губы были горячими и требовательными. Волосы пахли сухой полынной горечью. Страсть его была словно воронка водоворота, что закручивалась всё быстрее и быстрее, грозясь увлечь за собой туда, куда Роуз пока была шагнуть не готова.

Хотя на какой-то момент заколебалась. Позволив этим рукам более смелые ласки, вобрав его плоть в себя, отдавшись ему прямо здесь, не очистится ли она от всего того, что связывало её с Лейнором?

Она любила его. И хотела, но...

– Не сейчас, любовь моя, – тяжело дыша, отстранилась она, хоть и страшилась вызвать неудовольствие и ревность, но всё же... не отдаваться же ему на этой постели, разобранной для шашней со служанкой? О, нет. До такого она не дошла.

И довольно в её жизни одного мужчины во грехе. Если Вольф не намерен отказываться от неё, пусть на этот раз всё будет по-честному, как полагается.

К величайшему облегчению Роуз, хоть и со вздохом разочарования, хоть и явно нехотя, но Вольф выпустил её из жарких и жадных рук.

– Ты права. Не будем торопиться. Я хочу, чтобы ты знала, что я уважаю твой выбор, ценю твои желания. Ты будешь моей после свадьбы, как и полагается честной женщине. Я ждал тебя достаточно долго. Подожду ещё.

Словно бы гора свалилась с плеч Роуз.

Одна из гор. Потому что, боги свидетели, их оставалось ещё достаточно.

Глава 22. Свадьба

Страх не оставлял её ни на минуту. Иногда Роуз казалось, что даже собственная тень внушает ей подозрения и опасения.

– Вам нечего бояться, госпожа моя, – пытался успокоить её капитан отцовской стражи. – Теперь всё дурное позади, ведь вы находитесь под опекой вашего отца и жениха. Что дурного может с вами случиться?

Она принуждённо улыбалась в ответ. Что ещё оставалось?..

В прошлый раз отец и Вольф тоже были рядом, а с ними были их люди – кого это спасло? К тому же страх Роуз испытывала не за себя, а за близких людей. Ей не терпелось покинуть Кассию. И с каждым разом тени казались всё более и более угрожающими.

Всё-таки, пугала Роуз не собственная тень. Её страшила тень Лейнора.

– Полагаю, даже такой безнравственный и жестокий человек, как принц Айдаган, не посмеет пойти наперекор воле своего царственного брата, – рассуждал вслух сэр Вильям в разговоре с дочерью. – Нрав у короля Иномара слишком крут. Эта неприятная, порочащая всех нас история разрешилась наилучшим образом. Мы согласились с изложенной принцем версией...

– Это была не версия принца, батюшка. Эту версию предложила я, – вздохнула Роуз.

– Главное, что здешнему царьку она пришлась по вкусу, – отмахнулся Вильям. – Его высочество Иномар изволили с ней согласиться. А твой будущий муженёк согласился закрыть глаза на порченный товар и скандал перестанет разгораться. Всем повезло. Не безумец же этот проклятый принц, чтобы вновь раздувать пожар?

Безумцем Лейнор Айдаган не был. Если не считать безумием его убеждённость в том, что принцам можно всё, особенно то, что кажется желанным, пусть даже лишь сиюминутно.

Роуз хотелось верить в то, что принц посчитается с голосом разума. Что просто отпустит её, занявшись своими делами, которые, наверняка были, и которых, ещё более наверняка, было множество. Возможно, кто-то из его многочисленных любовниц, пусть та же

Салека, рада будет его утешить. Они больше не на Проклятом Острове. Здесь множество женщин, а принц, судя по всему, натура увлекающаяся.

Роуз не хотелось думать о том, почему ей неприятно думать об этом. Почти так же, как об устрашающих тенях и угрозах. Ведь, казалось бы, всё так просто – она любит, всей душой и всем сердцем, Вольфа Бэйра. Всё её мысли, душевные порывы и чувства должны быть поглощены им. Так и есть. Так и есть, вот только...

Роуз строптиво встряхивала головой, чтобы выбросить из неё ненужные образы и мысли. Вытряхнуть воспоминания. Но почему женское сердце так сложно устроено? Там, на острове, она всё время думала о Вольфе, а теперь, когда он рядом...

Нет, Роуз не в чем себя упрекнуть, и сердце её всегда, каждую минуту, принадлежало только её будущему мужу, а то, что тело она нетронутым не уберегла, так это беда её, но не вина. И если из головы не идёт Лейнор, так это потому, что она опасается, что его слишком долгое отсутствие и молчание не закончится для неё ничем хорошим. Тревога за отца, за Вольфа заставляет её то и дело беречь рану, не давая той заживать. Тревога и страх заставляют то и дело прислушиваться к цоканью копыт на улице и иногда подходить к окну, чтобы, старательно скрываясь за занавеской, выглянуть в окно и убедиться, что на самом деле бояться нечего. Принц по-прежнему не даёт о себе знать. Отец прав. Все её опасения напрасны. Она в безопасности от всего, кроме собственных чувств.

Последние удручали Роуз, заставляя сомневаться в себе. Она не желала этого признавать, но... то, что она испытывала, весьма сильно напоминало собой разочарование. Но ведь не могла же она быть разочарована или расстроена тем, что Лейнор так легко решил от неё отступить. Да, он говорил о своей любви к ней и даже предлагал ей замужество...

Как быстро, однако, все меняется всего после одного разговора. Король Иномар неоднозначно дал понять, что не одобряет фантазий своего младшего брата.

Почему она прислушивается и ждёт? Чего она ждёт? Почему чувствует себя такой разбитой до ломоты в висках? Неужели где-то в глубине души Роуз желала стать принцессой? Нет, ей не было дело до власти, она не желала попасть в кулуары дворцовой жизни, окунуться

в атмосферу бесконечных интриг, разборок, поединков и лизоблюдства. Чем выше поднимаешься, тем беспощаднее сквозняки.

Всё, чего хотела Роуз – это побыстрее уехать из пронизанной сухими, горячими ветрами Кассии, от раздражающих обоняние и нервы острых запахов. Туда, где прохладный воздух остудит сердце. Где высокие серые замки так привычны. Там, среди гор, прохладных ручьёв и камней, принц с серыми глазами и белоснежными волосами не сможет её достать. Даже если захочет. Она будет твёрдо это знать и перестанет, наконец, вздрагивать и каждый раз смотреть в окно.

Тем временем Вольф решил не терять времени даром и готовился к свадьбе.

– Я понимаю, что тихая скромная свадьба с несколькими свидетелями совсем не то, чего желает любая красавица, но с учётом обстоятельств, чем быстрее мы принесём друг другу свадебные клятвы, тем меньше шансов на то, что кто-то посмеет встать между нами, будь он принц или отец, – объяснял свою торопливость Вольф.

Возразить ему Роуз было нечего. Да и к чему?

С учётом обстоятельств всё было правильно. Конечно, глупо в свете установившейся тишины было об этом думать, но Роуз всё равно нет-нет, да представляла, как принц высылает за ними в погоню свои корабли. Похитить невесту – это одно. А вот похитить жену лорда Бэйра, невестку первого министра Иглин-Мена – это уже международный скандал. А если не принц Айдаган, так сам Старший Медведь сможет вставить палки в колёса, отменив их брак.

С состоявшимся фактом люди редко берутся бороться – чаще всего мирятся.

Роуз огорчало одно – та девушка-служанка, с которой она застала Бэйра, по-прежнему оставалась дома и даже прислуживала им за столом.

– Почему она всё ещё здесь? – с возмущением спросила она у Вольфа.

Тот на мгновение свёл недовольно брови, но в следующую же секунду лицо его расцвело улыбкой:

– А ты ревнивица, моя цветущая розочка! – со смешком проговорил он.

– Я не ревную, – начала, было, возражать, Роуз, но потом, тряхнув копной чёрных густых волос, прикусила губу. – А если даже и ревную

– что с того?! Я хочу, чтобы ты немедленно убрал эту девку из дома, где я живу.

– Если её присутствие тебя так раздражает, ладно. Даю слово, что ты больше её не увидишь.

– Что значит «не увижу»? Я хочу, чтобы её вовсе тут не было.

– Но, милая моя, это просто не гуманно. Подумай сама – девушка не в чём не виновата, за что же выбрасывать её на улицу, как собаку?

Роуз, потеряв дар речи от ярости, смотрела на Вольфа.

– Девушка ни в чём не виновата?..

– А в чём её вина?

– Может, вины её ни в чём и нет, но мне не нравится её сговорчивость. Меня раздражает её вид, лишает аппетита и спокойного сна. И, раз уж этот дом мы называем общим, прими к сведению, что я не желаю её больше видеть рядом с собой.

– С собой? – весело ухмыльнулся Бэйр, будто эта короткая перепалка его забавляла, что ещё сильнее раздражало Роуз. – Это не совсем так, дорогая. Тебе не нравится видеть её рядом со мной, а не с собой.

– Я не вижу повода для долгих обсуждений. Я хочу, чтобы этой девушки не было здесь – это как факт, так что, прими меры.

– Но она приехала с нами из Иглен-Мена. Я не могу просто так дать ей расчёт и выставить на улицу. У господ есть свои обязанности перед челядью. Как только мы вернёмся домой, обещаю, что сделаю так, как ты хочешь.

Роуз побледнела от ярости. Отказ Вольфа избавиться от девушки она воспринимала как собственное поражение и пренебрежение его к её желаниям. Она была оскорблена и раздосадована.

– Похоже, благополучие этой девушки ты ставишь выше моего? – холодно спросила Роуз.

– Это не так! Ты неправильно всё понимаешь. Я же объясняю тебе, что не привык бросать своих людей. Я даю тебе слово, что как только мы вернёмся...

– Да, я тебя слышала.

– Роуз, дорогая, это не стоит того, чтобы нам ссориться. Я не собираюсь больше спать с этой служанкой. В моей постели и в сердце есть место лишь для одной женщины, и это ты, а не она.

– Так докажи это словом, а не делом.

Вольф упрямо сжал челюсть. В его чёрных глазах взметнулось пламя.

– Я уже сказал всё, что считал нужным сказать по этому поводу. Я не стану спать с этой девушкой, но не выставлю её на улицу только потому, что тебе так хочется, моя прекрасная Роза. И для нас обоих будет лучше, если ты не будешь показывать свои острые шипа.

– Как прикажет милорд, – язвительно проговорила Роуз и почти бегом выбежала из комнаты, глотая слёзы ярости и обиды.

Та перепалка заставила её по-новому посмотреть на Вольфа. С одной стороны, она была в ярости. Не так часто (считай – никогда) она ни о чём его не просила, а единственный раз, когда от него потребовалось посчитаться с её чувствами, он этого не сделал, посчитав благополучие какой-то девки выше её желания и спокойствия.

До конца дня и ещё пару следующих она старательно избегала своего жениха, старательно демонстрируя свою обиду и недовольство. Чем дольше длилась их ссора, тем сложнее было выйти из состояния холодной войны.

Возможно, она была и не права. В конце концов до сих пор слово у Вольфа ни разу не разошлось с делом, но с другой стороны – разве можно верить мужчине, когда дело касается другой юбки? Её мать никогда и ни за что не потерпела бы соперницы рядом с собой, особенно, если речь идёт о какой-то жалкой служанке.

Или, может быть, всё дело в том, что у Вольфа честное сердце и он правда привык заботиться о людях? Роуз хотелось в это верить, но правда в том, что верить в этом у неё не получалось. Зато получалось злиться. Даже слишком хорошо.

«Возможно, я просто глупая? Рядом с Лейнором мне всё время казалось, что Вольф – это идеал, а теперь... теперь он меня раздражает».

Вечером в дверь её комнаты, где она упрямо постилась, поступал отец.

– Можно войти? – спросил Вильям.

– Конечно, отец, – распахнула перед ним дверь Роуз.

Покряхтывая, усевшись в кресло, отец, вопросительно взглянув на дочь, спросил, встревоженно нахмурившись:

– Что там у вас с Вольфом происходит?

– Ничего.

От внимательного, строгого, недовольного отцовского взгляда Роуз захотелось спрятаться. Пусть даже просто опустив вуаль на лицо. Но вуали не было. Оставалось просто стоять и смотреть в ответ.

– Очень надеюсь, что так. Потому что у меня сложилось неприятное впечатление, что ты игнорируешь своего жениха. Вы ведь не поссорились с Вольфом?

– Не знаю, – упрямо сжала губы Роуз. – Может, и так.

– Может и так? Глупая девица! Что ты себе позволяешь?

– Что я себе позволяю? – кровь легко закипала в венах, может быть всё дело в здешнем жарком климате и горячащих нрав специях? – Он отказался убрать из нашего дома свою постельную девку.

– И что с того? Насколько мне известно, сейчас ты с ним ложе не делишь? Или я чего-то не знаю?

– Я не хочу этого обсуждать.

– Ты можешь это не обсуждать, но с этого момента ты станешь спускаться к завтраку, обеду и ужину. И ты будешь вежливой, сдержанной и нежной со своим будущим мужем. Я не хочу слышать шепотки о том, что мы с твоей матерью плохо тебя воспитали.

– О чём вы, отец?

– Жена должна быть кроткой и покорной желаниям мужа.

– Я что-то не припомню особой кротости маменьки. Вы всегда считались с её мнением.

– Буду говорить напрямик: твой муж тебе не ровня, Роуз. Его положение много выше нашего. А в свете всего случившегося, ты сама должна понимать... но ты словно не ценишь выпавшего тебе счастья?! Да ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Сколько девушек вынуждено идут за стариков, а тебе достался красивый, молодой, богатый, знатный и обладающий властью, жених, который готов взять порченный товар, а ты нос воротишь из-за какой-то дешёвой девки? Вот что, Роуз. Ты это брось. И чтобы этого недовольного выражения на твоём личике я больше не видел! Если этот брак сорвётся, пойдёшь к Храмовым Сестрам, и вся недолга...

– Как будто это такая уж страшная участь – жить без мужчины?..

– Ну, довольно, – тяжёлым низким голосом прорычал отец. – Я не потерплю непослушания и дерзости. Ни по отношению к себе, ни по

отношению к твоему будущему мужу. Не забывайся. Веди себя соответствующим твоему положению, образом.

Последние слова были сказаны таким тоном, будто отец её ударил.

А в голове неясным шёпотом звучали дурные пророчества Лейнора. О будущем в тёмном замке, где Роуз придётся пребывать долгими зимними ночами, пока забубённый муж станет развлекаться с придворными красавицами. Не то, чтобы слова принца Айдагана заслуживали внимание, ведь ни одной из своих слов он так и не сдержал...

«Разве ты сама не просила его отпустить тебя, в том случае, если захочешь уйти. Вот он и отпустил. Чем же ты недовольна?», – насмешливо нашептывал внутренний голос.

Как же она всё это ненавидела!

Но к ужину в тот вечер спустилась. Вольф встретил её улыбкой и комплиментами, словно и не было между ними той перебранки. И за столом им прислуживали только мужчины – так раздражающей Роуз девушки не было. Какая-то часть ей была только рада помириться. А вторая, как тень, вечно была чем-то недовольна. Её невнятный шёпот заставлял настороженно относиться к Вольфу, лишал Роуз доверия к нему.

«Но ведь он не сделал ничего особенного. Отец прав. Мечту любить всегда легче, чем реального человека».

За обедом мужчины сообщили Роуз о том, что все приготовления и к свадьбе, и к отъезду готовы. Сначала должна была состояться свадьба. А через несколько дней планировалось отплыть в Иглен-Мен.

Свадебное платье шилось на скорую руку. Вольф поднёс невесте в подарок драгоценный гарнитур: серьги и кольцо, которые, по его предположению, девушка должна была надеть на бракосочетание.

Напряжение и грусть наречённой Вольф воспринял по-своему.

– Понимая, любимая, каждой девушке хочется пышную свадьбу. И чтобы рядом были родные, близкие и друзья. Всё это у нас будет. Мы закажем грандиозное пиршество, пригласим гостей и закажем тебе такое прекрасное платье, что завистники лопнут от злости.

Роуз улыбалась, чувствуя себя виноватой. Она не испытывала сожалений по поводу отсутствия пышного свадебного пира, не желала с ног до головы обвешиваться драгоценностями, не грустила из-за того, что платье не достигло должно степени роскоши. Ей и это

казалось красивым. Даже то, что в такой день рядом не будет родных, не печалило Роуз.

Но грядущий брак пугал. И не было никого рядом, с кем можно было бы поговорить об этом, чтобы хоть как-то развеять свою тревогу. Кроме невидимого собеседника, говорившим её собственным голосом.

Это нормально, волноваться накануне собственной свадьбы. Ведь в какой-то мере свадьба для любой женщины – это репетиция смерти. Всё, что было до свадьбы, останется в прошлом; после обряда на свет появляется другая женщина и начинается совершенно новая, полностью отличная от старой, жизнь.

Неизвестность, зависимость от воли другого, как ни крути, мало знакомого, человека. И невозможность сделать шаг назад.

Каждая девочка с детства мечтает стать невестой и женой. И она мечтала. А страхи и тревоги пройдут. Страх вовсе не повод для того, чтобы перестать двигаться вперёд.

Кремовое платье, сшитое из нежного струящегося материала, красиво облегал точёную фигуру девушки, чёрные кудри контрастировали с белой кожей и синими глазами.

«Я подарю тебе венок из роз», – пообещал ей Вольф.

Всё сводится к тому, что скоро он исполнит данное обещание.

В Храме после яркого солнечного света царивший полумрак казался особенно тёмным. Прохлада приятно обвевала тело.

Вольф одарил её восхищённой и ободряющей улыбкой, Роуз смущённо улыбнулась в ответ. Из свидетелей присутствовали её отец, оруженосец Вольфа и капитан стражников её отца.

Роуз запомнился орел свечения вокруг храмовых свечей, стоявших в узких высоких подсвечниках. И сладковато-острый запах ладана. Тепло ладони Вольфа, о которую она опиралась одной рукой.

Следом за церковнослужителем они с Вольфом друг за другом принесли слова клятвы. А потом возложили на головы друг друга венки из цветов, а на руки надели свадебные браслеты. Венок символизировал радость и любовь, браслеты – скрепы и оковы, связывающие брачующихся в семейной жизни.

Церковник ещё не успел произнести последних слов, как дверь отворилась. Резкая полоса солнечного света упала на мозаичные плиты пола.

Сердце Роуз ускорило биение ещё до того, как она повернула голову и одним взглядом сумела вобрать в себя образ Лейнора Айдагана. Жилистый, высокий и худощавый, он двигался по проходу между двумя рядами высоких белых колонн с гибкостью и юношеской легкостью. Черты резкого лица отчего-то показались не просто до боли знакомыми, а почти родными: жёсткая складка губ и выразительные, льдистые глаза.

Принц Атайран питал слабость к чёрному и белому. На этот раз его костюм был цвета ночи.

При появлении его величества храмовник сбился с речи, на лицах окружающих Роуз мужчины проступили беспокойство и гнев.

– Ваше высочество?..

– О, продолжайте, прошу вас! – с лёгким, небрежным, даже обидным жестом рукой, проронил принц Айдаган, улыбаясь. – Я пришёл, чтобы засвидетельствовать своё почтение молодожёнам.

Роуз опустила ресницы, плотно сжав губы. Его слова не способны её ранить. Если он действительно явился только затем, чтобы стать свидетелем.

Вольф тоже старался сохранять хладнокровие, но было видно, что присутствие соперника приводит его в ярость.

«Сейчас непременно что-то случится, – в отчаянии подумала Роуз. – Господи, пусть всё будет хорошо. Пусть горячие головы не слишком пылают, а ледяные губы и разум не источают яд».

Но надежд на последнее было мало.

Роуз догадывалась, что долгое молчание Айдагана, с которым она даже не простилась, вряд ли продлится долго. Так что... не странно то, что Лейнор всё-таки появился. Странно другое: почему она чувствует себя словно бы ожившей.

Ощущения было как перед надвигающейся грозой, когда с одной стороны ещё ярко светит солнце, а с другой наползает чернота и всё в тебе напряжено, и душа, как струна, натянута до предела между страхом и восторгом. Ты понимаешь, что гроза – неистовая стихия, способная убить. Но это зрелище невероятно завораживает.

Глава 23. Встреча в храме

Через несколько секунд странное радостное возбуждение, охватившее Роуз, схлынуло, уступив место леденящему страху. За спиной Лейнора маячили его охранники с закрытыми кусками чёрной материи до глаз лицами.

Люди, не замышляющие дурного, лиц не прячут.

Как и в прошлый раз, с отцом и Вольфом были их люди, но их было около десятка против полусотни, что стояла за принцем.

– Что это значит, господа? – жрец старался выглядеть решительным, но дрогнувший голос выдавал его страх. – Это – Храм Божий и вы присутствуете на таинстве бракосочетания...

– Разве членам королевской семьи запрещено посещать подобные таинства? – нагло ухмыльнулся принц, останавливаясь в нескольких шагах от молодожёнов.

– Ваше Величество, в храм нельзя входить с оружием в руках...

– Принцам всё можно, – Лейнор продолжал улыбаться, но глаза его оставались холодными, как два куска льда.

– Рискну напомнить, что это богохульство!

– Богохульством было бы обнажить сталь. Пока же клинки в ножнах, божество не оскорбится. Да и нет таких грехов, которые живой и богатый не смог бы искупить в этой жизни молитвой, – с усмешкой заявил принц. – Или, что ещё лучше – золотом.

Лейнор проявлял тот самый цинизм, за которые в первые дни знакомства Роуз успела его возненавидеть. Позже, на острове, он показал ей и другие стороны своего характера. В какой-то момент она почти поверила, что у него есть и светлая сторона.

Рука Вольфа легла на клинок.

Отец Роуз шагнул вперёд, словно на встречу принцу, заодно заслоняя собой молодых.

– Это безумие.

– Что безумного в том, что спаситель хочет пожелать счастье спасённому? – с кошачьей вкрадчивостью проговорил принц.

Его губы раздвинулись шире в улыбке, куда больше напоминающей коварный оскал.

– Здесь нет короля и притворяться излишне. Мы оба знаем, что моя дочь была вами подло похищена. Ни о каком спасении речи не шло.

– Вы смелый человек, граф Вестерлинг, но подобные речи вести опасно. Их могут счесть изменой.

– В тот момент, когда правду станут считать изменой, для честных людей этот мир перестанет быть интересным, ваше величество. Но это случится не сегодня и не завтра. Вы обесчестили мою дочь, вы подвергли её жизнь опасности, и у меня, как у отца, есть не только право, но обязанность поднять против вас оружие. И это ни разу не будет изменой, потому что вы, благодарение Богам, не мой король и не мой принц!

– Отец! – испуганно охнула Роуз, хватаясь графа Вильгельма за руку, повисая на нём всей тяжестью, лишь бы не дать ему обнажить меч.

Угроза особе королевской крови каралась смертью в любом государстве.

– Прекратите. Ни к чему проливать кровь. Не хочу видеть, как глаза вашей дочери туманятся от слёз.

– Тогда зачем вы пришли сюда? – вскричала Роуз, с ужасом понимая, что надвигающуюся стычку остановить не в её власти.

При взгляде на неё лицо Лейнора смягчилось:

– Дорогая, мог ли я пропустить возможность полюбоваться вами в свадебном наряде? Вы прекрасны и белый цвет вам к лицу, как никогда, но, должен признаться, столь прекрасный цветок нуждается в лучшей огранке. Я рассчитывал, что сэр Вольф Бэйр раскошелится более щедро для своей невесты.

Лейнор вновь улыбнулся, услышав, как звенит длинный меч, который Вольф всё-таки выхватил из ножен.

– Не валяйте дурака, мальчик. То, чем вы собираетесь заняться, чистое самоубийство. Вас уложат на эти плиты прежде, чем вы успеете сделать шаг вперёд.

– Вы – жалкий трус! Ничтожество...

– Ну, хватит. Я ничего против того, чтобы ваша юная жена сделалась вашей вдовой, не имею. Меня ваш труп не огорчит. Но не у всех у нас твёрдые сердца.

– Чего вы хотите? Зачем вы здесь?! – с отчаянием спросила Роуз.

– Вы прекрасно знаете, чего я хочу. Желание мои неизменны. Я хочу вас.

Роуз застонала в отчаянии, а Вольф и её отец шагнули вперёд, закрывая её своими телами.

– Обнажите свой меч, принц!

– Господа! Опомнитесь! Что вы творите?! – причитал жрец. – Кровопролитие в храме...

Лейнор послал Вольфу леденящий презрительный взгляд:

– Вы готовы рискнуть жизнью вашей невесты?

– Довольно пустой болтовни! Либо уйдите с дороги, либо примите вызов.

– У меня есть идея получше, – в полутьме храма Роуз увидела, как сверкнул белозубой улыбкой их мучитель. – Я останусь стоять где стою. Или, может быть даже поменяюсь с тобой местами?

– Вы безумны? – выдохнул отец Роуз.

– Прошу вас, не стоит делать резких движений. Ваша дочь принадлежит мне и без церковных обрядов. Ни один мужчина не отдаст свою женщину другому.

– Вот именно, – прорычал Вольф. – И ваше убийство сейчас не будет для меня грехом.

– При условии, что у тебя получится меня убить, – почти равнодушно пожал плечами принц.

Сопровождающая его стража продолжала бездействовать, безмолвно маяча на заднем фоне. Пока – безмолвно, но в любой момент готовые по знаку Лейнора вступить в игру.

Роуз с удивлением вдруг поняла, что не чувствует страха и смотрит на разыгрывающиеся события, как на представление. Волнительное, пугающее и увлекающее одновременно.

Что с ней такое? Что с ней не так?

Она вдруг поняла, что верит, что Лейнор сумеет решить ситуацию бескровно. Понять, что у него на уме, девушка не могла, по верила, что теперь он не посмеет напасть на дорогих для неё людей. Только не теперь, после того, через что они прошли вместе. Только не теперь, после всех тех слов о любви, что он ей говорил. Это его шанс – шанс дать понять, что за его словами действительно стоят серьёзные чувства. А если бы это было не так, то чтобы теперь он делал тут, рискуя вызвать гнев своего брата.

Хотя, с другой стороны, король рано или поздно всё простит своему единственному родственнику, которого любит. Принц Лейнор это отлично знает.

Но если он её любит (а Роуз чувствовала, что это так), он не тронет ни отца, ни её без пяти минут мужа.

Так что же он задумал?

Роуз видела, что он играет с Вольфом и явно наслаждается этой игрой. С другой стороны, она достаточно хорошо узнала Лейнора, чтобы не понимать – ситуацией почти всегда владеет именно он, даже тогда, когда кажется, что это иначе. Впрочем, последнее случается редко. Принц Айдаган предпочитает не скромничать и контролировать всё вполне открыто. Да и делать это при численном людском перевесе совсем не сложно.

– Недооценивать противника опасно, ваше величество, – раздувая от гнева тонкие хищные ноздри прорычал Вольф.

– О! Даже и не знаю, мой воинственный соперник, что для тебя станет большим поражением: если я прирежу тебя в драке, или если со мной что-то случится в ней же? В первом случае ты умрёшь быстро, во втором – гораздо медленнее. Пыточные у моего брата отменные. Слава об этом расходится далеко. Тебе не снести головы.

– Я рискну!

Роуз с облегчением увидела, что отец удерживает своего разбушевавшегося без пяти минут, зятя.

– Лучше не стоит.

– Доставайте шпагу, ваше величество! Быстрее! А не то я уши вам отрежу.

Уверенность Роуз в бескровном завершении всей этой затянувшейся истории в этот момент поколебалась. Она попыталась задержать Вольфа:

– Умоляю! Спрячьте шпагу, любовь моя!

Но разъярённый Вольф стряхнул с себя девушку с такой резкостью и силой, что не подхвати её отец, она бы упала на пол.

– Вы готовы? Так начнём!

Роуз с отчаянием взглянула на продолжающую изображать тени охрану. Понятное дело, что Лейнор приказал им оставаться в стороне, но, если в поединке что-то случится с принцем, все они здесь, до

одного, покойники. Какого чёрта проклятый Айдаган задумал играть со смертью?

– Отец! Остановите же их...

Но тот только притянул дочь к себе, прижимая её к груди.

Клинки зазвенели.

Вольф нападал жёстко и напористо, оружием он владел виртуозно. Лицо его дышало яростью: сжатые губы, грозная бледность и сосредоточенность на пределе человеческих возможностей, даже невольная дрожь рук – всё свидетельствовало о том, что он даже из осторожности не сдерживает владеющий им гнев. Как понесший вперёд, закусивший удила, горячий конь, этот гнев неконтролируемой волной нёс его вперёд, грозя всем им бедой.

Бэйр брал яростью и слой, Лейнор – ловкостью. Он парировал наносимые ему удары с удивительной точностью.

Однако природная, первозданная ярость всё же брала вверх над искусством. Принц успел пропустить три удара, оставившим на белоснежном одеянии принца три пламенеющих алых цветка, из которых кровь расплзлась в стороны.

При каждом таком ударе принц повторял с вежливой улыбкой:

– Это пустяк.

А Роуз хотелось кричать в голос.

Она не знала, кому из них двоих сопереживает больше. Это было ужасно! Наверное, она очень скверная, испорченная женщина, но каждый из этих мужчин был ей дорог по-своему. И, хотя сложившаяся ситуация между ними тремя иначе, чем сейчас, вряд ли бы могла разрешиться – двое мужчин, претендующих на одну женщину рано или поздно обречены схватиться между собой и третьего не дано.

Люди только кажутся цивилизованными, но, когда задеты основные инстинкты, мы ведём себя не лучше зверья. Самцы во время гона бьются за самок, и мужчины не далеко ушли от природы.

Мать всегда учила их с сестрой, что из-за достойных женщин мужчинам никогда не приходится драться. Неужели в том, что случилось, есть её вина? Разве Роуз этого хотела? Она с самого начала хотела оставаться верной своему долгу. Так за что ей всё это: стоять и смотреть, как один мужчина убивает из-за неё другого?

– Прекратите! – закричала Роуз в отчаянии.

Но никто кроме эха её не слушал.

– Да остановите же их!.. – закричала она в тот момент, когда Вольф, словно тигр, прыгнул на Лейнора, сжимая его в железном объятии, весьма похожем на то, в какое когда-то угодил сам – когда спасал Роуз от медведя.

Время словно замедлилось. Она видела, как, не пытаясь разомкнуть кольцо железных рук, не в силах достать противника шпагой Лейнор вероломно выхватил кинжал правой рукой и, выскользнув из рук отца, она бросилась между сцепившимися в тесной схватке мужчинами, изо всех сил, помноженный на удар с разбега, стараясь оттолкнуть их друг от друга. Не дав убить друг друга.

Она оттолкнула от Вольфа Лейнора, ударяя под руку так, чтобы вывести Вольфа из-под удара и в тот самый момент её жених, целясь в принца, вонзил клинок ей в спину. Острая боль обожгла бок со стороны спины и Роуз захрипела, стараясь не кричать от боли, которая только усилилась в тот момент, когда клинок выдернули из раны.

Почти мёртвая тишина воцарилась в тот момент.

Игроки, как шахматы, замерли на своих клетках. На мужских лицах одновременно были написаны неверие, растерянность и боль.

Застыв на несколько секунд, которые ей самой показались вечностью, Роуз пошатнулась и рухнула на подхватившего её Лейнора.

– О боги! Нет! – услышала она за спиной голос Вольфа, полный отчаяния и боли. – Роуз! Какого чёрта ты полезла...

Она чувствовала, как дрожала рука Лейнора. Боль накатывала и захлёстывала, платье быстро делалось горячим и липким.

В глазах мутнело очень быстро. Лицо Лейнора, сосредоточенное, бледное и очень серьёзное, будто он никогда и не улыбался этой своей гадкой, так ненавистной Роуз улыбкой, склонялось над ней.

– Роуз! Дыши! Не сдавайся, рана не может быть смертельной. Мы вытащим тебя, любовь моя... Найдите Хатийма! Немедленно приведите его ко мне. Роуз, милая, держись. Погляди на меня...

Она подняла на него взгляд с трудом. Роуз была в полном сознании и понимала, что умирает. И, как не странно, её это не пугало. В этом было что-то правильное, как в замкнутом круге.

– Пожалуйста, ваше величество...

Холодеющие губы плохо слушались, приходилось прилагать столько усилий, чтобы говорить...

– Ваше величество... обещайте...

– Что?... Что мне пообещать?

– Отпусти отца. И Вольфа. Дайте им вернуться на родину.

Словно облако легло на лицо принца.

– Прошу вас... вы должны мне хотя бы это... жизнь за жизнь... дайте слово...

Их глаза встретились.

На несколько секунд стало очень горько. Роуз совсем не хотелось умирать. Она должна была сейчас ехать вместе с молодым мужем в их новый дом. А после свадебного пира они бы поехали на корабль и вернулись домой. В Семилесье. К сестре и матери, чтобы там уже настоящему отпраздновать то... чему никогда не дано было случиться.

Тот поверженный медведь стал символом. Бэйр – означает медведь. Их любовь с Вольфом боги не благословили. А потом на её пути встретился этот человек, который, по сути, и стал её убийцей, хотя клинок, поразившей её по странной прихоти судьбы и оказался в руки Вольфа.

Почувствовав прикосновение ко второй своей руке Роуз через силу вновь заставила открыть себе глаза. Вольф окровавленными пальцами сжимал её ладонь, которая тоже была вся в крови.

Столько крови... ей стало страшно.

Говорят, умирать не страшно? Врут! Страшно, очень страшно и от того, что понимаешь – бежать невозможно, ещё страшнее. Страшно даже сильнее, чем больно.

Как глупо... два прекрасных мужчины. Оба её любят. Оба готовы были умереть за неё, но в результате, как два капризных ребёнка они поломали свою любимую игрушку.

И как страшно быть той самой любимой поломанной игрушкой...

Бледный, как смерть, Вольф прижал липкую от крови руку Роуз к щеке:

– Прости меня! Прости! Я не хотел!

– Я знаю, – выдохнула Роуз.

– Если бы я только знал!...

– Я знаю, – выдохнула она и из оставшихся последних сил ответила на рукопожатие своего жениха.

А потом перевела взгляд на бескровное лицо Лейнора, которое казалось бесчувственной алебастровой маской, за которой не осталось эмоций.

– Ты обещал отпустить... меня. Но обещания не сдержал...
отпусти...хотя... бы...их...

Ответа Роуз уже не слышала. Мир взорвался последними ударами сердца и дикой болью.

Потом пришла тьма.

Глава 24.Тьма и свет

Тьма пришла. А потом ушла.

Роуз очнулась на кровати в странной комнате. Круглой. Впрочем, даже и не в комнате – скорее это напоминало какую-то беседку, полную воздуха и света. Полукруглые арочные своды заменяли занавески. То и дело врывался свежий и лёгкий, похожий на весенний, ветерок. Сладко пахло цветами, будто она лежала где-то неподалёку от цветников. Журчала вода, как она журчит либо в ручьях, либо в фонтанах – по-особенному музыкально, легко и радостно.

Кровать, на которой лежала Роуз, была высокой и белоснежной.

В первый момент она даже и не поняла, в этом ли она бренном мире или уже очнулась в лучшем. Но потом в одной из полукруглых арок появилась знакомая смуглая фигурка девушки в костюме южанки.

– Салека?.. – проговорила она слабым голосом.

Девушка оживилась:

– О! Госпожа! Вы наконец-то очнулись! Мы уже и ждать устали!

Значит, Роуз всё ещё на грешной земле? С одной стороны – здорово. С другой... убедиться, что ты в мире лучшем – отличнейшая новостью. Если когда-нибудь нам суждено очнуться после смерти за Гранью, значит, страх смерти нас больше преследовать не будет.

Но раз Салека здесь, выходит, она в доме Лейнора? Подобной комнаты в его дворце Роуз не помнила, но ведь, с другой стороны, она была в его доме всего ничего.

– Я позову Хатийма, госпожа. Он велел мне позвать его сразу же, как только он очнётся.

Видимо, Салека боялась, что Роуз станет возражать? Да с чего бы?

Пока Салека исчезла с поля её зрения, Роуз с осторожностью прислушалась к собственным ощущениям. К её великой радости, вроде бы ничего не болело, ни тянуло, не напоминало о полученной ране. Правда, пришло осознание, что ужасно хочется пить.

Хатийм появился беззвучно и тот момент, когда он возник между белыми полукруглыми колоннами Роуз упустила из вида. Шёлковые одежды свободно струились вдоль его тела. Впрочем, на этот раз капюшон был отброшен с лица, открывая гладко выбритый череп,

испещрённый синими линиями и точками татуировки, складывающиеся в замысловатый рисунок, напоминающий собой то ли лабиринт, то ли незнакомый ландшафт.

Красные глаза равнодушно и в тоже время внимательно уставились на Роуз:

– Миледи? Рад тому, что вы пришли в себя.

– Я во дворце принца Лейнора? – Роуз осторожно шевельнулась, пытаясь сесть.

К её удивлению, это получилось сделать без всяких неприятных ощущений. Спина даже не заныла.

– Как долго я была без сознания?

– Около двух недель, миледи.

– Целых две недели? – поразилась она.

Роуз приходилось видеть раненных. Обычно ложе страданий иссушает и душу, и тело.

– Салека?

– Да, моя госпожа? – охотно откликнулась девушка, выглядывая из-за спины мага в красном.

– Можно мне зеркало?

Обменявшись взглядами и полуулыбками с Хайтимом, Салека кивнула:

– Сейчас же принесу, госпожа.

Маг, сделал несколько шагов вперёд, приближаясь:

– Как вы себя чувствуете? – красные, как кровь, глаза, по-прежнему не отрывались от Роуз и в тоже время казались равнодушными.

– На удивление – хорошо. Но где мой отец? Где Вольф?

– С ними всё в порядке. Как вы и хотели, им разрешили вернуться домой.

Роуз при таком известии нахмурилась, пытаясь понять...

– Вернуться домой? – повторила она недоверчиво. – Хотите сказать, что мой отец согласился оставить меня здесь одну? При смерти?

– Нет, госпожа! – ответила на прозвучавший вопрос Салека, как раз успевшая вернуться с зеркалом. – Он не хотел вас оставлять, но принц Айдаган настоял на том, что задерживаться дольше необходимого не имеет смысла.

– Я не понимаю...

– Вы просили зеркало, миледи? – мягким голосом, но непререкаемым тоном проговорил Хайтим. – Салека?.. – повелительно глянул он на девушку.

Та поспешила поднести его к лицу Роуз, так, чтобы та могла бы видеть своё отражение. Вопреки опасениям, болезнь, если исключить некоторую избыточную бледность, не оставила следов на её внешности. Даже волосы выглядели мягкими, ухоженными и шелковистыми.

– Благодарю, – с улыбкой кивнула Роуз девушке, а та улыбнулась в ответ с подкупающей искренностью. – Полагаю, за тот отличный уход, что осуществлялся за мной я тоже обязана вам.

– Мне было несложно, госпожа.

Роуз сделала знак Салеке, что та может быть свободна и вновь повернулась к магу.

– Насколько я знаю моего отца, он никогда бы не оставил меня при смерти. Ни за какие деньги.

– Полагаю, вы правы, – ей мерещилась усмешка в глубине алых глаз и в уголках строго сжатых губ. – Но проблема в том, что вы не были при смерти.

Роуз вопросительно приподняла бровь:

– Не была?.. Значит, мне всего лишь показалось.

– Вы не были при смерти. Вы были мертвы.

Роуз замерла на несколько секунд, разглядывая то алые складки на мантии мага, то его неподвижно-белые руки. Суть сказанного была ясна, но... как в такое поверить.

– Я была мертва?

– Увы, это так.

– Но сейчас?.. – Роуз запнулась, прислушиваясь к себе. – Со мной ведь всё в порядке?

В памяти её быстро промелькнули сказки о вурдалаках, вернувшихся с того света, чтобы пить человеческую кровь. Или о незалежных покойниках, не желающих лежать в могиле и возвращающихся, чтобы так или иначе пакостить живым.

Прислушавшись к себе, не найдя в себе ни дурных чувств, толкающих к разрушению и уничтожению, ни жажды крови, она вновь перевела вопрошающий взгляд на мага.

– Я ведь не превратилась в нежить?

– Такой поворот событий имел шанс на существование, но, по счастью, нам удалось его избежать. Вы – это вы, совсем такая же, какой были до своей смерти. Но ваш отец и жених, теперь уже бывший, полагаю, об этом не в курсе.

– Я не понимаю.

– Конечно, не понимаете. И, полагаю, нуждаетесь в объяснениях. Я присяду с вашего разрешения?

Роуз кивнула, с нетерпением ожидая разъяснений.

– После того, как вы... погибли, принц не находил себе места. Он винил себя в вашей смерти.

– Совершенно справедливо, рискну заметить.

– И всё же... вы всего лишь обычная женщина. К тому же, скажу прямо, не слишком знатного происхождения.

– То, что я вам не нравлюсь, я поняла ещё в нашу прошлую встречу.

– Нравитесь ли вы лично мне, как и я вам – это уже другой вопрос. В любом случае тем, что вы сейчас здесь, приятно вам это будет или нет, леди Роуз, вы в равной степени обязаны как мне, так и моему принцу, – холодный голос тёк, как глубоководная река, ровно, гладко, но от него хотелось поежиться.

От Красного Мага шёл ток силы. И неприязни.

– Вы вернули меня с Того Света? – недоверчиво спросила Роуз. – Но разве такое возможно? Может быть, я просто не до конца умерла? И вы приписываете себе чудесное воскрешение там, где его не было?

Он смотрел на неё и молчал. Но это было молчание того рода, к которому добавлять слова только добавляться лишнего. Исчерпывающее, многозначительное молчание.

– Если бы я умерла, я бы, наверное, почувствовала бы это...

– А вы не почувствовали?

Роуз замолчала, вспоминая тот леденящий, ни на что не похожий холод, что сковал её в Храме. Тогда она не сомневалась, что делает последний вздох.

Кстати, это действительно вздох, сделав его умирающие уже не выдыхают.

– Но ведь я должна была бы что-то видеть там – за гранью? Но всё что я помню, это...

Она стихла. Страшно признавать, но кроме темноты не было ничего.

– Что же вы помните? – всё тем же спокойным и ровным голосом вопрошал Хайитим.

– Ничего.

– Не самое страшное на свете воспоминание – ничего. Многие бы отдали за подобное немало.

Она помолчала, пытаясь примириться с услышанным. Сделать это было... несложно. Она жила и дышала совсем как раньше. Для неё ничего не менялось.

– Расскажите мне, пожалуйста, что было, пока я... – Роуз хотела, было, сказать, «была в беспамятстве», но осознала, что смерть вряд ли можно охарактеризовать подобными словами. А говорить «я была мертва» её язык отчего-то не поворачивался.

– Его величество было в таком отчаянии, что король разрешил мне провести Чёрный Обряд. Полагаю, вы о подобном не слышали?

Роуз покачала головой.

– Это магия Проклятых Земель, способная возвращать тени умерших, при условии, что с момента их смерти прошло немного времени. После трёх дней ещё ни разу и никого вернуть к жизни не получалось.

– Он опасен?

– А как вы думаете? Многих возвращённых с того света вы видели? Или хотя бы слышали о таких?

Роуз снова покачала головой.

– Я надеюсь, вы возместите нашему принцу то, что он отдал за вас.

Голос Хайтима по-прежнему был тих и холоден.

– Что же он отдал?

Алые глаза словно иглы вонзились Роуз прямо в мозг, с такой силой, что она ощутила, как заломило её виски.

– Свою жизнь.

Сердце словно замерло в груди:

– Что?! Вы же не хотите сказать, что принц Лейнор умер вместо меня?! – с отчаянием прохрипела Роуз, потому что горло словно пережало чьей-то жёсткой ладонью.

– Нет, что вы? – и снова ей мерещилась усмешка в красных глазах и на кроваво-алых устах. – Всё не настолько плохо. Но вы ведь уже знаете, что Айдаганы представители другой расы, которую людской можно назвать условно. Они живут вдвое, а то и втрое дольше людей. И принц жил бы. Если бы не поделился с вами таким богатством, как время. Но за смерть платят жизнью. Так что цена названы и цена оплачена. Будьте ему хорошей женой.

– Вряд ли король разрешит ему жениться на мне.

– Даже если по людским законам рядом с принцем и будет стоять другая женщина, то в его глазах и глазах богов именно она будет наложницей. Вас повенчала сама Смерть. Хотя... если Его Величество не побоялся рискнуть ради вас жизнью, что-то мне подсказывает, что брата он тоже не испугается.

– А где само его величество?

– Скоро будет. Я послал ему весть о том, что скоро он получит свою награду.

Роуз чувствовала обжигающую неприязнь за тем панцирем холодности, в которую маг заковал её. Это не была ненависть – скорее, Красный Маг не понимал, что его возлюбленной господин мог найти в этой простой, смертной девчонке. Но эта враждебность вряд ли могла быть опасной? К тому же, как ненавидеть того, кому ты, может быть, и против воли, но обязана жизнью?

– Благодарю вас.

– Не за что.

– Может быть моя жизнь для вас и ничто, господин маг, но я достаточно высоко ею ценю. И как бы не сложились обстоятельства в будущем, я никогда не забуду того, что вы для меня сделали.

– Не говорите «никогда», миледи. Сама человеческая жизнь завершается до того, как оно начинается. Время покажет.

– Друзьями мы не станем, но и врагами не будем.

– Время покажет, – холодно прозвучало в ответ.

Не слишком обнадеживающее, но Роуз не желала забивать себе голову мыслями о Красном Маге. Все её помыслы устремились к Лейнору.

– Помоги мне одеться к приходу принца, – велела она Салеке.

Ей хотелось быть красивой к его приходу.

Девушка охотно выполнила её приказ.

Магия – великий врачеватель. От страшной, смертельной раны остался лишь тонкий шрам, похожий на звёздочку. Да лёгкая слабость.

Роуз понимала, что должна была думать о горе отца и Вольфа, но... отчего-то не думалось. Будто она и правда умерла, и находилась в другом мире, а всё, что прежде имело значение, осталось в прошлом.

Девушки под руководством Салеки торопились, делая её причёску из локонов, увенчивая тёмную корону из локонов настоящей, из тонкого золотого обруча. Стройное тело её облекли в алые щелка, оставляющие свободными нежные руки и стройную шею. Руки, на южный манер, украсили тонко звенящими браслетами.

Глядя на себя в зеркало Роуз себя узнавала и нет. Да, это была она, но в тоже время... несмотря на то, что тело было целомудренно прикрыто, ткань была такой лёгкой и гладкой, что она чувствовала себя обнажённой. С другой стороны, здешнее жаркое солнце любую другую одежду сделало бы невыносимой.

Роуз спустилась в оранжерею, к фонтанам. Силы пока не полностью вернулись к ней, но зато это состояние искупалось пьянящей радостью – она жива! Всё счастье этого состояния в полной мере может познать лишь тот, кто стоял на краю смерти и глядел в её алые глаза.

Зелень, цветы, легкокрылые бабочки и полосы солнечного цвета, в которых пляшут едва приметные глазу – всё казалось райским садом. Журчание воды и колебания воздуха казались целебным бальзамом.

Роуз почувствовала, что не одна и знала, чей взгляд чувствует на себе ещё до того, как обернулась.

Лейнор, как часто это случало при их встречах, был в белом. Он казался ледяной статуей в летнем саду, а яркие цветы в высоких белых вазонах, плетущиеся и просто тянущие бутоны к солнцу делали его в чём-то похожим на сказочного эльфа.

– Мой принц? – улыбнулась Роуз.

Но он не улыбался, лишь смотрел. Взгляд его казался серьёзным, глубоким и тёмным, как вода в чёрном омуте.

– Вы не рады видеть меня? – спросила она.

– Рад? Нет, то, что я чувствую, сложно обозначить этим словом.

– Что же вы чувствуете?

– Гармонию. То, что всё наконец-то правильно. Как и должно быть.

Отведя кисть пышных соцветий в сторону, Лейнор приблизился к Роуз. Она не двинулась ему на встречу, но и впервые не попыталась уклониться от него, его рук, объятий и взгляда.

– Роуз, – произнёс он вслух её имя, словно бы пробуя на вкус. – Ты, наконец, простила меня?

– Да. Хотя у меня осталось к вам несколько вопросов.

– Как же без этого? – тень саркастической усмешки пробежала по его лицу.

– Вы нарочно сказали моему отцу о моей смерти?

Их взгляды вновь скрестились:

– Я ничего ему не говорил. Он сам это видел.

– Но я ведь жива?

– У меня не было уверенности в том, что обряд вернёт вас, такой, какой мы вас потеряли. Конечно, я мог бы посвятить вашего отца в мои планы, но... вы же знаете, любовь моя, мы с вашим отцом разные люди. В отличие от меня он человек чести и смог бы счесть это оскорблением себя и осквернением вашего тела. Чёрная магия не то, с чем большинство людей желает иметь нечто общее.

– Я не чувствую в себе никаких изменений. Но, признаться, тоже предубеждена против некромантии.

– Других вариантов у меня не было.

– Вы твердо решили никуда меня не отпускать?

– Да, – проговорил принц, обжигая Роуз ледяными глазами.

Покраснев, она на мгновение отвела взгляд в сторону, но затем вновь заставила себя смотреть ему в лицо:

– Всего этого можно было избежать, не устрой вы ту безобразную драку прямо в храме.

– Будьте справедливы, любовь моя. Это не я её устроил. Ваш прекрасный рыцарь без страха и упрёка.

– Но вы же его спровоцировали. Зачем вы приехали? Вы же понимали, что без борьбы он не уйдёт?

– У меня был план. На тот момент я считал его надёжным. Признаться, я позволил себе немного поиграть с Вольфом, но ваше героическое вмешательство я никак не предвидел. Вы каждый раз путаете мои планы. Но, наверное, за это я вас так и люблю? – кривая улыбка вновь коснулась бледных губ.

– Так что же это был за план, мой принц? – в тон ему спросила Роуз.

Принц предложил ей руку и, опираясь на неё, они двинулись по дорожкам, усыпанным чистым жёлтым песком, любуясь фонтанами и цветниками.

– О! Всё было очень просто. Видите ли, ваш, теперь уже бывший, жених, как вы уже, несомненно могли заметить, человек азартный и страстный. Он не умеет сдерживать себя и это касается не только его любовных походов или бесконечных поединков...

– Как будто всё то же самое нельзя сказать и о вас?

– Поверьте, с моими возможностями, не так уж много любовниц у меня было. Но вернёмся к нашему Вольфу.

– Нашему? – насмешливо фыркнула Роуз.

– Он проиграл мне огромную сумму денег. Ещё до нашей с вами встречи. А также проигрался и многим другим. Я оплатил его долги и собрал у себя все его долговые расписки и сумма его проигрыша была такова, что, пожелай он расплатиться, ему бы пришлось продать все родовые земли, включая родовой замок Бэйров. Подобного позора его отец бы не пережил. Как и любой другой, в принципе, тоже. Так что я планировал простое предложение: я отдаю ему все его долговые расписки взамен на его невесту.

Роуз онемела, не зная, что сказать. Всё было так просто и так... неприятно.

– Мужчины столько поют о любви, а на самом деле...

– Вы ненасытны, любовь моя. Вы хоть представляете, сколько стоят все эти земли, на которых живут тысячи людей. Женщин в том числе. Многие из них не менее прекрасны, чем вы, моя красавица, но им не повезло привлечь к себе внимание таких людей, как я. Или, скажем, Бэйр. Бэйру пришлось отдать вас мне за баснословную сумму. Так что не жалуйтесь.

Он говорил с притворным гневом, полушутя, полусерьёзно.

Про то, что за её жизнь он заплатил годами своей, Лейнор не упомянул. Если бы Красный Маг не посвятил её в некоторые тонкости, Роуз бы так и оставалась в неведении об истинном положении дел.

– Станный вы человек, мой принц, – тихо проговорила Роуз.

– Станный?

– Да, – кивнула она, останавливаясь и поворачиваясь к нему. – Одновременно и очень плохой, и очень хороший.

Его руки сомкнулись вокруг тонкой талии Роуз, страстно и в тоже время бережно поддерживая. Она оказалась в кольце его объятий.

– Вы моя, Роуз. Я заплатил за вас по людским и божественным законам.

– Да, мой принц.

– Вы останетесь со мной.

– Останусь.

Они молча смотрели друг другу в глаза. Она с лёгкой насмешливой улыбкой, а он – очень серьёзно.

– Вы останетесь со мной только потому, что...

– Вы заплатили за меня высокую цену, мой принц? – насмешливо изогнула она бровь.

Совсем так же, как любил делать это он.

– Кажется, вы не оставили мне другого выбора. С первых дней вы всегда владеете и ситуацией, и людьми. Даже если бы я и хотела уйти, рядом больше нет моего отца. Или моего бывшего жениха. Я окружена днём и ночью вашему людям. Я ваша, мой принц. Так что же вас беспокоит?

– Я не хочу рабыню. Мне нужна принцесса. Мне нужна твоя воля. Нужна уверенность, что золотая клетка, удерживающая птичку в клетке – это не только моё желание, но и твоё. Мне нужна... твоя любовь.

Роуз опустила густые ресницы:

– Что ж? Если она вам нужна, полагаю, вы найдёте способ завладеть ею, мой принц. Ведь вы из тех людей, кто всегда добивается поставленной цели. Я останусь с вами, как вы того и хотите. Но не пленницей. Для начала, смогу ли я написать моим родным, что жива?

– Конечно, любовь моя. Но за это вам придётся кое-что сделать.

– Что же?

– Поцелуйте меня.

Они обменялись взглядами. И если бы взгляды были клинками, Роуз пропустила бы удар. Или ей просто надоело это сражение.

– С радостью.

Потянувшись к нему всем телом, она впервые ответила на поцелуй Лейнора по собственной воле.

Хотя, нет. Не впервые. Кажется, это началось ещё на острове...

Солнечный свет был повсюду. Сладко пахло цветами. Губы Лейнора были сухими, чуть шероховатыми и солоноватыми на вкус. Его руки уверенно и твёрдо поддерживали Роуз.

Она прошла долгий путь от ненависти до любви. Она сражалась, побеждала и вынужденно отступала. Она умирала и воскресала.

А сейчас... сейчас она чувствовала, что всё правильно. Так, как и должно быть.

В жизни не всё складывается так, как мы того хотим. Иногда следует бороться с судьбой, а иногда – уступать ей. Иногда следует проявляться характер, а иногда – быть мягкой и уступчивой. Правда жизни в том, что иногда из уродливых плодов могут вырастать прекрасные деревья, а иногда – наоборот. То, что началось кошмаром, изменилось, превратившись в прекрасный сон.

Он похитил её и насильовал, но он же спасал, защищал, рисковал ради неё. Шёл наперекор воле жестокого брата. И не отдал даже смерти. А самое главное, он старался измениться ради неё – измениться к лучшему. Большого ни один человек ради другого сделать не может.

Существует ли на свете мужчина, который будет любить Роуз сильнее?

Каждый пострадавший имеет право на справедливое отмщение, но разве прощение и милосердие не стоят выше? Не стоят дороже?

Она была влюблена в Вольфа и тот был хорошим человеком. Пусть и не без недостатков. Но какой смысл обманывать себя? Сейчас она любила Лейнора. Со всеми его хорошими и плохими сторонами.

Прервав их поцелуй, Роуз тихо спросила:

– Я стану твоей женщиной? Или женой? Ты подаришь мне венок из роз?

– Конечно, подарю. Разве однажды я уже не обещал тебе этого, моя дорогая? – с усмешкой прозвучало в ответ.

И они вновь прильнули друг к другу телами, разделяя бесконечно сладкий поцелуй.

Тьма пришла и ушла.

Сейчас же был свет.

Конец книги

